

Артур ТАБОЛОВ

ШПИОН

Роман

**Москва,
2014**

В ноябре 2003 года неподалеку от Лондона, в своём доме в графстве Суррей на 95-м году жизни умер человек, чьим именем названа улица в университетском городке Лондона, бронзовый бюст которого установлен в американском космическом центре Лос-Аламосе, портрет которого в 1972 году американские астронавты доставили на Луну вместе с портретом Вернера фон Брауна, глава Департамента авиации и космической технологии Лондонского университета, профессор Григори А. Токати. Он унёс с собой тайну превращения осетинского подростка из нищего селения Новоурухское Владикавказского округа Гогки Токаты и подполковника Красной Армии Григория Токаева во всемирно известного английского учёного Токати. Мемуары Григория Александровича до сих пор засекречены. В романе «Шпион» делается попытка пролить свет на эту чрезвычайно загадочную историю.

Вместо пролога

ПЕРЕБЕЖЧИК

3 ноября 1947 года на военной базе британских ВВС вблизи Лондона совершил посадку тяжелый бомбардировщик «Ланкастер», прибывший из Берлина. В трюме было три человека: один штатский, лет тридцати пяти, рослый, с резкими чертами лица, в габардиновом макинтоше и двубортном костюме, привлекательная женщина примерно того же возраста, модно одетая, и девочка лет восьми. Их сопровождала охрана из пяти солдат во главе с младшим офицером.

Самолёт ждали. Как только он вырулил на стоянку и заглушил моторы, к трапу подкатил длинный чёрный лимузин с закрытыми шторками окнами, охрана передала пассажиров «Ланкастера» трём штатским, их пересадили в машину, лимузин в сопровождении джипа с автоматчиками выехал из ворот базы и направился в сторону Лондона.

Вечером того же дня в одном из домов на Кингстон Роуд раздался телефонный звонок. Хозяин квартиры взял трубку:

– Хопкинс, слушаю.

Звонил полковник Энтони Браун, один из заместителей директора МИ-5 сэра Перси Силлитоу, курировавший недавно созданный русский отдел британской контрразведки. Ветерану секретной службы Брауну было за шестьдесят, он начинал ещё после Первой мировой войны, когда штат Секрет интеллигент сервис состоял всего из тридцати офицеров. В 1947 году их было около восьмисот. К этому времени СИС разделилась на контрразведку МИ-5 и внешнюю разведку МИ-6.

Звонок Энтони Брауна майору Хопкинсу был необычным, напрямую они почти никогда не общались, все распоряжения передавались через начальника русского отдела.

– Вы мне нужны, Джордж, – слегка скрипучим голосом произнёс Браун. – Дело срочное. Одевайтесь и выходите, машина ждёт. Вы поняли?

– Да, сэр.

Срочные вызовы на службу во время войны были привычны, теперь они стали редкими. Хопкинс понял, что что-то произошло, но спрашивать не стал, о делах по

телефону не говорят. Он надел шляпу и плащ, взял зонт и вышел из дома. Машина уже ждала у подъезда. Это был тёмно-синий «Austin Seven» из гаража МИ-5, очень популярная в те годы «семёрка», на её лаке отражались уличные фонари, затуманенные морозящим дождём. Водитель молча открыл перед Хопкинсом заднюю дверь, так же молча сел за руль и завёл двигатель.

Этот район Лондона сильно пострадал от немецких «Фау-2», часть домов начали восстанавливать, развалины других обнаруживали себя зловещими чёрными провалами, прерывающими городские огни. Хопкинс предполагал, что его отвезут в Блейнхем Палас, дворцовый комплекс в Вудстоке, в двенадцати километрах севернее Оксфорда, где с 1940 года располагались основные службы МИ-5. Но с Кингстон Роуд машина свернула на юг, прошелестела шинами над тёмной Темзой по Вестминстерскому мосту, пересекла безлюдные, словно бы насторожённые, городские кварталы и вырвалась в пустоту, в ночь с мокрыми вересковыми кустарниками.

– Куда мы едем? – спросил Хопкинс.

– Куда надо, сэр, – вежливо, но как бы неохотно ответил водитель. – Будем на месте через сорок минут.

Оставалось ждать и молча смотреть, как навстречу машине летит лента пустого шоссе.

Джорджу Хопкинсу было тридцать лет. Перед войной он окончил Тринити-колледж Кэмбриджского университета со специализацией по славистике. Ещё в детстве в нём обнаружилась способность к языкам. Знал немецкий, свободно говорил по-французски, но самым любимым предметом был русский язык. Он мечтал перевести на английский загадочного Достоевского и Чехова, не менее загадочного, но совсем по-другому. Те переводы, которые уже были, ему не нравились, они не передавали тайнства текстов великих русских писателей.

Но карьеры переводчика не случилось. Началась война, Джорджа мобилизовали и направили в тот департамент Адмиралтейства, который вёл переговоры по ленд-лизу с русскими союзниками. Дважды он сопровождал транспорты до Архангельска. Последний конвой оказался неудачным, караван был атакован немецкими истребителями и бомбардировщиками, три большегрузных судна со «Студебеккерами» потопили. В бою Джордж заменил убитого стрелка зенитной установки. И хотя его неумелая стрельба никакого ущерба немцам не нанесла, а сам он был ранен в плечо, командование оценило его храбрость и самообладание, его наградили Военной медалью. В госпитале к нему пришёл незнакомый человек в военной форме без знаков различия, долго расспрашивал его и предложил перейти на службу в контрразведку.

– Чем занимается эта служба? – спросил Джордж.

– Ловим немецких шпионов. Нам нужны такие молодые люди, как вы. Ваше знание языков найдёт хорошее применение.

– Могу я подумать?

– Конечно, можете, – усмехнулся незнакомец. – Три минуты вам хватит?

Через три минуты Джордж сказал:

– Согласен.

После краткосрочных курсов он получил чин лейтенанта и был зачислен в штат оперативного управления МИ-5.

В годы войны выявление германской агентуры было главной и единственной задачей контрразведки. В 1945 году, когда был захвачен архив абвера, выяснилось, что во время войны в Великобритании активно действовали 115 немецких шпионов. Все они были выявлены и арестованы. Лишь один избежал ареста, он покончил жизнь самоубийством. Часть германских агентов была перевербована и поставляла немцам дезинформацию, которую готовили аналитические службы МИ-5.

После речи Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже Фултона 5 марта 1946 года приоритеты британской контрразведки кардинально изменились. Через неделю в интервью «Правде» Сталин поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что тот призывает Запад к войне с Советским Союзом. СССР из союзника превратился в противника, началась холодная война.

Для МИ-5 это был очень серьёзный вызов. Германской разведке всегда было трудно вербовать агентуру в Англии, исторически сложилось так, что немцев там не любили и ко всему немецкому относились с настороженностью. Совсем другое отношение было к русским. В памяти британцев ещё были живы воспоминания о совместной борьбе и общей победе над фашистской Германией. В Англии легально действовала коммунистическая партия, насчитывавшая около 50 тысяч членов. Социалистические идеи имели широкое хождение среди интеллигенции. Всё это создавало благоприятные условия для вербовки советской внешней разведкой шпионов и агентов влияния. Попыткой противостоять этому стала реорганизация МИ-5. В её структуре был создан русский отдел с самыми опытными контрразведчиками, ему были подчинены все службы. Одним из сотрудников отдела стал майор Джордж Хопкинс.

Машина свернула с шоссе на просёлочную дорогу и через некоторое время остановилась перед металлическими воротами.

– Приехали, сэр, – доложил водитель.

В глубине большого участка стоял двухэтажный особняк с колоннами у входа, просторными окнами второго этажа и забранными коваными решетками окнами первого этажа. Джордж хорошо знал этот дом. В начале войны он был арендован или куплен на подставное лицо хозяйственным управлением МИ-5. В нём проходили подготовку диверсионные группы перед заброской в тыл немцев, изучали радиодело, учились обращаться с взрывными устройствами, тренировались в стрельбе из всех видов оружия под руководством опытных инструкторов. За особняком, скрытые плотным строем дубов и клёнов, были небольшой стадион и тир. Джорджу приходилось здесь жить по месяцу и больше, контролируя подготовку диверсантов.

Два вооруженных охранника тщательно проверили документы прибывших и открыли ворота. «Семёрка» проехала по аллейке, посыпанной красным толчёным кирпичом, и остановилась у входа в особняк. Здесь уже стоял тяжелый чёрный «даймлер» Энтони Брауна. Сам Браун, в сером сюртуке с черным галстуком-бабочкой, сидел в кресле в просторной гостиной на втором этаже, курил трубку и читал «Таймс». Он был похож на уважаемого джентльмена на пенсии, отдыхающего в своём клубе, но никак не на матерого контрразведчика. «А на кого похож я?» – мимолётно подумал Хопкинс и сам ответил: «На мелкого банковского клерка».

Браун отложил газету и благожелательно покивал:

– Проходите и раздевайтесь, Джордж. Извините, что испортил вам вечер. Вы, вероятно, спрашиваете себя, что заставило меня это сделать?

– Интересно, сэр, – подтвердил Хопкинс.

– Сейчас поймёте. Пойдёмте, я вам кое-что покажу.

Браун выбил пепел из трубки в хрустальную пепельницу, сунул трубку в карман сюртука, тяжело поднялся с кресла и вышел из гостиной. Охраны в особняке не было, но Хопкинс знал, что она есть. По одному вооруженному человеку на каждом этаже, а то и по два. Спустившись в подвал, Браун открыл окованную железом дверь. За ней была небольшая комната с низким потолком и узким, во всю стену, окном. Из окна была видна другая комната, побольше, ярко освещенная, с длинным столом посередине и с четырьмя металлическими стульями вдоль стола с привинченными к полу ножками. Она была на несколько метров глубже первой комнаты. Чтобы войти в неё, нужно было спуститься ниже в подвал.

Джордж знал, что это за комнаты. В большой проводили допросы, из маленькой следили за их ходом. Звук транслировался через скрытые микрофоны. Стекло было поляризованным. Оно позволяло наблюдателю видеть всё, самому же оставаться невидимым.

По комнате для допросов от одной стены к другой ходил высокий, крепкого телосложения, довольно молодой мужчина с чёрными, странно подстриженными волосами, короткими на висках и длиннее сверху. Такие причёски Джордж видел у русских военных, они почему-то назывались полубокс. Лицо у него было хмурое, плохо выбритое или с отросшей щетиной. Он был в хорошем чёрном костюме с накладными, по моде тех лет плечами, но костюм сидел на нём так, словно был сшит на кого-то другого. Обычно так выглядят штатские костюмы на кадровых военных, привыкших к мундирам. Он курил папиросы, сминая мундштук в гармошку. На столе лежали самодельная зажигалка из винтовочного патрона и папиросная пачка с изображением всадника на фоне какой-то горы. Пепельница была полна окурков. Но что Хопкинса удивило больше всего – на нём были разные ботинки, чёрные, похожие друг на друга, но явно разные.

– Что скажете, Джордж? – поинтересовался Браун.

– Кто это?

– Перебежчик. Русский офицер, подполковник Токаев.

– У него не славянская внешность.

– Да, он осетин. Есть такая небольшая республика на юге России. Но нам важно другое. С 1945 года он был секретарём Союзного контрольного совета в Германии. Комиссию возглавлял маршал Жуков. Позже Токаев работал в Военном управлении Секретариата, занимался поиском немецких учёных, участвовавших в ракетной программе фон Брауна. Некоторое время назад он вышел на нашего человека в Берлине и сообщил, что хочет получить политическое убежище в Великобритании. Я дал согласие. Сегодня его доставили в Лондон. Его, его жену и дочь. Инфильтрацию пришлось проводить срочно, обратились за помощью к ВВС. Никогда ещё «Ланкастер» не летал с таким грузом.

– Как ему удалось оторваться от слежки? – удивился Хопкинс. – Да ещё с семьёй!

Они же все были под пристальным наблюдением.

– Это нам и предстоит выяснить.

– Где сейчас его жена и дочь?

– В надёжном месте.

– Вы хотите, чтобы я его допросил?

– Да, этого я и хочу. По-английски он не говорит. Вам придётся провести с этим человеком не один день и, возможно, не один месяц. Он очень много знает. Вы поняли, какой самый главный вопрос, который нас сейчас интересует?

– Да, сэр.

– Приступайте.

По железной лестнице Хопкинс спустил в подвал. Охранник, вооруженный автоматом «стен», открыл тяжелую дверь. При появлении Хопкинса перебежчик остановился и хмуро, исподлобья посмотрел на него.

– Садитесь, господин Токаев, – дружелюбно предложил Хопкинс. – Давайте познакомимся. Меня зовут Джордж Хопкинс, я служу в контрразведке. Зовите меня просто Джордж. Я знаю, что вы не говорите по-английски. Будем говорить на русском. Как мне называть вас?

– Григорий. Что с моей семьёй? Куда её увезли?

– Не беспокойтесь, ваша семья в безопасности, она не испытывает никаких неудобств. Удовлетворите, Григорий, моё любопытство. Я обратил внимание, что на вас разные ботинки. Почему?

– Вам никогда не приходилось собираться в спешке? – вопросом на вопрос ответил Токаев. – Когда даже минута промедления смертельно опасна?

– Нет.

– А мне пришлось.

– При каких обстоятельствах это произошло?

– Вы не с того начали, Джордж. Вас сейчас волнует совсем другой вопрос.

– Какой же?

– Не является ли мой побег попыткой советской разведки внедрить меня в Англию.

Я прав?

– Да, правы. Как вы ответите на этот вопрос?

– Если я скажу «нет», вы же мне не поверите?

– Не поверю, – согласился Хопкинс.

– Вы не поверите ничему, что я скажу.

– Такова специфика нашей службы.

– В таком случае ответ вам придётся искать самому.

В последующие пятьдесят шесть лет, до самой смерти подполковника Григория Токаева, британский контрразведчик Джордж Хопкинс так и не смог ответить на этот самый главный вопрос.

I

25 апреля 1945 года шесть армий 1-го Белорусского фронта и три армии 1-го Украинского фронта начали штурм Берлина. Ранним утром первого мая над рейхстагом был поднят штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии. 8 мая в 22 часа 43 минуты по центральноевропейского времени в берлинском предместье Карлсхорст был подписан Акт о капитуляции Германии. Акт подписали начальник Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Штумпф и адмирал фон Фридебург. Безоговорочную капитуляцию Германии приняли маршал Жуков и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами британский маршал Теддер. В качестве свидетелей подписи поставили американский генерал Спаатс и французский генерал де Тассиньи.

Третий Рейх перестал существовать, Германия была разделена на четыре оккупационные зоны. Американские войска заняли юго-запад страны, английские – северо-запад, советские – восток. За счёт американской и английской небольшую зону оккупации получила Франция. Весь Берлин был занят частями Красной Армией. Это не устраивало союзников. Во время Потсдамской конференции в августе 1945 года министр иностранных дел Великобритании Бевин и министр иностранных дел СССР Молотов заключили соглашение, по которому союзники выводят свои войска из Тюрингии, а Советский Союз уступает им западную часть Берлина. Когда об условиях соглашения доложили Сталину, он выразил резкое недовольство, но Молотову удалось убедить его в правильности решения, потому что речь шла об одном из самых острых вопросов, которые поднимались в Потсдаме – о германский репарациях.

Ещё на Ялтинской конференции в феврале 1945 года была достигнута договорённость о том, что Германия обязана возместить ущерб в 20 миллиардов долларов США, причинённый другим государствам, при этом 50 % пойдёт Советскому Союзу. В Потсдаме западные делегации изменили свою позицию, мотивируя это тем, что сумма репараций чрезмерна, так как Германия потеряла много земель, а её промышленность разрушена. После трудных переговоров было принято предложение госсекретаря США Бирнса: общая сумма репараций не оговаривается, изъятия производятся из собственных зон оккупации, СССР получает из западных зон четверть демонтированного там оборудования. Но и на этом дискуссии не закончились. Сталин неожиданно заявил, что

СССР отказывается от золота и зарубежных германских инвестиций и согласен на репарационные изъятия только из советской оккупационной зоны. Западных союзников этот вариант устроил, хотя они не поняли, чем вызвано заявление главы советской делегации. Они не знали, что бесконтрольные поставки промышленного оборудования и материалов из Германии в СССР уже идут полным ходом. На вторую половину 1945 года был установлен жёсткий план: не менее 3 миллионов 600 тысяч тонн грузов по железной дороге и не менее одного миллиона 200 тысяч тонн морским путём.

Присоединение Тюрингии к советской зоне оккупации способствовало выполнению этой программы. Оборудование большинства заводов Берлина было уже демонтировано и вывезено в Советский Союз, промышленно развитая Тюрингия представлялась ценным приобретением. Большой интерес вызывали Рудные горы, в которых, по предположениям советских геологов, могли содержаться месторождения урана, крайне необходимого для ядерного проекта СССР. Эти соображения оказались решающими.

Так и получилось, что осенью 1945 года, когда майор инженерных войск Григорий Токаев прибыл к новому месту службы в Советской военной администрации Германии, Берлин уже был разделён на четыре оккупационные зоны. В американский сектор вошли округа Нойкёльн, Кройберг, Кемпельхоф, Шёненерг, Штеглиц и Целендорф, в британский – Шарлоттенбург, Шпандау, Тиргартен и Вильмерсдорф, во французский – Веддинг и Райниккердорф. Самым большим был советский оккупационный сектор с округами Панков, Вайсензее, Пренцлауэр-Берг, Митте, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Копёниг и Трептов.

Берлин, каким его впервые увидел Токаев, произвёл на него гнетущее впечатление. Город лежал в руинах, от многих зданий остались только фасады. Срезанные бомбами стены обнажали внутренность домов с уцелевшей утварью и картинами на стенах. Купол рейхстага напоминал скелет, сквозь него были видны низкие облака. Оставшиеся в городе немцы выползали из подвалов и рылись в развалинах, вытаскивали обгорелые доски и грузили их на тележки, на кострах из них готовили еду.

«Я много чего повидал за годы войны, – рассказал Токаев на одном из допросов британскому контрразведчику майору Джорджу Хопкинсу. – Видел разрушенные бомбами дома в Москве, взорванный Крещатик в Киеве. Но то, что я увидел в Берлине, потрясло меня так, что первые дни я не мог спать, я задыхался, мне всё время казалось, что я на кладбище. Я и раньше знал, что война – это страшная беда. Но только в Берлине понял, какая это жуть, дьявольщина. Я тогда сказал себе, что сделаю всё, что смогу, чтобы это никогда не повторилось».

«Мне показалось, что он говорил искренне», – замечает Хопкинс в комментарии к протоколу допроса.

II

Гогки Токаты Ахматы фырт родился в 1909 году на южной окраине Российской империи, в селе Новоурухское Владикавказского района Терской области в бедной крестьянской семье. В 1917 году его отец умер. В 1920 году семью переселили на новые земли на северо-западе Осетии, на границе с Кабардино-Балкарией. Там, в селе Ставд-Дорт прошло всё его детство. Гогки Токаты ни одного дня не провёл за школьной партой, с малых лет по мере сил работал по хозяйству – пас коз, собирал хворост и кизяк для домашнего очага. Когда немного подрос, наравне с взрослыми работал на кукурузном поле. Было не до учёбы, но природная любознательность дала о себе знать, он самостоятельно научился читать и писать, читал всё, что попадалось – книги, газеты, старые, ещё дореволюционные журналы.

Как и все его сверстники, он рос при советской власти, идеи светлого будущего, которое обязательно сменит трудную голодную жизнь, находили самый живой отклик в

его душе. Он рано вступил в комсомол, а в 1931 году стал членом ВКП(б). Несколько лет до этого работал на «Фордзоне», одном из первых тракторов на Северном Кавказе и единственным в районе, сам его ремонтировал. На активного рослого парня обратили внимание, в 1928 году ему дали путёвку на рабфак Ленинградского Горного института. Рабфак он окончил очень успешно, проявил незаурядные математические способности и был направлен для продолжения учёбы в Москву, в Высшее техническое училище имени Баумана. После окончания училища поступил на службу в Красную Армию и стал работать в Военно-воздушной академии имени Жуковского. Уже через год возглавил одну из лабораторий академии, в 1941 году защитил кандидатскую диссертацию и стал деканом факультета авиационной техники.

За все эти годы он ни разу не побывал на родине, но образ Осетии, её гор, лесов и быстрых холодных рек навечно впечатался в его память. В 1989 году, когда профессору Токати исполнилось 80 лет, за выдающиеся научные достижения он был представлен к рыцарскому званию. Но почётную приставку «сэр» к своему имени он так и не получил. Для этого каждый претендент, включенный в список, должен был принести клятву верности Её Величеству королеве Великобритании. Профессор Токати от титула отказался, объяснив это так:

«Я, осетин Гогки Токати, тоже попал в этот список. Но для этого я должен был выразить свою преданность королеве Англии в специальной декларации. Иностранец здесь не может стать сэром без этой клятвы. Я отказался от клятвы. Почему? Я не англичанин, я осетин, хотя бесконечно благодарен этой стране за такое доверие, за такую честь. Но я сын Кавказа, там я впервые вдохнул воздух жизни. Меня никакими званиями и наградами нельзя сделать неосетином».

К 1941 году осетин Григорий Токаев уверенно обосновался в Москве. Женился на уроженке Владикавказа Азе Баевой, она училась в Московском химико-технологическом институте имени Менделеева, получил комнату в малонаселенной коммунальной квартире в Фурманом переулке. В 1938 году родилась дочь Белла. Была увлекательная работа в аэродинамической лаборатории академии Жуковского, была счастливая молодая семья, впереди открывалась серьёзная научная карьера.

Всё закончилось 22 июня 1941 года.

III

Из протокола допроса подполковника Токаева майором Хопкинсом 14 декабря 1947 года:

- «– Продолжайте, Григорий. Что с вами происходило после начала войны?
- Сначала объясните, чем был вызван двухнедельный перерыв в допросах. Только не говорите, что вы были заняты другими делами. У вас есть только одно дело. Это дело я.
- Вы подробно рассказали о своей работе в Военно-воздушной академии и о научных исследованиях, которые там велись. Я не мог оценить их достоверности. Ваши показания были отправлены нашим военным специалистам. Только сегодня я получил их заключение.
- Какое оно?
- В ваших показаниях не обнаружено признаков дезинформации.
- Это убедило вас в моей откровенности?
- Не совсем. Всё, о чём вы рассказали, нашим экспертам было уже известно. Не спрашивайте, от кого. В Лондоне очень внимательно следят за военными работами в Советском Союзе. Относительно новым было только ваше сообщение о разработке авиационных ракетных двигателей. Наши эксперты выразили сомнение в том, что русские добились на этом направлении больших успехов.

– Что сможет развеять их сомнения? Налёт на Лондон советских реактивных бомбардировщиков?

– Вы слишком мрачно оцениваете политическую ситуацию.

– Я оцениваю её трезво. Вы ещё не поняли, Джордж, что заставило меня поспешить с побегом? Скажу. Но сначала вопрос. Вашей разведке известно, какие части Красной Армии находятся на территории Германии?

– Полагаю, что да.

– Записывайте. В подчинении командующего Группой советских оккупационных войск маршала Соколовского находятся пять армий. На севере Германии 3-я Ударная армия со штабом в Магдебурге, на юго-западе 8-я Гвардейская армия со штабом в Веймаре, на северо-востоке 2-я Гвардейская механизированная армия и 1-я Гвардейская механизированная армия со штабом в Дрездене. Плюс 16-я Воздушная армия со штабом в Вольтерсдорфе. В неё входят девять истребительных дивизий, три штурмовых, шесть бомбардировочных и одна дивизия ночных бомбардировщиков, всего больше двух тысяч самолётов. В войсках поддержки – четыре артиллерийских дивизии, две танковые бригады и пять зенитно-артиллерийских дивизий. Прибавьте сюда части Красной Армии в Австрии и Польше. Вам это ни о чём не говорит?

– Вы предполагаете, что Сталин может попытаться захватить всю Европу?

– А вы этого не допускаете?

– В 1945 году, сразу после войны, такое развитие событий предполагал премьер-министр Черчилль. Силы союзников не могли бы противостоять Красной Армии. Поэтому все сохранившие боеспособность части вермахта, сдавшиеся нашим войскам, концентрировались в лагерях вдоль демаркационной линии. Они сохранили форму, проводили строевые учения, их оружие хранилось неподалёку на складах. В случае наступления русских они приняли бы на себя первый удар. Позже, когда Черчилль решил, что Сталин воевать не будет, всех немецких пленных отвели от границы и подвергли денацификации.

– Что заставило его принять такое решение?

– Американская атомная бомба.

– Черчилль поторопился, бомба Сталина не остановит. Он понимает, что американцы не рискнут применить её в центре Европы. Это не Япония. Ничто не сможет остановить советские танки. За двое суток они смогут дойти до Ла-Манша. Они ждут только приказа.

– Почему вы считаете, что такой приказ может поступить?

– Я хорошо знаю обстановку в войсках. Они находятся в состоянии полной боевой готовности. В это же время США и Великобритания возвращают своих солдат на родину. Это очень опасно, нарушается баланс сил. Я настаиваю, Джордж, чтобы вы довели мою точку зрения до вашего руководства.

– Я это сделаю. А теперь давайте продолжим нашу работу.

– Спрашивайте...»

IV

Война, как стихийное бедствие, в одночасье меняет судьбы миллионов людей. Школьный учитель становится пехотинцем, институтский профессор – ополченцем, выпускница медицинского вуза – военврачом, токарь – артиллеристом. Так же, в день, кандидат наук, декан факультета авиационной техники академии имени Жуковского Григорий Токаев превратился в воентехника 1-го ранга и отбыл в распоряжение командира полка тяжелых бомбардировщиков, едва успев попрощаться с молодой женой.

Полк, входивший в Группу тяжелых бомбардировщиков особого назначения, базировался под Мичуринском на прифронтовом аэродроме в Никифоровке. Летом и осенью 1941 года эскадрильи Группы, состоявшие из самолётов СБ и ТБ-3 конструкции

Туполева, имели задачей оказывать поддержку Отдельной 51-й армии под командованием генерал-полковника Кузнецова, оборонявшей Крым от 11-й германской армии генерал-майора Манштейна. Тяжелые бомбардировщики Группы доставляли в Керчь, в Багирово, на аэродром Семь колодцев горючесмазочные материалы, новые двигатели, прожекторные установки, забрасывали десанты в немецкий тыл, бомбили эшелоны в Джанкое и Симферополе. Осень в Крыму выдалась ненастная, истребительная авиация немцев была прикована к земле туманами, почти все самолёты Группы благополучно возвращались на аэродром базирования.

Едва глохли мощные моторы, а пилоты и стрелки покидали кабины, к работе приступали аэродромные службы, одной из которых командовал воентехник Токаев. Натягивали на огромные машины маскировочные сети, заправляли топливные баки, подвешивали к фюзеляжам фугасы, пополняли боезапас. К утру все эскадрильи были готовы к новому вылету.

На стене аэродромной столовой висела чёрная тарелка репродуктора. Когда в ней умолкал стук метронома, все обращались в слух. Звучал голос Левитана, читавшего сводки Совинформбюро. И хотя составлены они были очень расплывчато, военные летчики прекрасно понимали, что означают слова «успешно отразили атаки превосходящих сил противника и нанесли фашистским оккупантам значительный урон в живой силе и технике». Они означали, что наступление немцев продолжается. Наши войска оставили Смоленск, был блокирован Ленинград, тяжелые оборонительные бои шли на подступах к Москве. В октябре немцы заняли Керчь, части Красной Армии отступили из Крыма на Таманский полуостров.

Двадцать пять самолётов Группы тяжелых бомбардировщиков особого назначения перебазировались на аэродром Грабцево под Калугой, началась подготовка к Вяземской воздушно-десантной операции. Надежно замаскировать эскадрильи не удалось. 27 января 1942 года аэродром в Грабцево подвергся ожесточённой бомбардировке. Массированный налёт «юнкерсов-88» и «хейнкелей-111» уничтожил четыре самолёта 1-го полка, три самолёта 3-го полка, 14-й полк и 4-я отдельная эскадрилья ВДВ потеряли по два ТБ-3 и ещё один самолёт из состава 7-го авиационного полка. При повторном налёте немецкой авиации 3 февраля были сожжены ещё два бомбардировщика, проходившие в Грабцево ремонт после первого налёта.

Вяземскую операцию пришлось отложить и отказаться от использования прифронтовых аэродромов. Высадку десанта под Вязьму проводили во второй половине февраля 1942 года, самолёты вылетали из подмосковного аэродрома в Монино.

В последних числах февраля воентехник Токаев получил краткосрочное увольнение и на попутных военных грузовиках добрался до Москвы. Город встретил его безлюдными улицами, аэростатами воздушного заграждения в скверах и заклеенными крест-накрест бумажными полосками окнами домов. Так москвичи надеялись уберечь стёкла при бомбёжках. Половина квартир в его доме пустовала после поспешной эвакуации из Москвы. Его комната тоже была пустой. В последнем письме, которое Григорий получил, Аза написала, что научно-исследовательский институт, в котором она работала, эвакуируют на Урал. Больше писем не было. Он посидел в пустой комнате со следами поспешных сборов и вернулся в Монино.

Месяца через три, ночью, на самолётную стоянку, где работала команда Токаева, прибежал посыльный и доложил, что воентехника срочно вызывают в штаб. Начальник штаба вручил ему предписание. Григорию Токаеву надлежало прибыть в распоряжение командования Военно-воздушной академии имени Жуковского. Но в не Москву, а в Свердловск, куда была эвакуирована академия. На следующий день он вылетел в Свердловск.

Вернуться к прерванной работе над реактивными двигателями, на что рассчитывал Григорий Токаев, не получилось. В ВВС остро не хватало специалистов, подготовка

авиационных инженеров стала с началом войны главной задачей академии. Сотни выпускников заканчивали академию и уходили на фронт, столько же проходили переподготовку на ускоренных курсах. Учёные занимались методикой размагничивания бронекорпусов самолётов-штурмовиков, изобретали новые фугасные бомбы и кумулятивные боеприпасы, разрабатывали рекомендации для повышения точности бомбометания, по выбору оптимальных режимов полёта и работы двигателей для увеличения дальности полёта. Только в редкие свободные часы Токаев возвращался к расчётам турбореактивных и жидкостных реактивных двигателей, которые должны придти на смену винтомоторной поршневой авиации. Повышение мощности поршневых двигателей не давало эффекта. При скоростях свыше 700 километров в час заметного прироста скорости не удавалось достичь, этот путь развития авиации был тупиковым.

В академию поступали разведанные об авиации Германии и её союзников и союзников СССР. Ещё в 1940 году совершили пробные полёты первые реактивные самолёты «Кампини-Капрони», созданные в Италии. В 1941 году в Англии был испытан самолёт «Глостер» с реактивным двигателем, а в 1942 году США испытали реактивный самолёт «Айрокомет». Вскоре в Англии был создан реактивный самолёт «Метеор», он принимал участие в войне.

В середине войны на вооружение люфтваффе поступили реактивные истребители «мессершмидт-262», «мессершмидт-163» и «хейнкель-162». По скорости и маневренности они намного превосходили наши «Илы» и «Ла». И только ограниченные возможности промышленности Германии не позволили немецким лётчикам господствовать в воздухе.

В Советском Союзе тоже занимались реактивной авиацией в конструкторских бюро Королёва и Цандера. В начале 1942 года лётчик-испытатель Бахчиванджи совершил первый полёт на отечественном истребителе БИ-1 с жидкостным реактивным двигателем. Вскоре при испытании этого самолёта Бахчиванджи погиб, работы были приостановлены. Возобновились они только после войны и привели к созданию «ЯК-15» и «МиГ-9» с немецкими реактивными двигателями.

Григорий Токаев несколько раз подавал руководству академии докладные с предложениями включить в планы исследования в области реактивной авиации, всякий раз они отклонялись. У академии были более важные задачи.

В 1943 году Военно-воздушная академия вернулась из Свердловска в Москву. Ещё через некоторое время из эвакуации вернулся научно-исследовательский институт, в котором работала Аза. Увидеть жену и дочь живыми и здоровыми – это был неожиданный подарок судьбы. Выяснилось, что институт Азы тоже был в Свердловске, всего в нескольких кварталах от академии. Она сохранила все письма от мужа. А почему он не получал писем от неё, так и осталось неизвестным.

День победы Григорий Токаев с семьёй встретил на Красной площади вместе с тысячами москвичей. В два часа ночи по радио объявили, что будет передано важное сообщение. В 2 часа 10 минут диктор Левитан прочитал Акт о капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Днем победы. Люди выбегали из домов и шли на Красную площадь. Все поздравляли друг друга, многие плакали. Вечером прозвучал салют из тридцати залпов, московское небо расцветилось фейерверками. Ими Григорий и Аза любовались из своего дома. Дочь мирно спала, Григорий и Аза стояли обнявшись у окна. Начиналась новая жизнь. Какой она будет? Очень хотелось верить – счастливой.

Через две недели майора инженерных войск Токаева вызвал заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-полковник Серов.

Вызов к Серову, доставленный курьером НКВД, встревожил Григория Токаева. С госбезопасностью, недавно ставшей частью наркомата внутренних дел, он никогда не сталкивался. В академии, как и во всех учреждениях, существовал первый отдел, предупреждавший разглашение государственной тайны и осуществлявший постоянную слежку за сотрудниками. Григорий знал, что и на него там заведено дело. Но в нём, как он предполагал, нет никаких компрометирующих его сведений, иначе его судьба сложилась бы по-другому. Но это не успокаивало. На его памяти было немало случаев, когда сотрудники академии с большими заслугами и безупречными репутациями, исчезали бесследно и никто не интересовался их участью, это было опасно. Успокоив, как мог, жену, испуганную неожиданным вызовом, Григорий отправился на Лубянку.

К заместителю наркома его вызвали на 14 часов. В половине второго он вошёл в четвертый подъезд здания на Лубянской площади и предъявил повестку дежурному в бюро пропусков. Пропуск майору Токаеву был заказан. Дежурный выписал пропуск, но ему не отдал, позвонил куда-то по внутреннему телефону и попросил подождать. Минут через десять появился младший лейтенант, взял пропуск, проверил документы Григория и распорядился:

– Следуйте за мной.

Они вошли в лифт и поднялись на пятый этаж. Григорий с интересом осматривался. Удивили очень длинные коридоры, которые, как казалось, опоясывали всё здание. По сторонам находились кабинеты с дубовыми дверями, без табличек, только с номерами. Коридоры были пустыми. Лишь изредка навстречу попадались военные с папками в руках и хмурыми лицами. Возле одного из кабинетов сопровождающий остановился:

– Входите.

Это была просторная сумрачная приёмная. Лейтенант передал повестку и пропуск Токаева дежурившему в приёмной полковнику. Тот приказал:

– Ждите, вас вызовут.

Ждать пришлось минут сорок. Наконец раздался негромкий зуммер, полковник открыл тяжёлую дверь:

– Заходите.

В глубине огромного кабинета за письменным столом с телефонами спецсвязи сидел невысокий человек лет сорока в мундире с погонами генерал-полковника, с простоватым лицом и ранними залысынами. На столе перед ним лежала папка с документами, которые он просматривал. Григорий понял, что это его личное дело. Он доложил:

– Товарищ генерал-полковник, майор Токаев по вашему приказанию прибыл.

– Вижу, что прибыл, – неприветливо отозвался Серов. – Садись, майор. Тут написано, что ты осетин. Это так?

– Так, товарищ генерал-полковник.

– Как звали отца?

– Ахмат.

– А почему ты Александрович?

– Так написали.

– Женат?

– Да, жена инженер-химик.

– Дети есть?

– Дочь, ей семь лет.

– Это хорошо. Родители живы?

– Нет.

– Родственники есть?

– Есть. Сестра Нина, двоюродный брат Темур Бегазевич, они живут в Москве, двоюродный брат Хагуди Гедоевич, живёт в Нальчике, племянник Харитон Дзибаевич, он в посёлке Мизур в Осетии.

– Ты понимаешь, Токаев, что их судьба зависит от тебя? Они будут расплачиваться за все твои ошибки.

– В чём меня обвиняют?

– Пока ни в чём. Это я так, на будущее. Продолжим. – Серов перелистнул документы в деле. – Награды: «Отличник РККА», медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». Ну, это многим давали. А орден «Красная звезда» за что? Ты же не воевал. Вот запись: «В боевых действиях участия не принимал, ранений и контузий не имеет».

– Я служил в бомбардировочной авиации, в аэродромном облуживании. Аэродромы были прифронтовые. А что не ранен, просто повезло, многие погибли.

– Мне рекомендовали тебя как человека, который разбирается в ракетах, – продолжал Серов.

– В авиационных реактивных двигателях, – уточнил Григорий. – Я занимаюсь этой тематикой много лет. Это будущее нашей авиации.

– Тут сказано, что ты три раза подавал докладные руководству академии. Предлагал включить эту тему в планы. Почему твои предложения отклоняли? Они что, не понимали их важности?

– Понимали. Не стоит подозревать руководство академии во вредительстве. Перед академией тогда стояли другие задачи.

Серов нахмурился.

– Кого подозревать во вредительстве, а кого не подозревать, это не тебе решать. Это решать нам. Тут сказано, что ты знаешь немецкий язык. Это так?

– Знаю.

– Откуда?

– Много материалов было на немецком языке, – объяснил Григорий. – Немцы продвинулись в реактивной технике дальше нас. Пришлось изучить. Начал с работ Ойгена Зенгера. Ещё до войны он опубликовал статью о возможности создания дальнего ракетного бомбардировщика. Потом вышла его книга о проекте «Зильберфогель» – реактивном самолёте «Серебряная птица». В ней было много конструктивных идей.

– Ойген Зенгер, – повторил Серов. – Знакомая фамилия. Есть разведанные, что он сбежал во Францию. Его нужно заполучить и вывезти к нам.

– Товарищ генерал-полковник, почему вы мне об этом говорите? – рискнул спросить Григорий.

– Потому что этим придётся заниматься тебе. Под моим руководством. Вижу, что ты к этой работе готов. Свободен, майор. Жди приказа.

В сопровождении того же младшего лейтенанта Григорий миновал бесконечные коридоры Лубянки и вышел на площадь. Был серый денёк, накрапывал дождь. Возле «Детского мира» тянулась длинная очередь, что-то давали. Григорий чувствовал, что в его жизни наступает новый крутой поворот.

Приказ пришёл через две недели. Майору Токаеву предписывалось вылететь в Берлин. Там уже был генерал-полковник Серов, исполнявший обязанности заместителя Главноначальствующего советской военной администрации Германии маршала Жукова и уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск. Ему было поручено организовать поиск и отправку в Советский Союз немецких архивов и учёных, работавших с Вернером фон Брауном.

VI

Из протокола допроса подполковника Токаева майором Хопкинсом 24 декабря 1947 года:

« – Итак, вы получили приказ прибыть в Берлин. Когда это было?

– В первых числах июня 1945 года.

- Ехали поездом?
- Нет, самолётом.
- С какого аэродрома вылетели?
- Из Внукова.
- На каком самолёте летели?
- На военно-транспортном «Ли-2».
- Летели один?
- Нет, с группой военных лётчиков.
- Сколько их было?
- Человек пятнадцать. Их направили в 16-ю Воздушную армию.
- Как вы это узнали?
- Рассказал знакомый офицер. Он проходил переподготовку у нас в академии.
- Куда прилетели?
- В Иоганисталь
- Сколько времени продолжался полёт?
- Около пяти часов.
- Кто вас встретил на аэродроме?
- Капитан Квашнин из СМЕРШа на «виллисе». Он с самого начала был прикреплен ко мне. Осуществлял оперативное сопровождение.
- Что это значит?
- Охранял и помогал в работе. Когда было нужно задействовать дополнительные силы.
- Какие силы?
- Обычно до десяти солдат. Когда находили архивы и нужно было их вывезти. Особенно когда они были в западных оккупационных зонах.
- Он следил за вами?
- Постоянно, это входило в его обязанности.
- Как вы об этом узнали?
- За всеми следили. Это все знали.
- За вами следил только капитан Квашнин?
- Думаю, что нет, у него были люди. Но их я не знаю.
- Значит, на аэродроме в Иоганистале вас встретил капитан Квашнин. Куда он отвёз вас?
- В Карлхорст, там было всё командование группы наших войск. Я доложил генерал-полковнику Серову о прибытии и получил сутки на обустройство.
- Где вы поселились?
- С неделю жил в офицерском общежитии в Карлхорсте, потом снял комнату у немецкой семьи возле Трептов-парка. Комнату мне нашёл Квашнин.
- Все старшие офицеры Красной Армии квартировали в Карлхорсте. Почему вам разрешили поселиться не там?
- Не знаю. В Карлхорсте всё было занято. Думаю, что капитан Квашнин получил согласие своего начальства.
- Как вы добирались от Трептов-парка до места службы?
- Мне выделили машину с водителем. Сначала старый «Фольксваген». Но он часто ломался, его сменили на «Ганзу».
- Водитель был советским военнослужащим?
- Нет, немцем. Его звали Норберт Бинер. Я платил ему 200 марок в месяц, расходы мне компенсировали в финчасти. А до него был другой водитель, Вилли Брем. Но он плохо знал машину, не мог устранить даже мелкую поломку. Поэтому я его заменил.
- Вы всё время ездили с водителем?

– Нет, иногда я его отпускал и сам садился за руль. Когда не хотел, чтобы о моей поездке знали.

– Ваши водители были осведомителями СМЕРШа?

– Я этого не исключал.

– Вы сказали, что вашим заданием был поиск немецких архивов и ученых, работавших в ракетной программе фон Брауна. Как вы стали секретарём Контрольного союзного совета?

– Это получилось случайно. Однажды в кабинет Серова вошёл маршал Жуков. Я как раз докладывал о ходе работ. Серов представил меня. Георгий Константинович спросил: «Грамотный?» Серов ответил: «Кандидат технических наук». «Почерк хороший?» «Разборчивый». «Годится. Пошли, будешь вести протоколы». В Совет входили генерал Эйзенхауэр, фельдмаршал Монтгомери и генерал де Тассиньи. На заседаниях Совета я сидел рядом с Жуковым, маршал мне доверял. Потом Жукова отозвали в Москву и назначили Главнокомандующим Сухопутными силами. Его заменил генерал армии Соколовский. Немного позже он стал маршалом.

– О Контрольном совете мы ещё поговорим. Вернёмся к началу вашего пребывания в Берлине. Вы жили один?

– До конца мая 1946 года один. Потом мне разрешили вызвать жену и дочь.

– Мы знаем, что очень редко кому разрешали вызвать семью в Берлин. Только высшим руководителям СВАГ. И то не всем. Почему для вас сделали исключение?

– Получилось так. Однажды меня вызвал к себе маршал Соколовский. Ему сообщили, что я замечен в сомнительной связи.

– Кто сообщил? Капитан Квашнин?

– Вряд ли, на Соколовского у него не было выхода. Его начальником был Серов.

– Значит, Серов?

– Возможно. Я не стал спрашивать, а Соколовский бы не ответил.

– Что за связь?

– С одной немкой.

– С кем?

– С Эльзой Рихтер, певицей из ресторана отеля «Кронпринц» на Курфюрстендамм.

– Курфюрстендамм находится в британской оккупационной зоне. Как вы туда попали?

– В Берлине границ нет, я мог свободно ездить по всему городу.

– Продолжайте. Эльза Рихтер была вашей любовницей?

– Да.

– Как вы с ней познакомились?

– В ресторане отеля «Кронпринц» у меня была встреча с человеком, который мог знать об одном учёном-ракетчике, сотруднике фон Вернера. Встреча закончилась вечером. Шел сильный дождь. Эльза как раз вышла из отеля. Я предложил её подвезти, она села ко мне в машину. По дороге разговорились. Ей было двадцать пять лет. Она рассказала, что муж погиб на восточном фронте, живёт одна с дочерью четырёх лет. Дочь заболела воспалением лёгких, нужны антибиотики, а лекарства на чёрном рынке очень дорогие. Я пообещал помочь, достал пенициллин в нашем госпитале и передал Эльзе. Она пригласила меня к себе. У неё была комната на Фридрихсштрассе возле старого немецкого кладбища.

– Как часто вы с ней встречались?

– Когда как. Иногда раз в неделю, иногда реже. Зависело от моей занятости на службе.

– Как это происходило?

– Я подъезжал на машине к «Кронпринцу» к тому времени, когда она заканчивала выступление. Она садилась ко мне, ехали к ней.

- Вы заходили в отель?
- Нет. В ресторане всегда было много американцев, англичан и богатых немцев из спекулянтов. Русский офицер вызывал бы ненужный интерес. Я не хотел привлекать к себе внимания.
- О вашей связи доложили Соколовскому. Что он вам сказал?
- Могу повторить, но вы не поймёте.
- Ругался?
- Это мягко сказано. Сказал, что я безответственный кобель и это до добра не доведёт. Кто знает, кто такая эта певичка и с кем она связана. И он бы немедленно отправил меня в Москву, если бы не важность работы, которой я занимаюсь.
- Что вы ответили?
- Что я мог ответить? Что все мы кобели, кто больше, кто меньше.
- А он что?
- Сказал, что есть только один способ это прекратить. И приказал вызвать в Берлин жену. Аза с Беллой приехали через месяц. Больше с Эльзой я не встречался.
- Как приезд вашей семьи воспринял Серов?
- Был очень недоволен. Он с самого начала относился ко мне с подозрением. Вообще-то он всех подозревал, такой человек...»

Комментарий майора Хопкинса:

«Показания подполковника Токаева кажутся достоверными в части обстоятельств его переезда в Берлин. Его описание здания НКВД на Лубянке соответствует сведениям, полученных нами ранее от других источников. Вместимость самолёта «Ли-2» и время полёта из Москвы до аэродрома в Иоганистале также названы правильно. Сомнения вызывают причины, по которой ему разрешили жить вне Карлхорста. Из этого района Берлина, контролируемого советскими патрулями, ему было бы гораздо труднее выехать в британский сектор, что он сделал 3 ноября 1947 года.

Особое внимание обращает на себя странное разрешение Токаеву вызвать в Берлин семью. Если правильны наши подозрения о том, что Токаев является советским агентом, которого готовили к внедрению в Великобританию, можно предположить, что он заранее поставил условием своего согласия уход на Запад вместе с семьёй.

Подозрительность к Токаеву генерал-полковника Серова можно объяснить тем, что внедрение агента готовили советские спецслужбы, не подчинённые Серову и в тайне от него и его сотрудников. Что говорит об очень высоком уровне секретности операции.

Считаю необходимым:

1. Уход на Запад такого секретносителя, каким является подполковник Токаев, расценивается в СССР как государственная измена и влечёт за собой репрессии по отношению к его родственникам и друзьям, оставшимся в Советском Союзе. Нужно найти возможность узнать о судьбе его сестры Нины, двоюродных братьев Темура и Хагуди, племянника Харитона и ближайших сотрудников Токаева в Военно-воздушной академии имени Жуковского.

2. Навести справки о капитане Квашнине, которому была поручена слежка за подполковником Токаевым. Побег его подопечного должен был привести к серьёзным дисциплинарным мерам вплоть до разжалования и предания суду.

3. Дать задание нашей агентуре в Германии встретиться с певицей отеля «Кронпринц» Эльзой Рихтер и проверить достоверность сведений, сообщённых Токаевым».

VII

К приезду семьи Григорий Токаев снял три комнаты в коттедже неподалеку от Трептов-парка у пожилой немецкой пары. Хозяева коттеджа перебрались в подвал, а верх

сдавали. По карточкам они получали в день 300 граммов хлеба, 20 граммов мяса, 20 граммов сахара, 400 граммов картофеля, 7 граммов жира, а также ежемесячно 25 граммов кофе в зёрнах, 100 граммов эрзац-кофе и 30 граммов соли.

Карточки были нескольких категорий: для рабочих, для служащих, для пенсионеров. Самыми большими были нормы для рабочих, занятых тяжелым физическим трудом, самыми маленькими, их называли кладбищенскими – для неработающих и пенсионеров. Деньги, которые советский офицер платил хозяевам коттеджа за аренду, помогали им выжить, он делился с ними продуктами, которые получал на службе. Это было серьёзным подспорьем, все продукты на чёрном рынке стоили немислимых денег.

Коттедж для Токаева нашел капитан Квашнин. Родом он был из Рязани, расторопный, исполнительный. Григорий знал, что он регулярно пишет рапорты о том, что его подопечный делал и с кем встречался, но не обращал на это внимания, ему нечего было скрывать. К тому времени он получил чин подполковника и служил в Советской секции Союзного Секретариата, в январе 1945 года был избран секретарём партбюро организации, позже переведён в Военное управление Секретариата. Его основное задание оставалось прежним – поиски архивов и учёных, задействованных в ракетной программе Вернера фон Брауна.

Сам фон Браун был уже захвачен американцами и вывезен в Соединенные Штаты, его сотрудники, оставшиеся в Германии, прятались кто как мог, жили под вымышленными именами. Выйти на каждого из них стоило немалых трудов, приходилось допрашивать десятки немцев.

Авиаконструктора Ойгена Зенгера, о котором Токаеву говорил генерал-полковник Серов, заполучить так и не удалось. Вместе с женой, математиком Иреной Бренд, он скрывался во Франции. В Берлине в это время служил генерал-майор Василий Сталин. Григорий Токаев рассказал ему о проекте «Зильберфогель». Зенгер начал работать над ним ещё до войны, в 1941 году проект заморозили, Зенгер вернулся к нему в 1944 году. Это был фантастический проект. Если бы его удалось реализовать, немецкие ракеты смогли бы подниматься в стратосферу, пересекать Атлантику и бомбить Нью-Йорк. Рассказ произвёл на Василия Сталина неизгладимое впечатление. Он загорелся идеей выехать с подполковником Токаевым во Францию, найти Зенгера и вывезти его в Советский Союз. И был очень недоволен, когда генерал-полковник Серов запретил ему даже думать об этом. Сказал: «Что вам делать во Франции без знания языка? Там есть наши люди, пусть они и занимаются Зенгером». Вскоре после этого Василий Сталин вернулся в Москву и был назначен командующим ВВС Московского военного округа. Близкое знакомство с ним способствовало карьере Григория Токаева.

Основной ракетный центр Германии находился на Балтике, в Пенемюнде. Здесь испытывали ракеты «Фау-1», отсюда запускали «Фау-2», разрушавшие Лондон, в бетонных бункерах Пенемюнде работали сотни немецких учёных, собранных со всей страны. С поездки в Пенемюнде Токаев начал свою работу.

Искать в центре было нечего, почти всё было уничтожено британскими бомбардировщиками 17 августа 1943 года.

С ракетами «А-3», позже названными «Фау-1», которыми поначалу немцы обстреливали Лондон, британская ПВО справлялась без особого труда. Они летели с небольшой скоростью и заранее засекались локаторами. Положение изменилось, когда немцы перешли на «Фау-2». Они сваливались на город внезапно, в Лондоне даже не успевали объявить воздушную тревогу. Каждая ракета несла 800 килограммов взрывчатки. И хотя точность было небольшой, разрушения в городе производили нужный немцам эффект. Британская разведка установила, что запуски производятся из Пенемюнде. Было принято решение уничтожить центр.

Поздно вечером 17 августа над Пенемюнде прошли первые эскадрильи бомбардировщиков, не сбросив ни одной бомбы. Внизу даже не объявили воздушную

тревогу. Внезапно зажглись осветительные ракеты и начался самый сильный за всю историю Пенемюнде воздушный налёт. Около шестисот тяжелых четырёхмоторных бомбардировщиков обрушили на центр тысячи фугасных и зажигательных бомб. Одна волна самолётов следовала за другой, превращая в труху пусковые установки, производственные корпуса, лабораторные здания. ПВО Пенемюнде оказалась бессильна. Срочно вызванные из Берлина ночные истребители сбили около пятидесяти американских летающих крепостей, самолётов В-27. Но дело было сделано, ракетный центр надолго приостановил свою деятельность.

В Пенемюнде были убиты больше семисот человек, среди них много ведущих специалистов, в их числе главный конструктор двигателей доктор Вальтер Тиль. Узнав о результатах налёта, застрелился генерал-полковник люфтваффе Йешоннек, отвечавший за систему ПВО района. Но глава Пенемюнде генерал Дорнбергер и Вернер фон Браун заверили прилетевшего начальника службы безопасности обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера, что оставшиеся в живых сотрудники центра смогут преодолеть последствия катастрофы. По решению командования вермахта был создан резервный испытательный полигон в Польше, доводка Фау-2 продолжалась.

Группа офицеров под командованием Токаева была не первой экспедицией советских специалистов, приехавших в Пенемюнде. Ещё в июне 1945 года по приказу генерал-полковника Серова сюда прилетели сотрудники НИИ-1, разрабатывающего реактивные самолёты. Но и они опоздали. 10 марта 1945 года войска 2-го Белорусского фронта вступили в район Пенемюнде, а 2 мая весь гарнизон центра переехал в Нордхаузен и в полном составе сдался американцам. В тот день, когда русские солдаты расписывались на стенах дымящегося рейхстага, американцы захватили ценнейшие трофеи: более четырёхсот основных научно-технических сотрудников центра, документацию и отчеты по разработкам, а на заводе «Миттельверк» более 100 готовых к отправке на фронт ракет «Фау-2».

В 1945 году в США действовал приказ президента Трумэна, запрещающий сотрудничество с активными членами НСДАП. Все ракетчики из Пенемюнде состояли в нацистской партии, а Вернер фон Браун ещё в 1943 году получил чин штурмбаннфюрера СС. Чтобы обойти этот запрет, немецким специалистам сочинялись фальшивые профессиональные и политические биографии, не содержащие никаких компрометирующих их сведений, после чего их привлекали к работе в американских ракетных центрах. Операция получила название «Скрепка», скрепками прикреплялись новые биографии немцев к их личным делам. К середине мая 1945 года все ценные специалисты и архивы были вывезены в США, советским военным специалистам из НИИ-1 осталось рыться в развалинах и допрашивать обслуживающий персонал Пенемюнде.

Только в одном им повезло. Один из офицеров, отошедший в сторону по нужде, наткнулся в руинах на брошюру с надписью на обгорелой и подмоченной обложке "Streng Geheim" — "Строго секретно". Это был проект реактивного самолёта-бомбардировщика, разработанного Зенгером. Его технические характеристики поразили советских специалистов. Тяга двигателя составляла 100 тонн (при том, что тяга наших двигателей едва достигала полутора тонн), скорость была в 30 раз выше скорости звука, высота полёта до 300 километров, а дальность до двадцати тысяч километров. Брошюра была напечатана в ста экземплярах и, судя по списку рассылки, направлялась руководителям главного командования вермахта, министерству авиации, всем институтам и организациям, работавшим на военную авиацию, и всем немецким специалистам-руководителям, имевшим отношение к ракетной технике, в том числе в отдел вооружения армии генералу Дорнбергеру.

Никому не докладывая о находке, брошюру сунули под рубашку одному из сотрудников, посадили его в самолёт и отправили в Москву. Позже ту часть брошюры, где был список работавших над проектом учёных, рассекретили и передали поисковым

группам. По ним Токаев и его сотрудники искали немецких ракетчиков по всей Германии. Это была кропотливая работа, требующая настойчивости и терпения. Ни того, ни другого подполковнику Токаеву было не занимать.

Среди немецких авиаконструкторов, задействованных в ракетной программе фон Брауна, особое внимание советской разведки привлекал учёный Курт Танк. Он не попал в число специалистов, захваченных американцами, потому что в это время находился в Польше на строительстве резервного ракетного полигона. После того как в Польшу вошли части Красной Армии, следы Курта Танка затерялись.

VIII

В феврале 1947 года Курту Танку исполнилось сорок девять лет. С 1933 года до окончания войны он был главным конструктором на «Фокке-Вульф-Верке». По его проектам были созданы самые быстрые истребители военных лет Fw 58 «Weihe», Fw 190 и высотный перехватчик Ta 152. В конце войны он разработал проект турбореактивного истребителя Ta 183, в котором были реализованы самые передовые идеи реактивной авиации. К работе ракетного центра в Пенемюнде он был привлечён в начале 1945 года и занимался аэродинамикой «Фау-2». Советской разведке было известно, что он не попал в число немецких ракетчиков, вывезенных американцами в США в ходе операции «Скрепка». Скорее всего, скрывался где-то в Берлине, в западных оккупационных секторах.

На след Курта Танка группа подполковника Токаева вышла случайно. Однажды вечером, в конце февраля 1947 года, в коттедж Токаева примчался на мотоцикле посыльный с запиской от капитана Квашнина. В записке было: «Есть интересный улов, нужно срочно допросить». Григорий выехал в Карлхорст, где были специально оборудованные помещения для подозрительных лиц, задержанных на чёрных рынках.

Самые большие чёрные рынки Берлина были возле рейхстага и в районе Бранденбургских ворот. Каждый день в любую погоду на них собирались тысячи людей. Только здесь можно было купить или выменять какую-нибудь еду. По приказу коменданта Берлина генерала Берзарина были открыты все магазины и пекарни, но торговать было нечем и выпекать хлеб не из чего. Даже карточки удавалось отovarивать не всегда. Многие берлинцы подкармливались супом и кашей из красноармейских полевых кухонь, к ним выстраивались многочасовые очереди. Но основная еда добывалась на чёрных рынках. Сюда несли всё, что сохранилось после бомбёжек и пожаров: одежду, обувь, посуду. За ботинки можно было получить банку свиной тушёнки, за ковёр – полмешка картошки. Килограмм сливочного масла стоил 600 рейхсмарок, килограмм кофе 1100-1200 марок, пачка американских сигарет 20 марок. Сигареты были валютой наравне с долларами. Женские чулки стоили четыре пачки «Кэмэла» или «Честерфилда», не очень поношенное пальто – 20 пачек. Спекулировали всем. Блок сигарет приносил прибыль в 100 долларов, бутылка шнапса – 40 долларов, кусок мыла – 5 долларов. Самым дорогим товаром были лекарства и часы. Случалось, что часы с Микки Маусом, которые в США стоили 3 доллара 95 центов, уходили за 500 долларов. Когда американцы стали выписывать их с родины целыми коробками, командование специальным приказом запретило военнослужащим США появляться на чёрных рынках. Нарушителей вылавливали патрули и сажали под арест.

Очень активными покупателями были солдаты Красной Армии, которым заплатили жалованье за несколько лет. Они покупали всё подряд – одежду, фотоаппараты, аккордеоны, часы, и отправляли посылками на родину, обнищавшую за годы войны.

У немцев в западных оккупационных зонах карточек не было, им платили зарплату в рейхсмарках даже тогда, когда предприятия не работали. Марки быстро обесценивались, немцы старались как можно быстрее их потратить. В восточном Берлине всё было

немного дешевле, чёрные рынки притягивали к себе жителей всего города. К рейхстагу, находившемуся в советской зоне, они старались не приближаться, предпочитали рынок у Бранденбургских ворот, который был как бы на ничейной земле. Советских патрулей здесь не было, но постоянно дежурили сотрудники СМЕРШа в штатском, высматривая по ориентировкам подозрительных лиц из числа скрывающихся нацистов. В тот день в конце февраля внимание контрразведчиков привлёк человек лет сорока в поношенной одежде, в надвинутой на глаза кепке, с большим вещмешком за плечами. Он постоянно настороженно оглядывался и покупал продукты, не торгуясь. По всему чувствовалось, что он спешит сделать покупки и поскорее убраться из опасного для него места. В его аусвайсе стояло: имя – Генрих Хиль, профессия – лаборант, место жительства – округ Штеглиц. Штеглиц был в западном секторе Берлина.

Люди его возраста подлежали обязательной мобилизации в вермахт. Поэтому капитан Квашнин, дежуривший в тот день у Бранденбургских ворот, спросил: «В каких войсках служили?» «Я был освобождён от воинской повинности по причине плоскостопия, у меня есть медицинское заключение», – ответил Хиль. Он старался держаться независимо, даже с некоторым вызовом, но было видно, что он перепуган. Ему явно было что скрывать.

Хиля посадили в машину и привезли в Карлсхорт. При обыске в его вещмешке нашли десять банок американской тушёнки, шесть банок сгущённого молока, большой пакет с яичным порошком и небольшой кулёк с натуральным кофе. Хиль объяснил, что он купил эти продукты для профессора, у которого последние годы работал. Сам профессор нездоров и не мог поехать на рынок. «Как зовут профессора?» – спросил Квашнин. «Герр Танк, – ответил Хиль. – Карл Танк». Это имя капитан Квашнин хорошо знал. Он прервал допрос и отправил посыльного к подполковнику Токаеву.

Когда Григорий приехал в Карлсхорт, задержанный уже немного пришёл в себя. Советского офицера он встретил вопросом:

– Герр оберст, в чём меня обвиняют?

– Пока ни в чём. Обычная проверка. Мы разыскиваем видных деятелей нацистской партии и членов СС.

– Я никогда не был ни в какой партии. Я простой невоеннообязанный лаборант. Как я мог быть членом СС?

– А ваш патрон, профессор Танк?

– Об этом я ничего не знаю. Он учёный, далёкий от политики. Если он и был членом партии, то только потому, что так полагалось. Мы никогда об этом не говорили.

– В какой области работал профессор Танк? – продолжил Григорий допрос.

– Он математик.

– Сколько времени вы работаете у него?

– Пять лет. Он нанял меня ещё до войны.

– Вы всё время были с ним?

– Да, ему постоянно был нужен помощник.

– В Пенемюнде вы его тоже сопровождали?

Хиль растерялся и не сразу нашёлся с ответом.

– Не понимаю, о чём вы говорите. Я никогда не был в Пенемюнде.

– Успокойтесь, Генрих, – дружелюбно проговорил Григорий. – Мы знаем, что профессор Танк не просто математик. Он известный авиаконструктор и был задействован в ракетной программе фон Брауна. Её центр был в Пенемюнде. Мы даже знаем, чем он там занимался – аэродинамикой ракет «Фау-2». Тех самых, которыми обстреливали Лондон.

– Если вы всё знаете, зачем спрашиваете?

– Чтобы понять, готовы ли вы с нами сотрудничать. Пока я этого не понял.

– А если я откажусь?

– Плохое решение. Мы вплотную займёмся вашим прошлым. И если выяснится, что вы не безобидный невоеннообязанный лаборант, а, допустим, хотя бы оберштурмфюрер СС...

– Что от меня нужно?

– Это уже другой разговор, – одобрил Григорий. – Вы, Генрих, нас не интересуете. А профессор Танк очень интересуется. Как я понимаю, он скрывается где-то в Западном Берлине. Мы не будем вас пытаться, чтобы узнать его адрес. Но мне очень хотелось бы с ним встретиться. У нас есть предложение, которое может его заинтересовать. Вы передадите ему мою просьбу о встрече?

– Передам, если его увижу, – неопределённо пообещал Хиль.

– Вы обязательно его увидите. Когда отдадите продукты. Не оставите же вы своего патрона голодным. Вот мой телефон. Позвоните мне, когда договоритесь о встрече. Моя фамилия Токаев, подполковник Токаев. Напомните ему, что мы встречались в Москве в 1940 году в Военно-воздушной академии.

– А если он не захочет встретиться?

– Тогда скажете, что встречи не будет. Ничего больше от вас не нужно. Договорились?

– Абгемахт, – кивнул Хиль.

Григорий вызвал капитана Квашнина.

– Возьмите машину и отвезите господина Хиля домой. Он живёт в Штеглице. Всего хорошего, Генрих. Не забудьте свои продукты.

Хиль вышел. Григорий задержал Квашнина.

– Возьми двух из наружки. В штатском. Пусть проследят за Хилем. Он сегодня же пойдёт к Танку.

Утром капитан Квашнин доложил:

– Нашли Танка, Хиль привёл прямиком к нему. Он живёт там же, в Штеглице, в развалинах дома, там сохранился подвал. Товарищ подполковник, будем брать?

– Не спеши. Нужно сообщить Серову. Ему решать.

Генерал-полковник Серов встретил подполковника Токаева хмурым взглядом.

– С чем пришёл? Докладывай.

Узнав, что установлен адрес Курта Танка, оживился.

– Ну, хоть что-то. А то занимаетесь черт-те чем, таскаете какие-то бумажки.

– Товарищ генерал-полковник, это не бумажки, а документы из секретных архивов, – возразил Григорий. – Их ценность определяют наши учёные.

– Не учи, знаю, – буркнул Серов. – Тебе, Токаев, задание: подготовить секретное изъятие Танка. Где он живёт?

– В Штеглице, в американском секторе.

– Это усложняет. Тем более операция должна быть очень тщательно спланирована. Но не тяни. Чем быстрее Танк окажется в Москве, тем лучше.

– Товарищ генерал-полковник, разрешите доложить свои соображения?

– Какие у тебя могут быть соображения? Ну, говори.

– Можно, конечно, захватить Танка и вывезти в Москву. Но не правильнее ли сделать по-другому?

– По-другому, это как?

– Как с Гельмутом Греттрупом.

Гельмут Греттруп был немецким ракетчиком, начальником отдела по системам управления и метрологии в Пенемюнде, ближайшим сотрудником фон Брауна. Вместе со всеми в мае 1945 года он сдался американцам. Из Нордхаузена его перевезли в Витценхауз с группой специалистов, которых готовили к перемещению в США в рамках операции «Скрепка». Но за несколько дней до отъезда жена Гельмута Ирмгардт связалась с советскими специалистами, прибывшими в Германию для организации работ по

изучению немецкой ракетной технологии, и попросила о встрече. Встреча состоялась на границе между американскими и советскими частями. Фрау Ирмагарт, высокая блондинка в светлом спортивном костюме, пришла на неё с сыном лет восьми. Объяснила: «Это на случай неприятностей. Скажу, что мы гуляли и заблудились». Она рассказала, что её мужа готовят к отправке в США, но она ехать туда решительно не желает. Они с мужем готовы выехать в Советский Союз, если русские гарантируют им безопасность, условия для работы и нормальную жизнь. Решать нужно было очень быстро. Наши связались с Серовым. Он согласился на условия немцев, иначе они оказались бы в США. Гельмута, Ирмагарт и двух их сыновей переправили в Москву, а оттуда – на остров Городомль на Селигере, вблизи города Осташков. Там, в специальном филиале ракетного НИИ, работало около четырёхсот специалистов, из них 177 немцев, профессоров, докторов наук и дипломированных инженеров, насильно вывезенных из Германии или, как Гельмут Греттруп, приехавших добровольно. Отдача от добровольцев была заметно выше, чем у работавших по принуждению.

Об этом человеке Токаев и напомнил Серову. Он рассуждал так: у Карла Танка была возможность уехать в США, он ею не воспользовался. Не исключено, что если советская сторона гарантирует ему безопасность и комфортные условия для работы, он согласится переехать в Советский Союз. А если попросить его выступить по московскому радио, мы получим осязаемый пропагандистский эффект.

Генерал-полковник Серов долго хмурился, покачивал головой, будто бы проигрывая одному ему известные варианты. Наконец, сказал:

– Убедил. Действуй. Но смотри, Токаев, если Танка упустишь, голову сниму! Ты понял?

– Так точно, товарищ генерал-полковник, – ответил Григорий.

Хиль позвонил через два дня и сообщил, что профессор Танк готов встретиться с подполковником Токаевым при условии, что он будет один и в штатском. Встреча, очень многое переменявшая в сознании Григория Токаева, состоялась через неделю.

IX

«Совершенно секретно. Заместителю директора МИ-5 Э.Брауну от майора Д.Хопкинса.

Докладная записка.

Сэр, докладываю о мероприятиях, связанных с проверкой перебежчика подполковника Токаева.

Во исполнение Вашего приказа я связался с оперативным управлением МИ-6 и передал следующие указания:

1. Дать задание нашей агентуре в России навести справки о семье подполковника Токаева – о его сестре Нине и двоюродном брате Темуре, проживающими в Москве, а также о его двоюродном брате Хагуди, проживающем в Нальчике, и о племяннике Харитоне, проживающем в Осетии в посёлке Мизур. Цель мероприятия – выяснить, не подвергались ли они репрессиям в связи с уходом подполковника Токаева на Запад.

2. Навести справки в московской Военно-воздушной академии имени Жуковского и узнать, не подвергались ли репрессиям сотрудники академии, работавшие или дружившие с Токаевым.

3. Дать указание агентуре в Берлине выяснить судьбу сотрудника СМЕРШа капитана Квашнина.

4. Встретиться с певицей ресторана «Кронпринц» Эльзой Рихтер и уточнить обстоятельства её знакомства с Токаевым.

Получена следующая информация:

Сестра Токаева Нина Александровна и её муж военнослужащий Клыков Михаил Ефимович по-прежнему проживают в Москве и никаким репрессиям не подвергались.

Информации о двоюродных братьях Токаева Темуре и Хагуди и о племяннике Харитоне получить не удалось.

После ноября 1947 года в Военно-воздушной академии имени Жуковского было арестовано два научных сотрудника, но были ли они друзьями Токаева, не установлено.

Из берлинской резидентуры сообщили, что капитан Квашнин по-прежнему служит в СМЕРШе и недавно получил очередное воинское звание майора.

Агент МИ-6, работающая врачом-невропатологом в советском госпитале в Карлхорсте, встретила с Эльзой Рихтер и описала эту встречу в донесении. Привожу его полностью:

«Получив задание выйти на контакт с Эльзой Рихтер, в один из вечеров я пришла в ресторан отеля «Кронпринц», где она выступала в концертной программе. Зал ресторана небольшой, столов на тридцать. Часть столов была занята американскими и британскими офицерами, за остальными располагались немцы из Западного Берлина, очень хорошо одетые, с деньгами, на которые они заказывали виски и дорогие немецкие вина. Многие были с молодыми женщинами. Время от времени немцы выходили в фойе и вели деловые переговоры. Иногда в них участвовали американские офицеры. Как я поняла, заключали сделки. Джаз-банд на эстраде исполнял западную музыку, между столами танцевали. Атмосфера ресторана напомнила мне Берлин в первые годы войны с его бурным и лихорадочным весельем, вызванным близкой мобилизацией и отправкой на фронт, с которого редко кто возвращался.

Эльза Рихтер выступала в середине программы. Она оказалась стройной блондинкой с длинными волосами и правильными чертами лица. Голос у неё был небольшой, но хорошо поставленный. Она исполняла песни из репертуара Марлен Дитрих. Особенным успехом пользовалась «Лили Марлен», её подхватывал весь зал. Закончив свою программу, она спустилась с эстрады и под села к американцам. Один из них после закрытия ресторана увёз её на своём джипе.

Уже представляя, с кем мне придётся иметь дело, на следующий день я приехала к Эльзе в её комнату на Фридрихштрассе. Мой приход её насторожил. Но когда я сказала, что я врач и меня попросил навестить её Григорий Токаев и узнать о здоровье её дочери, настороженность исчезла. Она рассказала, что дочь, болевшая воспалением лёгких, выздоровела, а Григория она не видела уже полгода. К нему приехала из Москвы жена, он сказал, что не сможет больше к ней приезжать. Она отзывалась о нём с большой теплотой. Немногословный и внешне замкнутый, но человек заботливый и прекрасный любовник, после него она долго не могла смотреть на других мужчин. Я спросила: «Но потом прошло?» Она сказала: «Да, прошло, жить-то надо».

Пока мы пили эрзац-кофе и разговаривали, её дочь спала на раскладушке за ширмой. На мой вопрос, где она принимает мужчин, Эльза ответила: «Здесь, где же ещё? Другого жилья у меня нет». Она рассказала, что до войны училась в консерватории. Когда муж погиб, учёбу пришлось бросить. Петь начинала в «Адлоне», потом «Адлон» разбомбили. «Кронпринц» ей не нравится, но выбирать не из чего. Прощаясь, попросила передать привет Григорию Токаеву. Я сказала, что не смогу этого сделать, потому что Токаев сбежал в Великобританию. Эльза воскликнула: «Он всё-таки это сделал!» И рассказала, что однажды Григорий попросил её познакомить его с кем-нибудь из британских офицеров. Зачем, не сказал, а Эльза не спрашивала. Его просьбу она выполнила. С майором британских ВВС Токаев встречался несколько раз. О чём они разговаривали, Эльза не знала, но теперь понимает, что уже тогда он начал планировать уход на Запад. Она добавила: «О Григории меня уже расспрашивали». А на вопрос, когда и кто, ответила: «Вскоре после того, как мы с ним расстались. Русский офицер в чине капитана. Он не назвался. Среднего роста, русый, курносый, приехал на «виллисе». Очень подробно

спрашивал о британском майоре, с которым я познакомила Григория». «Вы рассказали?» «Да, он был очень настойчив. Предупредил, что если я буду что-то скрывать, у него есть способы испортить мне жизнь. Я испугалась. Григорию это повредило?» Я ответила: «Ему уже ничего не может повредить». На этом мы расстались».

Полученная информация не позволяет ответить на вопрос, вызван ли уход на Запад подполковника Токаева идейными соображениями, как он утверждает, или же он является агентом советской разведки. Судя по описанию, советский офицер, который расспрашивал Эльзу Рихтер о Токаеве, является капитаном Квашниным. О знакомстве подполковника Токаева с британским офицером он был обязан доложить генерал-полковнику Серову. Следовательно, уже тогда у СМЕРШа были сомнения в благонадёжности Токаева. Тем более непонятно, почему советская контрразведка не воспрепятствовала его побегу.

Майор Д.Хопкинс.
15 февраля 1948 года».

X

Вечером того дня, на который профессор Танк назначил встречу подполковнику Токаеву, Григорий выехал на своём автомобиле «Ганза» в Западный Берлин. На пустынной набережной Ванзее он оставил автомобиль и заглушил двигатель. Минут через двадцать из тёмных развалин выскользнул Генрих Хиль, сел в машину и сказал, куда ехать. Накануне Григорий изучил по карте маршрут к дому Танка, но поехали они запутанным кружным путём. Григорий понял, что Хиль не хочет, чтобы его спутник запомнил дорогу, но возражать не стал. Минут через сорок они въехали в переулок с разрушенными домами. Хиль попросил загнать машину в развалины и провёл Григория к подвалу, в котором жил Танк.

Подвал находился под многоэтажным домом, от которого остались только стены. В нём было полтора десятка каморок, когда-то служивших жильцам дома для хранения инструментов, велосипедов и ненужных вещей. Сейчас в них жили, из-за дверей доносились мужские и женские голоса, детский плач. Возле одной из каморок в глубине подвала Хиль остановился и постучал в дверь условным стуком. Звякнул засов, дверь открылась. Каморка была тускло освещена керосиновой лампой с подкопченным стеклом.

– Входите, господа, – пригласил хозяин простуженным голосом и подкрутил в лампе фитиль. Стало светлее.

Григорий осмотрелся. Помещение было небольшим, без окна, места в нём хватило только на узкую кровать и стол из ящиков с положенной на них столешницей из двери. На ней были аккуратно сложены книги и бумаги, сверху лежала логарифмическая линейка. Профессор Танк был худым человеком среднего роста с нездоровым лицом. Он сильно сдал с 1940 года, когда в составе делегации немецких авиаинженеров приезжал в Москву и побывал в академии Жуковского. Танк показал Григорию на табурет, а сам опустился на кровать.

– Садитесь, герр оберст. Могу предложить кофе. Настоящего. Моему помощнику удалось раздобыть немного. Генрих, займитесь.

Пока Хиль молотил зерна в ручной мельнице и зажигал спиртовку, Танк молча рассматривал гостя.

– Добрый вечер, профессор, – проговорил Григорий. – Вы меня помните?

– Да, мы познакомились с вами в Москве. Это было очень давно, в другой жизни. Вы хотели меня видеть. Зачем?

– Мы очень высоко оцениваем ваши достижения и готовы забыть, что вы работали против нас, – ответил Григорий. – Американцы предлагали вам сотрудничество?

– Да, мне дали об этом знать.

- Почему вы не согласились?
- Я устал от войны. Теперь, когда война кончилась, я хочу только одного: чтобы меня оставили в покое, чтобы обо мне забыли.
- Война не кончилась, профессор, – возразил Григорий. – Вы знаете о речи Черчилля в Фултоне?
- Знаю. Она меня очень встревожила. Это безумие. Закончив одну войну, готовиться к новой. История ничему не учит. Даже такие чудовищные её уроки.
- Ваш кофе, господа, – прервал их разговор Хиль.
- Спасибо, Генрих. Пейте кофе, герр оберст. Настоящий кофе – большая редкость в Берлине. Генрих, вы куда? – спросил Танк, увидев, что Хиль идёт к двери.
- Не хочу вам мешать.
- Оставайтесь. У меня нет секретов от моего помощника.
- Я всё-таки пойду. Посмотрю на обстановку снаружи. Я был причиной того, что русские вышли на вас. Никогда себе не прощу, если они вас захватят.
- Это возможно? – спросил Танк, когда его помощник вышел.
- Да, – хмуро кивнул Григорий. – Если наш разговор не даст результата.
- На какой результат вы рассчитываете?
- Вы знакомы с Гельмутом Греттрупом? – спросил Григорий, не ответив на вопрос Танка.
- Я его знал. Какое отношение он имеет к нашему разговору?
- Никому ещё не удавалось уклониться от выбора, перед которым его ставит история. Гельмут Греттруп сделал свой выбор, он согласился сотрудничать с нами. Сейчас он с семьёй находится в Советском Союзе, ему созданы все условия для работы и жизни.
- В Пенемюнде Греттруп занимался «Фау-2». Чем он занимается в России?
- Тем же. Ракетами.
- Снова работает на войну? Знаете, герр оберст, какое качество я ненавижу в немецком народе? Законопослушность. Я немец, но за это я себя презираю. Законопослушность превращает народ в стадо, в рабов. В бессловесное быдло нас превратил Гитлер. В такое же быдло вас превращает Сталин. Поразительно! Всё это после страшной войны с десятками миллионами погибших, с жуткими лишениями! Нет, говорю я вам, нет, ничему не учит история!
- Успокойтесь, профессор, – проговорил Григорий. – Вас никто не собирается вывозить в Советский Союз силой.
- Вы сами себе не верите. Вам прикажут, и вы выполните приказ. Допивайте кофе и давайте закончим этот разговор. Я никогда больше не буду работать на войну. Ни в Советском Союзе, ни в США. Это то немногое, что от меня зависит, что я могу сделать. Вся моя семья погибла в Дрездене. Я хочу встретить их с чистой совестью.
- Вернулся Хиль, доложил:
- Всё тихо.
- Танк встал.
- Прощайте, герр оберст. Спасибо, что выслушали меня и не схватились за пистолет. Меня не интересует, как вы поступите. Вы поступите так, как подсказывает вам ваша совесть.
- Хиль вывел Григория к машине, но в неё не сел.
- Останусь с профессором. На всякий случай, у него больное сердце. Дорогу найдёте?
- Найду.
- Я так и подумал, что вы знаете его адрес.
- Позвоните мне, если профессор передумает.
- Он не передумает.
- И всё-таки позвоните, – повторил Григорий. – Мой телефон у вас есть.

На следующий день он доложил генерал-полковнику Серову:

– Профессор Танк обещал подумать над нашим предложением.

– Три дня ему хватит?

– Давайте дадим неделю.

– Ладно, неделю, – неохотно согласился Серов. – Через неделю подготовить группу захвата.

Через неделю оперативники СМЕРШа ночью оцепили дом в Штеглице, в подвале которого скрывался профессор Танк. Там его не оказалось. Бесследно исчез и его помощник Генрих Хиль. Через два месяца стало известно, что они в Аргентине.

XI

Обычно майор Хопкинс приезжал на конспиративную усадьбу к полудню и четыре часа допрашивал Токаева. Больше не получалось, работа была очень напряженная, оба уставали. Но 24 апреля 1948 года Хопкинс появился рано утром, поднял подполковника с постели и приказал надеть мундир, который Токаев привёз в своём багаже из Германии.

– Поторопитесь, Григорий, у нас мало времени.

– Что за спешка? – удивился Григорий.

– Узнаете, – неопределённо отозвался Хопкинс.

Машина с водителем ждала у дома. Едва пассажиры сели на заднее сиденье, она резко взяла с места, без проверки миновала вахту с вооружённой охраной и устремилась к Лондону. Но до Лондона не доехала, свернула на окружную дорогу и вырулила на загородное шоссе. Через час впереди показались ангары, вышка руководителя полётов, тяжёлые «Ланкастеры», «Либерейторы» и американские летающие крепости В-27 в камуфляжной окраске. Машина без задержки проскочила КПП и остановилась у начала взлётно-посадочной полосы возле двухмоторного военно-транспортного «Оксфорда» с опознавательными знаками британских ВВС на фюзеляже. Едва Хопкинс и Токаев поднялись на борт, как заработали двигатели, самолёт оторвался от бетона и взял курс на юг.

– Куда мы летим? – спросил Токаев.

– В Берлин.

– Зачем?

– Узнаете.

Григорий посмотрел на хмурое лицо Хопкинса и больше вопросов не задавал, поняв, что майор не склонен на них отвечать.

Хопкинсу было о чём подумать.

Подполковник Токаев был не первым перебежчиком из Советского Союза, с которым западным спецслужбам пришлось иметь дело. Самым известным был личный секретарь Сталина Борис Бажанов, сбежавший из СССР в 1928 году. Из его показаний и книг на Западе многое узнали о том, как работает Политбюро и о взаимоотношениях между его членами. В 1930 году из Константинополя во Францию сбежал резидент советской нелегальной разведки Георгий Агабеков. В 1937 году он был ликвидирован НКВД в районе испано-французской границы. Его труп так и не был найден. В 1938 году, после того как начались масштабные чистки в политическом и военном руководстве СССР, майор госбезопасности Александр Орлов, резидент советской разведки в Европе, получил приказ прибыть на советское судно «Свирь» в Антверпене для встречи с начальником иностранного отдела НКВД. Вместо этого он, прихватив 60 тысяч долларов из оперативного фонда, с женой и дочерью тайно переехал во Францию, а оттуда через Канаду перебрался в США.

Если до войны основным мотивом для бегства высокопоставленных руководителей и сотрудников НКВД на Запад были опасения за свою жизнь, после 1945 года ситуация

изменилась. Прожив по несколько лет в комфортных условиях, они не хотели возвращаться в Советский Союз с послевоенной разрухой, перенаселёнными коммуналками, карточками и очередями за всем необходимым. Таким был 26-летний шифровальщик советского посольства в Канаде лейтенант Игорь Гузенко. В сентябре 1945 года, когда ему из Москвы прислали замену, он набил портфель секретными документами из переписки военного атташе полковника Зарубина с агентами, работающими на Советский Союз, пришёл в редакцию газеты «Оттава джорнэл» и сказал, что располагает доказательствами того, что в Канаде действует советская шпионская сеть. Но в редакции его документами не заинтересовались и посоветовали обратиться в полицию. Не без труда Гузенко удалось обратить на себя внимание контрразведчиков из Канадской королевской конной полиции. Когда там ознакомились с содержанием портфеля, его с женой и малолетним сыном немедленно взяли под охрану.

Более ста секретных документов шифровальщика и его показания позволили раскрыть целую сеть советских агентов в Канаде, США и Великобритании, внедрённых в правительственные и научные учреждения, задействованные в американском атомном проекте. Один из агентов имел оперативный псевдоним Алек. К осени 1945 года он уже покинул Канаду и возвратился в Европу, где устроился на работу в лондонский Кинг-колледж. Алек сообщил полковнику Заботину, что будет ждать связного 7, 17 и 20 числа каждого месяца у входа в Британский музей на Грит-Рассел-стрит. После того как премьер-министр Канады Кинг проинформировал британского премьера Эттли о нахождении советского шпиона в Лондоне, Эттли приказал МИ-5 выяснить личность человека, скрывающегося под псевдонимом Алек. Было известно, что разыскиваемый невысокого роста, с большими залысинами, носит очки в металлической оправе и усы, как у Чарли Чаплина. Им оказался физик, 33-х лет, доктор Аллан Нанн Мэй. Выяснилось, что он придерживался леворадикальных взглядов, а в 1936 году некоторое время находился в СССР, где предположительно и был завербован Главным разведывательным управлением СССР.

После того как была установлена его личность, Мэй постоянно находился под наблюдением оперативников МИ-5. В этих мероприятиях принимал участие и майор Джордж Хопкинс. 3 февраля 1946 года американское радио сообщило о раскрытии в Канаде крупной шпионской сети. Мэй был вызван в штаб-квартиру английского ведомства, занимавшегося вопросами ядерных исследований. Там ему предъявили обвинение в шпионаже. Вначале он все отрицал, но в конце концов сознался в том, что поддерживал связь с сотрудниками советского посольства в Канаде. Аллан Нанн Мэй сообщил следствию, что занимался шпионажем, потому что хотел внести свой вклад в обеспечение безопасности человечества. Показания физика помогли британским спецслужбам выйти на след еще одного шпиона в области ядерной энергетики, американского учёного Клауса Фукса. В мае 1946 года Мэй был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Из двадцати шести граждан Канады, США и Великобритании, попавших под подозрение, одиннадцать были осуждены, десять оправданы и пять освобождены без предъявления обвинений.

Дело Гузенко обсудили на конфиденциальной встрече канадский премьер-министр Кинг, президент США Трумэн и премьер-министр Великобритании Эттли. В июне 1946 года канадская Королевская комиссия по шпионажу представила отчёт о результатах своей деятельности. В нём было 733 страницы. В отчёте отмечалось, что на международных конференциях Советский Союз выступает с заявлениями о мире и безопасности, а на деле втайне готовит третью мировую войну. Дело Гузенко стало одной из важных причин, изменивших отношение к СССР уже в самом начале холодной войны.

В документах молодого шифровальщика впервые фигурировал как советский агент высокопоставленный сотрудник МИ-6 Ким Филби, один из «кэмбриджской пятёрки» английских интеллектуалов, много лет работавших на советскую разведку. Окончательно

разоблачён он был только в 1963 году, когда сбежал из Бейрута в Москву. Пока же британские контрразведчики безуспешно пытались понять, кто снабжает Советский Союз важной военной и политической информацией.

Невозвращенцы и перебежчики из СССР были очень ценной добычей МИ-5. Но в работе с ними требовалась особенная осторожность. Всегда была опасность получить под видом перебежчика агента советской разведки.

Об этом и думал майор Хопкинс в самолёте. Только в конце полёта он сообщил подполковнику Токаеву, с какой целью они летят в Берлин.

ХП

В зашифрованном сообщении, поступившем в Блейнхем Палас из Бремена, говорилось, что на контакт с британским офицером, резидентом МИ-6, вышел инспектор советской транспортной группы при американской военной администрации гвардии подполковник, осетин по национальности, по фамилии Тасоев. Он дал понять, что согласен сотрудничать с британской разведкой и снабжать её информацией военного характера, доступ к которой имеет в силу своего служебного положения. В обмен британская сторона обязуется через определенное время вывезти его в Лондон и предоставить политическое убежище. На вопрос, чем продиктовано его решение, Тасоев ответил, что оно вызревало уже давно и связано с его неприятием порядков в Советском Союзе.

Информация, которую инспектор транспортной группы мог поставлять МИ-6, особенной ценности не представляла, но из Лондона сообщили в Бремен, что предложение подполковника Тасоева следует принять, информация никогда не бывает лишней. Три месяца Тасоев регулярно сообщал о демонтированном оборудовании немецких заводов и о советских судах, на которые оно грузится в порту Бремена. Но 22 апреля он неожиданно потребовал встречи с британским офицером, с которым был на связи. Встреча состоялась вечером 23 апреля в доме американского директора порта Бремен Клема, который с подполковником Тасоевым часто сталкивался по службе и находился с ним в хороших отношениях. Чтобы не привлекать к встрече излишнего внимания, Клем пригласил на ужин Тасоева и проживавшего вместе с ним лейтенанта Белякова, исполнявшего обязанности уполномоченного Управления репараций СВАГ в Бремене. За несколько минут до отъезда к Клему в квартире Тасоева раздался телефонный звонок. Лейтенанта Белякова вызвали в порт для расследования аварии, в результате которой была затоплена часть репарационного оборудования, которое грузили на советский пароход «Сучан». Звонок организовал резидент МИ-6, чтобы встретиться с Тасоевым без свидетеля. Когда подполковник приехал к Клему, тот сказал, что ужин откладывается, так ему с женой нужно уехать по срочному делу. Тасоев, резидент и его помощник, выполнявший обязанности водителя, остались в доме Клема. Тасоев заявил, что его нужно немедленно переправить в Лондон, так как от знакомого сотрудника СМЕРШа ему стало известно, что принято решение об его аресте и отправке в Москву. Все попытки резидента успокоить подполковника и уговорить его не торопиться с решением оказались безуспешными. Ему ничего не оставалось, как посадить Тасоева в машину и вывезти в британскую оккупационную зону. Там его поместили в одиночную камеру в лагере для перемещённых лиц и оставили под охраной. В тот же вечер резидент связался с Лондоном и доложил о сложившемся положении.

В Блейнхем Паласе его доклад восприняли с неудовольствием. Ситуация с подполковником Тасоевым было очень некстати. Русские никак не отреагировали на побег подполковника Токаева. Исчезновение из Бремена ещё одного подполковника они не смогут замолчать. Лейтенант Беляков знает, что Тасоев уехал к Клему и исчез из его дома. Заявят, скорее всего, что Тасоев был похищен западными спецслужбами и

потребуют его немедленного освобождения. В качестве ответной меры даже могут задержать американского или британского офицера и обвинить его в шпионаже. Поднимется шум, совершенно не нужный МИ-5. Было бы лучше всего, если бы подполковник Тасоев отказался от своего намерения и отложил свой уход на Запад до более благоприятного момента. С момента его исчезновения прошло совсем немного времени, всего день отлучки можно легко объяснить чисто бытовыми обстоятельствами – выпил лишнего, загулял с приятелями или с женщиной. Получит выговор, этим и кончится.

Решать нужно было очень быстро. Энтони Браун вызвал майора Хопкинса и приказал ему вылететь с Токаевым в Берлин.

– Почему с Токаевым? – не понял Хопкинс.

– Он осетин. И Тасоев осетин. Они лучше поймут друг друга.

О предыстории их полёта майор Хопкинс, опуская лишние подробности, рассказал своему спутнику.

– Что от меня требуется? – спросил Токаев.

– Поговорить с соотечественником. Постараться убедить его не торопиться с побегом.

– А если не получится?

– Плохо. Тогда будем думать, что делать.

«Оксфорд» приземлился на базе британских ВВС недалеко от Берлина. Резидент МИ-6 ждал их с машиной. Через полтора часа они въехали на территорию лагеря для перемещённых лиц. Пока охранник гремел замками, отпирая камеру, майор Хопкинс придержал подполковника Токаева за плечо.

– Будьте убедительны, Григорий. От этого разговора зависит моя карьера. Вы же не хотите её испортить?

– Не хочу, Джордж. Сделаю всё, что смогу. В камере есть микрофоны?

– Нет.

– Значит, я смогу говорить свободно.

XIII

Гвардии подполковник Тасоев оказался невысоким коренастым человеком лет сорока с нервным лицом, с редящими волосами с проседью и большими зальсынами. Неизвестно, кого он ожидал увидеть, когда услышал лязг запоров, но при виде советского офицера в мундире с погонами подполковника испуганно вскочил с узкой железной кровати и вжался в угол камеры.

– Цай, да бон хорз, амбастаг!* – произнёс Токаев.

---

* – Ну здравствуй, земляк! (осетин.)

Тасоев с недоумением на него посмотрел.

– Не понимаю.

– Не понимаешь? А мне сказали, что ты осетин.

– Я грузинский осетин, родился в Южной Осетии, в младенчестве меня перевезли в Тифлис. По-грузински говорю, по-осетински не понимаю.

– Тогда будем говорить по-русски. Ты чего испугался?

– Ну как? Увидеть тебя в этой камере – испугаешься. Подумал, что англичане сдали меня нашим. Ты кто?

– Тот, кем ты хочешь стать. Перебежчик.

– Ты сбежал к ним? – поразился Тасоев. – И не побоялся? Уважаю. Давно?

– В ноябре прошлого года.

– Почему?

– А ты почему?

– Надоело прогибаться перед каждой партийной шишкой. Устал. Я боевой офицер, а на меня смотрят, как на вошь. Я с сорок первого года на фронте, до Берлина своими ногами прошёл. Не веришь? Вот, читай, своими глазами читай.

Тасоев извлёк из бумажника потёртый листок и протянул Токаеву. Повторил:

– Читай!

Григорий прочитал:

«НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя, отчество – Тасоев Ясон Давидович.

Звание – Гвардии Майор.

Должность, часть – Старший Помощник Начальника оперативно-разведывательного отделения Штаба 2-й Гвардейской Штурмовой Авиационной Черниговско-Речицкой Краснознамённой ордена Суворова дивизии.

Год рождения – 1909.

Национальность – осетин.

Партийность – член ВКП (б) с 1930 года.

Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и в Отечественной войне – в Отечественной войне участвует с июня 1941 года.

Имеет ли ранения, контузии – не имеет.

С какого года в Красной Армии – с 1927 года.

Каким РВК призван – Тифлиским горвоенкоматом.

Чем ранее награждён – орденом «Красная Звезда» 26.01.42 г.

КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ:

Грамотный штабной офицер. Боевую и оперативную документацию знает, ведёт её правильно и оформляет грамотно. Получаемый из частей материал анализирует, обобщает и делает правильные выводы.

Как начальник разведывательного отделения дивизии принимал участие в Привислянской и Берлинской операциях и показал себя в оперативно-тактическом отношении хорошо подготовленным и грамотным офицером.

Комиссия 16-й Воздушной армии, проверявшая работу штаба дивизии в январе текущего года, дала положительную оценку разведслужбе дивизии.

Особенно много и продуктивно тов. Тасоев поработал в период Берлинской операции. В порядке подготовки к данной операции разведотделением были даны в полки достаточно полные данные о группировках противника на нашем участке фронта, его опорных пунктах, огневых средствах, системе ПВО, базировании авиации и другие, что не только надлежало ориентировало части об обстановке, но в значительной мере содействовало уменьшению потерь от истребительной авиации и зенитной артиллерии противника.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ К ОРДЕНУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-Й СТЕПЕНИ.

Заместитель командира дивизии гвардии полковник Боговицкий».

– Дали? – поинтересовался Григорий, возвращая наградной лист.

– Дали! Догнали и добавили! От них дождёшься! Заиграли, суки! Вот если бы ранили, тогда другое дело. А ещё лучше, чтобы убили. Так ты сейчас в Англии? Где?

- Недалеко от Лондона.
- А это правда, что в магазинах в Лондоне всё есть?
- Не знаю. В Лондоне я ещё ни разу не был.
- Как так? – удивился Тасоев. – А где же ты?
- В загородной усадьбе. Под охраной.
- Допрашивают?
- Да.
- Пытают?

Григорий усмехнулся.

– Поработала над тобой наша пропаганда! Не пытаются. Но допрашивают каждый день.

- Так и сидишь под охраной?
- Ну почему? Выпускают погулять по усадьбе. На два часа в день. Мне хватает.
- погоди! – насторожился Тасоев. – А как ты оказался здесь?
- Да вот, оказался. Прилетел поговорить с тобой.
- О чём?

– Послушай, Ясон... Тебя ведь зовут Ясоном?.. Пойми меня правильно. Мне всё равно, что ты решишь. Но моим кураторам из контрразведки очень важно, чтобы ты остался в Германии и продолжал служить, как служил. Сейчас очень неудачный момент для твоего побега. Наши ещё не успели переварить мой уход, а тут ещё ты. Два подполковника – это перебор. Наши заявят, что тебя выкрали. Поднимется шум, дело попадёт в газеты. Никому это не нужно. И прежде всего тебе. С такой известностью будет непросто устроиться в Англии.

Нервное лицо Тасоева исказила страдальческая гримаса.

– Я так и думал, что будет какая-нибудь подлянка, так и знал! Ну как, как я могу вернуться?! Это трибунал за дезертирство!

– Самовольная отлучка на сутки – не дезертирство, – возразил Григорий. – Тебя сегодня же отвезут в Бремен. Никто и не заметит, что тебя не было.

– Как же, не заметит! За нами следят в десять глаз. Обязательно кто-нибудь настучит! А этим сукам из СМЕРШа только дай!

– Повинишься. Скажешь, что загулял по пьяному делу. Сойдёт.

– Ты для того и прилетел, чтобы мне это сказать?

– В общем, да. Тебя вывезут в Лондон месяца через три. Без всякого шума.

– А если я скажу «нет»?

Григорий пожал плечами.

– Твои дела.

– А теперь послушай меня. Тебе трудно было решиться уйти на Запад?

– Нелегко, – подтвердил Григорий.

– Ночей не спал? Вздрагивал от каждого стука?

– Случалось.

– Так почему ты думаешь, что мне было легче? И пережить это ещё раз? За кого ты меня принимаешь? У меня нервы не стальные. Обыкновенные, человеческие. Ещё раз такую нагрузку они не выдержат. Вот поэтому я говорю «нет». В Бремен я не вернусь. Так и передай своим кураторам.

– Передам.

– Могут англичане выдать меня нашим? На верный расстрел?

– Не думаю. Они же не людоеды.

– Тогда пусть делают, что хотят. Я согласен на всё. Но в Бремен не вернусь! Так и скажи!

– Так и скажу, – пообещал Григорий и постучал в железную дверь камеры.

В коридоре его нетерпеливо ждал Хопкинс.

– Ну что?
– Не хотелось бы, Джордж, вас огорчать, но я не смог поспособствовать вашей карьере.

– Он отказался?

– Самым решительным образом.

– Почему?

– Сказал, что его нервы не выдержат ещё раз такой нагрузки, какую он уже испытал. И я его понимаю. Не знаю, как бы я поступил на его месте. Возможно, так же.

Из кабинета начальника лагеря Хопкинс позвонил по спецсвязи в Лондон Энтони Брауну и доложил, что переговоры с подполковником Тасоевым закончились безрезультатно.

– Досадно, – помолчав, сказал Браун. – Эту проблему придётся решать здесь.

– Сэр, как мне быть с Тасоевым? Я не могу оставить его в лагере.

– На чём вы прилетели в Берлин?

– На военно-транспортном «Оксфорде». Он ждёт на авиабазе.

– Свободные места на нём есть?

– Да, самолёт рассчитан на восемь пассажиров.

– Забирайте перебежчика и возвращайтесь в Лондон. Будем думать, что с ним теперь делать.

«Оксфорд» прилетел в Лондон во втором часу ночи. Служебная «семерка» с водителем ждала на аэродроме. Майор Хопкинс отвёз обоих подполковников в усадьбу и оставил Тасоева на ночь, приставив к его комнате вооружённую охрану. Как позже выяснилось, это было серьёзной ошибкой.

XIV

«Совершенно секретно. Заместителю директора МИ-5 Э. Брауну от майора Д. Хопкинса.

Докладная записка.

Сэр, информирую Вас о ситуации, сложившейся в связи с советским перебежчиком подполковником Тасоевым.

По Вашему приказанию я доставил его из Берлина в Лондон и на ночь разместил под охраной на известной Вам усадьбе, где я допрашиваю подполковника Токаева, которому присвоен оперативный псевдоним Эксайз. Утром наши оперативники переместили его на конспиративную квартиру в Лондоне и приступили к допросам, каким мы всегда подвергаем советских перебежчиков. В течение двух недель Тасоев сохранял спокойствие и подробно отвечал на все вопросы. К концу второй недели он стал нервничать и неожиданно заявил, что он передумал, что его решение уйти на Запад было ошибкой и он требует, чтобы его препроводили в советское посольство, откуда его перешлют в СССР, где он примет заслуженное наказание за своё предательство, совершенное по недомыслию. На все напоминания о том, что в Советском Союзе его обвинят в государственной измене и приговорят к длительному тюремному сроку или даже к расстрелу, Тасоев повторял, что не изменит своего решения.

Как Вам известно, с момента побега подполковника Тасоева советская сторона неоднократно заявляла, что он похищен американской разведкой, требовала его немедленного возвращения и наказания ответственных за эту провокацию. Заявляя, что это акция американцев, русские исходили из полученных ими сведений о том, что подполковник Тасоев исчез после посещения дома американского директора порта Бремен Клема. Мы были вынуждены опубликовать информационное сообщение о том, что советский военнослужащий принял решение уйти на Запад по своей воле без всякого

принуждения, и о том, что союзники СССР не похищают советских офицеров, но не могут отказать в политическом убежище жертвам режима.

Тем временем история просочилась в прессу. Информация в субботних утренних газетах основывалась на утверждениях советской стороны. Вчера «Санди Таймс» опровергла обвинения русских, предоставив по большей мере точную версию событий. Представляется, что утечка информации была осуществлена американцами, не заинтересованными в том, чтобы их считали ответственными за похищение Тасоева. Сегодня газеты печатают опровержение советской версии, ссылаясь на неназванного «старшего британского офицера» в Гамбурге.

Чтобы закрыть тему, глава администрации американской зоны оккупации Германии генерал Клей, с которым мы провели консультации, предложил устроить встречу подполковника Тасоева с представителями советского командования или посольства СССР в Великобритании, на которой перебежчик заявил бы о том, что он принял решение уйти на Запад совершенно добровольно и без всякого принуждения. Но была опасность, что на встрече Тасоев скажет лишнее об Эксайзе, о котором он знал, а русские ничего не знали. Тогда генерал Клей предложил устроить пресс-конференцию Тасоева для британских журналистов, при этом организовать её так, чтобы журналисты не имели возможности задавать вопросы перебежчику. Мы отклонили эту идею, так как пресс-конференция в таком формате не даст нужного нам эффекта.

Таким было положение до того момента, когда подполковник Тасоев заявил о своём намерении вернуться в Советский Союз. 6 мая, усыпив бдительность охраны, он выбежал на улицу и на территории выставки «Олимпия» стал кричать на русском языке, что он советский подполковник, похищенный британской разведкой в Бремене. Вокруг него собрались посетители выставки, не понимавшие, о чём он кричит. Тасоева задержала полиция и доставила в тюрьму полицейского дивизиона, где он содержится до настоящего времени.

Резкая перемена в намерениях подполковника Тасоева создаёт для нас ряд непростых проблем. Держать его неопределённо долгое время в полицейском участке нельзя. Министерство внутренних дел уже запрашивало нас, какие обвинения будут предъявлены заключённому. Если обвинений не будет, его придётся освободить по закону о неприкосновенности личности.

Для разрешения возникших проблем рассматриваются три варианта.

Вариант первый. Под предлогом охраны государственных секретов, связанных с национальной безопасностью, перевести подполковника Тасоева из полицейской тюрьмы в другое помещение и содержать под усиленной охраной до тех пор, пока он не откажется от своего намерения вернуться в Советский Союз, принятого под влиянием нервного возбуждения. Этому могут способствовать определенные мероприятия медицинского характера.

Вариант второй. Переместить заключённого в Германию. В британской оккупационной зоне есть соответствующие условия и там нет сложностей, связанных с законом о неприкосновенности личности.

Вариант третий. Передать подполковника Тасоева русским, заявив, что мы никогда не удерживаем людей против их воли. Нет сомнений, что в попытках оправдаться он будет утверждать, что был похищен в Бремене британской разведкой. Это даст возможность советской стороне говорить, что все наши официальные заявления были заведомой дезинформацией. В этом варианте репутационные потери неизбежны, выигрыш состоит в том, что мы навсегда покончим с этой неприятной проблемой.

Окончательное решение можете принять только Вы или директор МИ-5 сэръ Перси Силлитоу.

Майор Хопкинс.

16 мая 1948 года».

Резолюция заместителя директора МИ-5 Э. Брауна:
«Третий вариант. И чем скорее, тем лучше».

Подполковник Тасоев был переправлен в Берлин и передан представителям советского командования.

Через некоторое время в «Правде» появилась статья:
«НОВАЯ ПРОВОКАЦИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ».

Берлин, 28 мая. (От специального корреспондента ТАСС.) В гор. Бремене (Германия) 23 апреля с.г. при таинственных обстоятельствах исчез инспектор транспортной группы Управления репараций Советской военной администрации в Германии гвардии подполковник Тасоев Я.Д.

Как известно, гор. Бремен находится под контролем американцев, в связи с чем советское командование обратилось к американскому командованию с требованием немедленно разыскать подполковника Тасоева и возложило на американские власти ответственность за жизнь и безопасность Тасоева. Одновременно советское командование выделило специальную комиссию для выяснений обстоятельств исчезновения Тасоева. Однако американские военные власти отказались без объяснения причин предоставить советской комиссии возможность выехать в Бремен для расследования этого дела.

Несмотря на противодействие со стороны американских властей, советским властям удалось, однако, установить, что 23 апреля с.г. вечером Тасоев, по приглашению официального американского представителя – начальника Бременского порта – Клема, направился к нему на квартиру по адресу Магбург-аллея, 22, на ужин и домой не вернулся. Проживавший совместно с Тасоевым исполняющий обязанности уполномоченного управлений репараций СВАГ в порту Бремен лейтенант Беляков утром следующего дня в 7 часов позвонил на квартиру к Клему, чтобы выяснить, где Тасоев. Ему ответили, что Клем уехал и что Тасоева на квартире Клема нет. Беляков всё же добился встречи в тот же день с Клемом и потребовал от него объяснений, где Тасоев. Клем заявил, что Тасоев по приглашению его и его жены приехал к нему на ужин и затем был увезен с его квартиры какими-то двумя неизвестными, которых он также в тот день пригласил к себе на ужин. Нелепость этих объяснений Клема бросалась в глаза. К тому же Клем в своих объяснениях запутался и в ответ на настойчивые требования т.Белякова сообщить обстоятельства, при которых Тасоев был увезён с его квартиры, дал новую версию исчезновения Тасоева. Клем заявил, что, пригласив к себе в гости Тасоева и других лиц, он сам с женой отправился в театр, а, вернувшись из театра, узнал, что Тасоев увезён гостями Клема. Всё это неправдоподобное объяснение не могло, разумеется, удовлетворить лейтенанта Белякова, который добился после настойчивых требований приёма у представителя американского военного командования в Бремене капитана 1-го ранга Джевса. Клем, приглашенный к Джевсу, вновь повторил свой бессмысленный рассказ об исчезновении Тасоева, причём на требование Белякова назвать имена «гостей» Клема, которые увезли Тасоева, Клем отказался это сделать. Вплоть до 7 мая американское командование не давало никакого ответа советским властям о Тасоеве.

7 мая заместитель американского военного губернатора в Германии генерал-майор Хейс в своём письме советскому командованию в Германии вместо того, чтобы объяснить обстоятельства исчезновения советского подполковника Тасоева из дома американского офицера, начальника Бременского порта Клема, сослался на опубликованное в начале мая в английской печати сообщение министерства иностранных дел Англии, в котором говорилось, что «подполковник Тасоев добровольно прибыл в Англию, где он был принят в соответствии с существующими традициями предоставлять убежище политическим беженцам».

Вскоре советским властям стало известно, что подполковник Тасоев, о котором МИД Великобритании сообщил, что он «добровольно прибыл в Англию», находится в заключении, в тюрьме. В связи с установлением советскими властями этого факта, опровергающего заявление английского министерства иностранных дел о том, что подполковник Тасоев добровольно прибыл в Англию и что ему предоставлено в Англии «убежище», как политическому беженцу, и в результате настойчивых требований советского военного командования в Германии Тасоев был доставлен англичанами в Берлин и 20 мая передан советским властям.

Как теперь уже точно установлено, над подполковником Тасоевым англо-американскими властями под руководством английской и американской разведки было учинено неслыханное насилие. Как выяснилось, 23 апреля 1948 года начальник Бременского порта американец Клем действительно пригласил Тасоева к себе на квартиру якобы на ужин. Для того, чтобы Тасоев не надумал захватить с собой лейтенанта Белякова, с которым обычно они бывали вместе, Беляков был вызван по срочному делу в порт, якобы связанного с погрузкой советского парохода «Сучан». Клема не оказалось дома. Тасоева встретила хозяйка – жена Клема, владеющая русским языком, проживавшая ранее в прибалтийских советских республиках и выехавшая при странных обстоятельствах в Германию, где в 1946 году вышла замуж за Клема. Она проводила Тасоева в столовую, где уже было несколько мужчин, которых жена Клема представила, как своих друзей. Вскоре явился Клем в сопровождении 5 неизвестных Тасоеву лиц. После короткого ужина гостям была предложена прогулка по Бремену на автомашинах, но, как только Тасоев сел в машину и все двинулись в путь, сидевшие рядом с Тасоевым два субъекта неожиданно скрутили ему руки и, применив таким образом насилие, перевезли в английскую зону и здесь продержали его до рассвета. На рассвете эти же субъекты втащили Тасоева в самолёт и перебросили в Лондон. Из разговоров в самолёте Тасоев понял, что он находится в руках английской разведки. Его всё время уговаривали, что ему будет лучше, чем в Советском Союзе, во время полёта на самолёте один из англичан убеждал его в том, что они летят на самолёте Мантгомери, надеясь, что Тасоев оценит «столь высокую честь», оказанную ему.

В Лондоне Тасоева привезли на квартиру по адресу Bishop King's Road, 16-23. Эта квартира, как также позже было установлено, была явкой английской разведки.

Кроме хозяйки квартиры, которая представилась как миссис Вигинг, и её дочери Бетти, сотрудницы английской разведки, к Тасоеву были приставлены 2 человека, не отходившие от него день и ночь. Тасоева постоянно посещали английские разведчики, знающие русский язык, которые также убеждали его остаться в Англии и бороться против Советской власти. Ему привезли на квартиру груды антисоветской литературы, от меньшевистского «Социалистического вестника», издающегося в США, до белогвардейских газет, издающихся в Лондоне. Английские разведчики убеждали Тасоева в том, что советские власти объявили его изменником и что министерство иностранных дел Великобритании уже опубликовало сообщение о том, что он добровольно прибыл в Англию и является политическим беженцем. Они пытались доказать Тасоеву, что единственным выходом для него из создавшегося положения является подать заявление о том, что он по политическим мотивам бежал из Советского Союза, и просит английское правительство предоставить ему убежище.

Угрозами, шантажом и насилием представители английских властей пытались получить от Тасоева какой-нибудь документ, чтобы оправдать беспрецедентное насилие над ним и как-то выпутаться из скандального дела, получившего большую огласку. Тасоев категорически отказался писать какое-либо заявление и требовал передать его советскому посольству в Лондоне.

6 мая, обманув англичан, охранявших его, Тасоев выбежал на улицу, проник на территорию выставки «Олимпия» и при большом скоплении людей начал кричать, что он

советский подполковник, похищенный англо-американцами в Бремене, и просил связать его с советским посольством в Лондоне. Полицейский с трафаретами на петлицах F-55 любезно предложил свои услуги Тасоеву, но доставил его не в советское посольство, а в тюрьму полицейского дивизиона F Broon Green Road, 19.

Находясь в полицейской тюрьме с 6 по 20 мая, Тасоев ежедневно обращался с устными и письменными требованиями в Министерство иностранных дел Англии и к полицейскому командованию с просьбой дать ему свидание с представителями советского посольства либо поставить о нём в известность советского посла в Лондоне. Вместо удовлетворения этих законных требований Тасоева, английские разведчики уговаривали Тасоева не возвращаться в СССР, а лучше подписать какое-то заявление, которое они ему подсовывали. Так как Тасоев отказывался это сделать, то его неоднократно подвергали избиениям. Между тем, вся эта история становилась всё более и более широко известной. Назревал скандал, во избежание которого английские власти, убедившись, что затеянная ими провокация провалилась, вынуждена были вернуть Тасоева в Германию и передать его здесь советским властям. Это возмутительное насилие над советским офицером не может остаться безнаказанным для агентов англо-американской разведки, ответственность за преступные действия которых несут англо-американские власти в Германии».

Ещё тогда, при чтении этой статьи в «Правде», у майора Хопкинса появилось смутное ощущение, что странное дело подполковника Тасоева слишком уж легко объясняется историей психически неуравновешенного человека, который сначала решил уйти на Запад, но потом от этого решения отказался. А то, что слишком легко объясняется, редко бывает правдой. А если он специально был заслан в Великобританию с определенным заданием и вернулся, это задание выполнил? Но какое задание он мог выполнить, что он мог узнать за время своего пребывания в Лондоне? Как работает британская контрразведка, как ведёт допросы и кто их ведёт? Но методика допросов только тем отличалась от допросов в гестапо или на Лубянке, что в Лондоне не применяли пыток, а контрразведчики, работавшие с ним, никогда не называли себя. Что ещё мог узнать Тасоев? Только одно – что подполковник Токаев находится в Великобритании и сотрудничает со следствием. Насколько важно такое задание? Это зависело от того, какую ценность для русских представляет перебежчик Токаев.

Некоторое время Хопкинс обдумывал эту неожиданную мысль. Но когда узнал, что после возвращения в Советский Союз подполковник Тасоев попал под трибунал, был обвинён в государственной измене и приговорён к расстрелу, решил, что он ошибается.

Он не ошибался. Это стало ясно после событий, последовавших через две недели после этой истории.

XV

В один из июньских дней мирное течение жизни усадьбы, в которой содержался подполковник Токаев, было нарушено сигналом тревоги. Его подали охранники, патрулировавшие подходы к усадьбе. Они заметили подозрительное движение в окрестном кустарнике и вызвали подкрепление. Опытные десантники, служившие в охране, скрытно окружили кусты и приказали прятавшемуся в них человеку бросить оружие и выходить с поднятыми руками. Из вересковых зарослей поднялся высокий худой человек в штатской одежде серого цвета. Положил на землю автомат «шмайссер» и обратился к охранникам на плохом английском языке:

– Я сдаюсь, не стреляйте!

Его напарник сидел на клёне со снайперской винтовкой. Он был на голову ниже ростом, плотного телосложения. У обоих были рации и цейсовские бинокли, через

которые они наблюдали за усадьбой и домом. Благодаря профессиональным действиям охраны диверсантов обезоружили без единого выстрела. Задержанных вывели из кустарника к дому и доложили о чрезвычайном происшествии майору Хопкинсу, работавшему в комнате для допросов с подполковником Токаевым. Хопкинс прервал допрос, приказал подполковнику вернуться в свою комнату и пошёл разбираться с задержанными.

После интенсивных допросов были установлены их личности. Оба поляки. Один, высокий, Криштоф Педерецкий, 1924 года рождения, уроженец Варшавы, второй, что пониже, Венцлав Ангелевич, 1922 года рождения, родился в Познани. Оба служили в Армии Крайовой, Ангелевич снайпером, Педерецкий в полковой разведке. После поражения Варшавского восстания они оказались в советском плену в лагере под Свердловском. В ноябре 1947 года их вызвали к начальнику лагеря. В его кабинете находились трое русских в штатском. Они предложили пленным полякам выполнить ответственное задание советского командования. В случае успешного выполнения они будут отпущены на свободу и все обвинения в военных преступлениях с них сняты. Они дали согласие.

После трёхмесячной подготовки на базе десантных войск под Москвой их доставили во Францию. До конца мая они жили на нелегальном положении в прибрежном рыбацком посёлке, потом морем их переправили в Великобританию. Оружие и рации они привезли с собой. Их заданием было убрать советского перебежчика, который содержался на конспиративной усадьбе под Лондоном. Им сообщили его приметы: высокий, крепкого телосложения, брюнет. Каждый день его выпускают из дома на двухчасовую прогулку. Во время прогулки его и следовало убить.

В продолжении двух дней поляки вели наблюдение за усадьбой и домом. На третий день их обнаружила и обезоружила охрана. После окончания допросов оба были переданы полиции.

Когда работа с Токаевым возобновилась, Хопкинс поинтересовался:

– Скажите, Григорий, что вы рассказали подполковнику Тасоеву о себе?

– Почти ничего.

– А всё-таки? О чём вы разговаривали в лагере?

– Он спросил, правда ли, что в лондонских магазинах всё есть. Я ответил, что в Лондоне ни разу не был, всё время провожу в загородной усадьбе под охраной. Он спросил: так в доме и сидите? Я сказал нет, каждый день на два часа выхожу на прогулку. Почему вы об этом спросили, Джордж?

– Да так, просто пришлось к слову, – уклонился от ответа Хопкинс. – Давайте продолжим нашу работу.

В рапорте о происшествии с польскими диверсантами майор Хопкинс написал:

«Уровень их подготовки был достаточный, чтобы справиться с порученным им делом. Сейчас можно уверенно утверждать, что о Токаеве русская разведка узнала от подполковника Тасоева после того как в Берлине его передали представителям советского командования. Это и было его заданием, которое он успешно выполнил. Тот факт, что после возвращения в Советский Союз его приговорили к расстрелу, можно объяснить либо опасениями русских, что он проболтается о своём задании в Лондоне, либо рассогласованностью в работе советских спецслужб, когда одни засылают агента на Запад, а другие об этом не знают. Секреты, которыми обладал перебежчик Токаев, делали целесообразной подготовку весьма сложной операции. Это может свидетельствовать в его пользу. Если бы не одно важное обстоятельство. Польские диверсанты не знали английского языка, их словарный запас ограничивался всего несколькими бытовыми фразами. Посылать таких людей в Великобританию с важным заданием можно было только с одной целью: чтобы операция провалилась, а на допросах задержанные всё бы о

ней рассказали. Это и произошло. Таким образом, мы по-прежнему не можем сказать ничего определённого о том, кем в действительности является подполковник Токаев».

XVI

В конце июля 1948 года майора Хопкинса вызвал заместитель директора МИ-5 Энтони Браун. Кабинеты руководителей британской контрразведки находились в западном крыле Блейнхем Паласа, дворцового комплекса в Вудстоке. Немецкие ракеты сюда не падали, не было никаких следов разрушений, но величественный старинный дворец производил впечатление вымершего, никакого движения не было на его проездах и пустых площадях, и от этого Блейнхем Палас казался вымороченным, навсегда покинутым людьми.

Когда майор Хопкинс вошёл, Энтони Браун стоял у высокого окна, выходящего на огромный парк с искусственными озёрами. Деревья были покрыты пышной листвой, на воде лежали клочья тумана.

– Война кончилась, Джордж, но память о ней жива. И ещё не скоро исчезнет, – проговорил Браун и вернулся к столу. – Прочитайте это донесение. Оно из нашего посольства в Буэнос-Айресе. Я попросил посла навести справки о профессоре Карле Танке. С ним встретился военный атташе посольства. Читайте, не торопитесь, мы никуда не спешим.

В донесении было:

«На след профессора Танка нам удалось выйти через визовый отдел нашего консульства в Нью-Йорке. Профессор Карл Танк и его помощник Генрих Хиль прилетели в Нью-Йорк в первых числах февраля на самолёте ВВС США. Но вместо того, чтобы обратиться к американцам за видом на жительство, в тот же день они пришли в посольство Аргентины и подали ходатайства о предоставлении им политического убежища. Как известно, правительство президента Хуана Перона не чинит препятствий для въезда в Аргентину эмигрантов из фашистской Германии независимо от того, какие должности они занимали в нацистской партии и в правительстве при Гитлере. Курту Танку и Генриху Хиллю было разрешено въехать в страну, они прибыли в Буэнос-Айрес на пассажирском самолёте компании Aerolíneas Argentinas.

В настоящее время профессор Танк является научным сотрудником конструкторского бюро государственной фирмы, разрабатывающей самолёты дальнего действия для пассажирских авиалиний. Генрих Хиль принят на должность его ассистента. Фирма предоставила им квартиру с двумя спальнями в многоэтажном доме в районе Бельграно. В ней наш военный атташе и встретился с профессором Танком.

На его вопрос, что заставило профессора так поспешно уехать из Германии, Танк объяснил, что возникла ситуация, при которой его могла захватить советская разведка и насильно вывезти в Советский Союз. Поэтому он связался с американским офицером, неоднократно предлагавшим ему выехать в США и работать в ракетной программе, и сообщил, что готов принять его предложение. Так он и Генрих Хиль оказались в Нью-Йорке.

На вопрос, собирался ли профессор принять предложение американцев, он ответил, что не собирался, а к такому способу действий прибегнул только потому, что не видел другого выхода.

– Как вы узнали, что русские хотят вас захватить и вывезти в Советский Союз? – спросил наш сотрудник.

– Меня предупредил об этом советский подполковник. Его фамилия Токаев. Генрих Хиль связался с ним и узнал, что на ближайшие дни запланирована операция по моему захвату. Поэтому пришлось действовать очень быстро.

– Почему советский подполковник вас об этом предупредил?

– Этого я не знаю. Могу предположить, что он не во всём одобрял политику своего правительства.

– Но для русских это совершенно необычно. Подполковника могли обвинить в государственной измене. Почему он на это пошёл?

– Не знаю, – повторил Танк. – Могу только гадать. Все люди разные. Они могут думать не так, как предписывает им государственная идеология. Мне показалось, что подполковник Токаев с пониманием относится к моей позиции неучастия в подготовке новой войны.

На этом содержательная часть разговора была завершена. Надеюсь, мистер Браун, посольство Великобритании в Аргентине выполнило Ваше поручение».

– Вы что-нибудь поняли, Джордж? – спросил Браун, когда майор Хопкинс дочитал донесение.

– Нет, сэр. Наш перебежчик полон тайн, как Бермудский треугольник.

– Сколько времени вы с ним работаете?

– С ноября прошлого года.

– И вопросов не убавляется, а прибавляется?

– Да, сэр.

– Как ведёт себя подполковник Токаев?

– Спокойно. Он человек с очень устойчивой психикой.

– Чем он занимается после допросов?

– Английским языком. Попросил дать ему преподавателя, обложился словарями.

– Есть успехи?

– Очень заметные.

– Я слежу за вашей работой, внимательно читаю все протоколы допросов, – помолчав, продолжал Браун. – Вы всё делаете правильно. И всё-таки ответа на самый главный вопрос мы не получили. Допустим, что Токаев ушёл за Запад по идейным соображениям. Если это так, то такому решению должна предшествовать кардинальная ломка характера, отказ от всех догм, внедренных в его сознание государственной пропагандой. Почему бы вам, Джордж, не попытаться поговорить с ним об этом без протокола? Как говорят русские, по душам. Возможно, что-то и прояснится.

– Я так и сделаю, сэр.

XVII

– Сегодня, Григорий, наш разговор не записывается, все микрофоны отключены. Мы просто поговорим. Согласны?

– Давайте, Джордж. Будем говорить по-английски?

– Нет, по-русски. Ваш английский ещё недостаточно хорош. А я хотел бы точно понимать то, что вы скажете. Вы говорили, что в коммунистическую партию вступили, когда вам было двадцать два года, и никогда не подвергали сомнению её идеи?

– Да, это так. Даже мысли об этом не возникало.

– Что заставило вас изменить своё мировоззрение?

– Непросто ответить. Это накапливалось постепенно, как соли тяжёлых металлов в костях. Первые сомнения появились во время раскулачивания. Я не понимал, почему у хороших хозяев, заработавших всё своими руками, отбирают имущество и высылают их, как преступников. Потом появилась статья Сталина о перегибах на местах, меня это как-то успокоило. Очень большим потрясением было начало войны. Как же это? Мы пели: «Броня крепка и танки наши быстры», а немцы уже под Москвой. Значит, что-то было не так, и все слова, что мы готовы к войне, ничего не стоили? Мы всё время говорили о дружбе народов, а целые народы Кавказа выселили в Казахстан. Загнали в теплушки и увезли, как скот. Чеченцев, ингушей, балкарцев. Семьями, со стариками, женщинами и

детьми. Под тем предлогом, что они сотрудничали с немцами. Женщины и дети не могут ни с кем сотрудничать.

– Как вы узнали о депортации? Это сорок четвёртый год, вы давно уже жили в Москве.

– Узнал. Приезжали знакомые, рассказывали. Всем рот не заткнёшь.

– Но осетин, насколько я знаю, не тронули.

– Если беда у соседа, значит и в твоём доме беда. Так мы считаем.

– То, о чём вы говорите, знали в Советском Союзе все. Почему только вас это заставило переменить мировоззрение?

– Вы ошибаетесь, не только меня. Война многих заставила серьёзно задуматься. Знаете, какие письма наши солдаты писали домой в ответ на жалобы родных на трудную жизнь? «Потерпите ещё немного, мы скоро вернёмся и наведём порядок. Научим их Родину любить». И что? Вернулись и всё осталось по-прежнему. Каждый по отдельности понимает, что всё идёт не так, но срабатывает инстинкт самосохранения. Что я могу сделать, от меня ничего не зависит. Так думают, это общая беда России. Беда и вина. Профессор Танк сказал, что самое худшее качество немцев законопослушность. Она превращает народ в стадо, в рабов. Это же можно сказать о русских.

– Вы осетин, но считаете себя русским?

– Да, я русский. По складу мышления, по образу жизни, по рабской психологии, она сидит в моих генах.

– Сидит не очень-то крепко. Человек с рабской психологией не способен на такой поступок, который вы совершили. Я имею в виду ваш уход на Запад.

– В жизни каждого человек наступает момент, когда он должен принять решение. Чтобы не потерять к себе уважения. Я принял такое решение. Вот оно: неучастие в подготовке новой войны.

– Вы сказали, Григорий, что недовольство накапливалось в вас, как соли тяжёлых металлов в костях. Это может продолжаться очень долго. Даже всю жизнь. Чтобы оно привело к действию, должно произойти какое-то событие, которое сделало бы это действие неотвратимым. В вашей жизни было такое событие?

– Да, было.

– Что это за событие?

– Совещание у Сталина в апреле 1947 года...

XVIII

14 апреля 1947 года, во втором часу ночи, в коттедже подполковника Токаева раздался телефонный звонок. Звонил дежурный офицер из управления СВАГ в Карлхорсте. К телефону подошла Аза, жена Токаева. На просьбу передать трубку мужу твёрдо ответила:

– Не могу. Он допоздна работал и теперь спит. Я не стану его будить, звоните утром.

Через полчаса звонок повторился. На этот раз звонил генерал-лейтенант Куцевалов, начальник военно-воздушного отдела Советской военной администрации в Германии, в непосредственном подчинении которого находилась группа Токаева. Он приказал подполковнику Токаеву немедленно явиться в его кабинет в Карлхорсте. По дороге Григорий пытался понять, что значит этот ночной вызов. В Москве все руководители работали по ночам и расходились по домам только после того, как Сталин уезжал из Кремля. В Карлхорсте тоже работали по ночам, хотя чаще всего в этом не было никакой необходимости. Звонок Куцевалова мог означать, что случилось что-то важное, а мог не означать ничего, просто у генерал-лейтенанта возник какой-то вопрос.

С Куцеваловым у подполковника Токаева были непростые отношения. Григорий знал, что он был военным лётчиком, храбро воевал. За участие в боях под Халхин-Голом в

1939 году стал Героем Советского Союза, бывшие сослуживцы о нём очень хорошо отзывались. Но по мере того, как он поднимался по карьерной лестнице, характер его портился, он стал раздражительным, нетерпимым к чужому мнению. В то, чем занимается группа Токаева, Куцевалов не вникал, но считал, что он слишком либеральничает с немецкими специалистами, их следует без лишних разговоров задерживать и отправлять в Советский Союз. От возражений Токаева, что так мы получим много малоквалифицированных инженеров, а наиболее ценных учёных упустим, раздраженно отмахивался. После исчезновения авиаконструктора Курта Танка их отношения обострились. Работе подполковника Токаева он не помогал, но и не очень мешал, зная, что руководители СВАГ ценят его как учёного-ракетчика.

В кабинете Куцевалова в Карлхорсте были генерал-лейтенант Дратвин, недавно назначенный первым заместителем Главного начальствующего СВАГ маршала Соколовского, и начальник политуправления СВАГ генерал-майор Андреев. Лица у всех были озабоченные.

– Что-то случилось, товарищ генерал-лейтенант? – обратился Токаев к Куцевалову.

– Случилось, – вместо него ответил Дратвин. – Маршалу Соколовскому позвонил министр Вооружённых сил Булганин. Приказал срочно прислать в Москву генерала Куцевалова и вас, Токаев. В Кремле будет какое-то совещание по ракетам.

– Совещание в Кремле – это очень серьёзно, – заметил Григорий. – Мне нужно время подготовиться к нему.

– Нет времени, – отрезал Дратвин. – Завтра утром вылетаете в Москву. Послезавтра в десять вечера вы должны быть в Кремле.

Вечером следующего дня они уже были на Ходынском поле. На присланной за ними машине Куцевалов завёз спутника домой, а сам поехал в гостиницу минобороны, где для него был оставлен номер. Странное чувство испытал Григорий, неожиданно оказавшись дома. Перед отъездом в Берлин Аза навела в комнате порядок, все вещи и книги стояли на своих местах, но были словно бы чужими, принадлежавшими совсем другому человеку. Он бесцельно побродил по комнате, посидел за пустым письменным столом, когда-то заваленном бумагами с расчётами и графиками, и пошёл спать. Нужно было выспаться, завтра предстоял нелёгкий день.

Григорий ожидал, что генерал Куцевалов заедет за ним и они вместе отправятся в Кремль. Но вместо этого около восьми вечера к нему постучалась совсем молоденькая девчушка в форме сержанта НКВД и доложила:

– Товарищ подполковник, машина подана. Сегодня она в вашем распоряжении.

Апрель в Москве выдался ненастным, срывался мокрый снег, налипал на лобовое стекло чёрного трофейного «опель-капитана», который прислали подполковнику Токаеву. Быстро стемнело, машин на улицах было мало, тротуары тоже были пустынными. «Опель» прошумел шинами по брусчатке Красной площади и остановился у Спасской башни. Пропуск подполковнику Токаеву был заказан. Охрана тщательно проверила документы у водителя и пассажира и открыла шлагбаум. Девчушка уверенно провела машину по тёмным проездам Кремля и подъехала к зданию Сената, в котором после переноса столицы из Петрограда в Москву размещалось советское правительство. На площадке у подъезда блестели мокрыми лакированными плоскостями десятка полтора чёрных лимузинов. Водитель пристроила «опель» сбоку.

– Здесь я вас буду ждать сколько нужно. Идите, товарищ подполковник.

Подъезд Сената был ярко освещён. Два офицера в форме НКВД очень тщательно проверили документы и пропуск Григория и впустили в здание. В гардеробе на нижнем этаже он оставил шинель и поднялся по широкой мраморной лестнице. Наверху лестницы у него ещё раз проверили все документы, потом один из офицеров НКВД провёл его в подковообразный коридор вокруг зала, в котором заседало правительство. На дверях кабинетов были таблички: «Заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. П.

Берия», «Заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленков», «Заместитель Председателя Совета Министров СССР М. А. Вознесенский».

Возле кабинета Вознесенского офицер сказал:

– Вам сюда. – И, козырнув, удалился.

Секретарь Вознесенского в чине полковника встретил Токаева недовольным вопросом:

– Вы где гуляете? Совещание уже началось.

– Меня вызвали на двадцать два ноль-ноль, – напомнил Григорий. – Сейчас только половина десятого.

– Начали раньше, вас не успели предупредить. Посидите, я о вас доложу.

Не успел он это сказать, как из кабинета Вознесенского вышел Вершинин, командующий ВВС СССР, заместитель министра обороны. Григорий его хорошо знал ещё с довоенных времен, когда Вершинин был помощником по лётной подготовке начальника Высших авиационных курсов усовершенствования лётного состава и часто приезжал в академию Жуковского.

– Ну что за болван ваш Куцевалов! Вы бы послушали, что он несёт! Как на политинформации перед новобранцами! – с досадой проговорил он. – Хорошо, Токаев, что ты пришёл. Входи, тебя ждут.

В кабинете за длинным столом сидели члены Политбюро Вознесенский и Маленков, министр авиационной промышленности Хруничев, главный конструктор «Яков» генерал-полковник Яковлев, главный конструктор «Мигов» Артём Микоян и генерал Куцевалов. Лицо у Куцевалова было багровое, потное. Видно, разговор, который шёл в кабинете, дался ему нелегко.

– Садитесь, Токаев, – предложил Маленков. – Надеюсь, вы сумеете ответить на наши вопросы лучше, чем ваш начальник.

– Как смогу, у меня не было времени на подготовку.

– Не прибедняйся, сможешь, – перебил Вершинин. – Начнёте, Георгий Максимилианович?

– Мы получили информацию, что конструктор «Фау-2» Вернер фон Браун выходил на контакт с людьми генерал-полковника Серова и предлагал свои услуги Советскому Союзу, но его предложение отклонили. Это так?

– Нет, это дезинформация. Фон Браун был штурмбаннфюрером СС и активным членом нацистской партии. Он добровольно сдался американцам и сейчас в США. Трудно поверить, что он предлагал нам сотрудничество.

– Профессор Курт Танк, – продолжал Маленков. – Нам известно, что вы встречались с ним в Берлине. Вскоре после этой встречи он исчез. Как вы это объясните?

– Да, я с ним встречался, – подтвердил Григорий. – Предложил переехать в Советский Союз и гарантировал, что ему будут предоставлены все условия для работы. Он сказал, что устал от войны и хочет только одного – чтобы о нём забыли. Но обещал подумать.

– И сбежал в Аргентину?

– Я не знаю, куда он сбежал.

В разговор вмешался Вознесенский:

– Товарища Сталина заинтересовал проект конструктора Зенгера. Вы знаете об этом проекте?

– Кое-что знаю.

– Зенгер сейчас где-то во Франции, мы вряд ли сможем его заполучить. Как по-вашему, мы сможем реализовать проект без него?

– Не знаю, что сказать. Это задача огромной сложности.

– А вот генерал Куцевалов считает, что нашим учёным она по силам, – заметил Вершинин. – Навалимся всем миром и сделаем.

– Генерал Куцевалов военный, а не учёный, – возразил Григорий. – Задачу такой сложности нельзя решить количеством. Хоть тысячу учёных собери, у них ничего не получится, если среди них не будет ярких талантов, способных предложить прорывные идеи. Здесь конструкторы Яковлев и Микоян. Они подтвердят, что я прав.

Яковлев молча кивнул, а Микоян сказал:

– Да, прав.

Маленков вернул разговор в деловое русло:

– Задача поставлена и мы должны найти пути её решения. Здесь было два предложения. Первое: создать экспериментальное бюро в Германии и привлечь к его работе максимальное число немецких специалистов-ракетчиков. Что вы об этом думаете, товарищ Токаев?

– Нашим союзникам это не понравится.

– Нас не интересует, что им понравится или не понравится. Я спрашиваю о другом: будет ли работоспособным такое бюро?

– Трудно сказать. Немецкие специалисты, оставшиеся в Германии, живут очень трудно. Они охотно пойдут работать к нам. Но их квалификация вызывает у меня большие сомнения. Лучших учёных уже вывезли в Америку, другие у нас в Городомле у Туполева.

– Второе предложение такое, – продолжал Маленков. – Создать научно-исследовательский центр у нас или записать эту тему в планы Туполева. Он всё равно занимается ракетами. Ваше мнение?

– По-моему мы подходим к решению не с того конца. Прежде чем ставить кому-то конкретную задачу, нужно понять, возможна ли реализация проекта Зенгера в принципе при современном состоянии науки и технологии. Я предложил бы собрать лучших наших и немецких учёных-ракетчиков вместе и поставить перед ними этот вопрос. Если они скажут «да», тогда и можно приступать к конкретным действиям.

– Так что мы решим? – спросил Маленков.

– Решать будем не мы, – ответил Вознесенский.

На этом совещания прервалось. Маленков и Вознесенский отправились докладывать Сталину, оставшиеся в кабинете расслабились, переговаривались о своих делах. К Григорию подсел генерал Куцевалов.

– Дипломат ты, Токаев, большой дипломат, – проговорил он. – Серова отмазал, а вот меня подставил. Но я на тебя зла не держу.

Вернулись Маленков и Воскресенский.

– Завтра продолжим у товарища Сталина, – объявил Воскресенский. – Спасибо, все свободны. Токаев, завтра из дома не выходите, вас могут вызвать в любой момент.

От площадки возле Сената отъезжали тяжелые чёрные лимузины. Григорий нашёл свой «опель». Девчужка-водитель крепко спала, откинувшись на спинку кресла.

– Поезжайте домой, товарищ сержант, – сказал ей Григорий. – Я пройду пешком, мне недалеко. Заодно посмотрю на Москву, давно тут не был.

– Ой, меня накажут, – испугалась она.

– Не накажут. Скажете: подполковник приказал. А вы обязаны выполнять приказы старших по званию.

Был третий час ночи. Снег прекратился, мостовые блестели под фонарями. Улицы были совершенно пусты, в домах были освещены только редкие окна и оттого город казался настороженным, хмурым.

Григорий уже подходил к дому, когда заметил длинную тёмную очередь, человек в сто или даже больше. Голова очереди была возле «Булочной», хвост терялся в тени домов. В ней стояли по большей части пожилые женщины, кутаясь в платки, но попадались старики и подростки.

– За чём стоим? – спросил Григорий у мальчика в ушанке и телогрейке.

– За хлебом, – отозвался он, шмыгнув носом.

- Когда привезут?
- Привезут в семь, а начнут давать в восемь.
- Так до восьми и будешь стоять?
- Не, скоро сеструха сменит. Она уже большая, ей двенадцать.
- А тебе сколько?
- Восемь с половиной.
- Не бойтесь, что вас затолкают?
- Не, тут порядок, все по номерам.

Он показал ладошку. На ней химическим карандашом была выведена цифра «126».

В эту ночь Григорий долго не мог заснуть. Перед глазами всё стояла детская ладошка с цифрой 126.

XIX

Утром 17 апреля в его комнате пронзительно зазвонил телефон. Звонок был необычный – прерывистый, требовательный. Так звонят с междугородней станции. Но это был не междугород, а коммутатор Кремля. Оператор передал, что подполковнику Токаеву приказано никуда не отходить от телефона и никому не звонить, его телефон постоянно подключён к спецсвязи, вызов может последовать в любую минуту. Целый день Григорий проходил по комнате, поглядывая на чёрный аппарат, как на гранату с выдернутой чекой. Только к вечеру телефон ожил.

- Это Серов, – услышал Григорий в трубке.
- Какой Серов? – не понял он.
- Такой! Не узнал?
- Извините, товарищ генерал-полковник. Слушаю вас.
- Машина к тебе послана. В ней капитан Никитин из комендатуры Кремля. Делай то, что он скажет.

Через несколько минут в дверь постучали. Капитан Никитин настороженно оглядел комнату и обратился к Григорию:

- Подполковник Токаев?
- Да, это я.
- Сдайте оружие.
- Я арестован?
- А есть за что?
- Не знаю, вам видней.
- Не арестован. Пока. С оружием к товарищу Сталину не положено. Никому, даже маршалам.

Положил табельный ТТ Григория в портфель, поинтересовался:

- Готовы? Тогда пошли.

У подъезда стоял чёрный «Зис». Редкие прохожие разглядывали его с любопытством и опаской. Водитель включил сирену, машина пронеслась по московским улицам и остановилась у Боровицких ворот. И машину, и капитана Никитина охрана хорошо знала, но документы проверила очень тщательно. Следующая проверка, такая же тщательная, была у бокового входа в Сенат. В фойе младший лейтенант взял у Григория шинель, а у капитана Никитина шинель и его портфель. Поднявшись по лестнице с красным ковром, заглушавшим шаги, они оказались в длинном узком коридоре. Через каждый десять метров в нём стояли офицеры НКВД с каменными лицами. Возле двери, на которой не было никакой таблички, дежурили двое. Последовала ещё одна въедливая проверка всех документов, только после неё офицеры отступили от двери, освобождая вход в кабинет.

Это была приёмная Сталина. За письменным столом горбился личный секретарь Сталина генерал-майор Поскребышев, приземистый человек с бритой головой и серым

лицом. По приёмной прохаживался генерал-полковник Серов, затянутый в ладно сидящий на нём мундир, выбритый до блеска, источающий запах кожи португепи и «Шипра».

– Товарищ генерал-майор, подполковник Токаев доставлен, – доложил капитан Никитин Поскребышеву, хотя по субординации он должен был сначала обратиться к Серову. Но тут в Кремле свои правила.

– Свободен, капитан, – ответил Поскребышев и очень внимательно посмотрел на Григория. – Токаев, ты случайно не выпил?

– Нет, товарищ генерал-майор.

– А почему такой дёрганный?

– Волнуюсь.

– Понятно. Подожди, Иван Александрович, – обратился он к Серову. – Сейчас доложу.

Он ненадолго скрылся в кабинете.

– Входите. – Придержал Григория за рукав. – Много не говори, он этого не любит. Только по делу.

Сталин сидел за письменным столом в правом дальнем конце полутемного кабинета. Слева от него, за длинным дубовым столом с полированной столешницей расположились члены Политбюро Маленков, Берия, Вознесенский, Микоян, Ворошилов, Жданов и Молотов. Столько первых лиц государства Григорий видел только на трибуне Мавзолея во время довоенной первомайской демонстрации.

– Товарищ Сталин, генерал-полковник Серов и подполковник Токаев по вашему приказанию прибыли, – отрапортовал Серов.

– Проходите, товарищи, располагайтесь, – доброжелательно предложил Сталин. Он поднялся из-за стола и вплотную подошёл к Григорию. Он был на голову ниже подполковника, Григорий хорошо разглядел его изъеденное оспой лицо, прокуренные усы и седые поредевшие волосы.

– Осетин?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Иронау ма зоньс, Токайы-фырт?*

– спросил Сталин по-осетински с южноосетинским акцентом.

* – Понимаешь по-осетински, Токаев? (осет.)

Григорий растерялся и ответил по-русски:

– Понимаю, товарищ Сталин.

– Это хорошо, родной язык нельзя забывать.

Сталин неслышно прошёлся по кабинету и вернулся за стол.

– Мы сегодня собрались, чтобы решить очень важный вопрос, связанный с обороноспособностью нашей страны. Я говорю о ракетах. Подполковник Токаев считается специалистом в этих делах. Попросим его обрисовать общее положение. Чего достигли немцы и насколько мы от них отстали. Слушаем вас.

Григорий сразу успокоился, к ответу на этот вопрос он был готов. Он уложился в десять минут. Сталин и все присутствующие внимательно слушали. Закончил так:

– У нас есть успехи в ракетной артиллерии, «Катюши» сыграли большую роль в победе. Но в ракетах дальнего действия мы отстали от немцев лет на десять.

Сталин повертел в руках брошюру с обгорелой обложкой. Григорий был уверен, что это та самая брошюра с грифом "Streng Geheim", которую нашли в развалинах Пенемюнде наши специалисты. В ней шла речь о проекте Зенгера. Он не ошибся.

– Вы знаете о проекте немецкого конструктора Зенгера? – спросил Сталин.

– Да, товарищ Сталин.

– Что это за проект? Расскажите просто, без научной зауми.

– Это совершенно фантастический проект. Зенгер начал работать над ним ещё в 1933 году. Своё изделие он назвал «Зильберфогель» – «Серебряная птица». Тогда проект прикрыли, Зенгер вернулся к нему только в 1944 году. Нам повезло, что у Германии не хватило времени и средств, чтобы довести его до конца.

– Мне о нём рассказал сын. А ему, как я понял, вы. Почему вы считаете самолёт Зенгера фантастическим?

– Это не самолёт, товарищ Сталин.

– А что? Ракета?

– И не ракета. Правильнее назвать его ракетопланом. Он способен подниматься в стратосферу на высоту в триста километров и преодолевать расстояние в двадцать тысяч километров.

– Для чего немцам такая дальность?

– Двадцать тысяч километров – это теоретически. Практически немцы хотели получить возможность бомбить Нью-Йорк.

– Мы можем реализовать этот проект?

– Я уже говорил товарищам, что это задача огромной сложности. И решение её потребует вложения колоссальных средств.

– О средствах не беспокойтесь, о них пусть думает товарищ Вознесенский. Я хочу знать, возможно ли это в принципе.

– Сейчас никто не может этого сказать.

– Это что же получается? – проговорил Сталин. – У американцев есть атомная бомба. Американские бомбардировщики могут подняться с аэродромов в Германии и сбросить её на Москву. У нас тоже скоро будет атомная бомба. Когда, Лаврентий Павлович? Напомни.

– Через два года, товарищ Сталин, – ответил Берия.

– Вот, через два года. Но что мы с ней будем делать? Наши самолёты не долетают до Нью-Йорка.

– Мы собираемся воевать с Америкой? – осмелился спросить Григорий.

– Нет, это Америка собирается воевать с нами. А мы не готовы к этой войне. Это недопустимо. Поэтому проект Зенгера должен быть реализован. Я верю, что советские учёные справятся с этой задачей. Когда у нас появится ракетоплан, способный долететь до Нью-Йорка, нам будет легче разговаривать с этим мелким лавочником Трумэном. Кстати, где сейчас конструктор Зенгер?

– По нашим сведениям, во Франции, товарищ Сталин, – доложил Серов.

– Сын говорил мне, что он с Токаевым хотел отправиться во Францию и заполучить Зенгера, но вы запретили. Это так, товарищ Серов?

– Да, товарищ Сталин. Они не знают французского языка и ничего не смогли бы сделать.

– Разве во Франции нет наших агентов, которые бы им помогли?

– Есть, товарищ Сталин. Это решение было моей ошибкой.

– Умение признавать ошибки – хорошее качество, товарищ Серов. Важно их не повторять. Так что, товарищи, мы решим?

По итогам этого совещания было подготовлено постановление Совета Министров СССР:

1. Сформировать специальную правительственную комиссию по сбору и систематизации научной и технической информации, а также по отбору специалистов для работы над проектом Зенгера.

2. Назначить председателем комиссии генерал-полковника Серова, заместителем председателя инженер-полковника Токаева, членами комиссии академика Келдыша и профессора Кошкина.

3. Комиссии представить окончательный отчёт о проекте Зенгера Совету Министров не позднее 1 августа 1947 года.

4. Обязать маршала Соколовского оказывать комиссии всяческое содействие.

На этом обсуждение проекта Зенгера закончилось. Серов и Токаев вышли из кабинета Сталина, члены Политбюро остались обсуждать другие вопросы. Генерал-майор Поскребышев вызвал капитана Никитина и приказал проводить Серова и Токаева к их машине. Когда они вышли, он раскрыл журнал посещений Сталина и сделал в нём запись. Только через много десятилетий историки смогли её прочитать. В ней было:

«17 августа 1947 г.

12. т. Серов 22.10–22.35

13. т. Токаев 22.10–22.35».

XX

– Добрый день, миссис Токаева. Меня зовут Джордж Хопкинс, я майор секретной службы. Можно войти?

– Разве я могу сказать «нет»? Заходите, майор Хопкинс. Проходите на кухню, в гостиной дочь делает уроки, не будем ей мешать.

– Разве ваша дочь ходит в школу?

– Уроки ей задаю я.

– Она хорошо учится?

– Она старается. Вы только это хотели узнать?

– Нет. Ваш муж, Григорий Токаев, попросил меня заехать к вам и узнать, как вы живёте. Вы довольны квартирой?

– Вполне. У нас три комнаты. Правда, одну занимает охранник, но и двух комнат нам хватает. В Москве мы жили втроём в одной комнате. И ничего, не жаловались.

– В чём-нибудь испытываете нужду?

– Спасибо, ни в чём. Продукты нам привозят, а больше нам ничего не нужно. Правда, гулять мы можем только по дворику, а он небольшой.

– Это в интересах вашей безопасности.

– Я понимаю. Вы часто видите Григория?

– Практически каждый день.

– Где вы его держите?

– Этого я не могу вам сказать. Но поверьте, условия у него неплохие. Даже лучше, чем у вас. Спокойная загородная жизнь.

– Как он?

– Здоров, спокоен, ни на что не жалуется. Усиленно изучает английский язык. Делает большие успехи.

– У него способности к языкам. Немецкий он выучил за несколько месяцев. Когда вы его отпустите?

– Когда придёт время.

– Ещё не пришло? Вы держите его уже полгода.

– Поверьте, миссис Токаева, это необходимо. Григорий это понимает. Он знал, на что шёл.

– Зовите меня Азой.

– Договорились. А вы меня Джорджем.

– Хотите чаю, Джордж? У вас в Англии замечательный чай, в Москве такого нет.

– Спасибо, не откажусь. Скажите, Аза, как вы познакомились с Григорием? Где это было – в Осетии?

– Нет, в Москве. Я училась в химико-технологическом институте, а он заканчивал училище имени Баумана. Нас познакомила его сестра Нина. Осетин немного в Москве, они стараются поддерживать знакомство. Через полгода мы поженились, ещё через год родилась дочь.

- Нина сейчас в Москве? Вы с ней переписывались?
- Она вышла замуж за Мишу Клыкова, он тогда был курсантом Бронетанковой академии. После войны его командировали в СВАГ, несколько дней он жил у нас в Берлине. Нина осталась в Москве, ему не разрешили вызвать семью.
- А с родственниками в Осетии вы поддерживали связь? Со своими или с родственниками мужа?
- Нет. До войны переписывались, потом письма перестали приходить. Что с ними сейчас, не знаю.
- Когда вы узнали, что Григорий решил уйти на Запад?
- В самолёте, который летел в Лондон. Даже в машине, когда мы ехали в Западный Берлин, я не знала, куда мы едем.
- Неужели он не делился с вами своими планами?
- Нет. Осетинские мужчины не нагружают женщин своими проблемами. У нас это не принято.
- Разве вы не замечали, что с ним что-то происходит?
- Замечала. Он и вообще-то не очень разговорчивый, а в последнее время совсем замкнулся, ушёл в себя. Очень много работал, допоздна печатал на машинке какие-то статьи, отчёты. Я чувствовала, что он специально загружает себя работой, чтобы ни о чем не думать.
- И вы ни разу не спросили, что его тревожит?
- Нет. Если бы захотел, сам рассказал бы. А приставать к мужу с расспросами не дело. Осетинские женщины никогда так не поступают.
- Аза, познакомьте меня с какой-нибудь осетинской женщиной. Я бы на ней женился, мне очень нравятся их обычаи.
- Это вы так шутите, Джордж? Где в Лондоне я найду вам осетинскую женщину?
- Вы сказали, что Григорий замкнулся в последнее время. В последнее время – это когда?
- После возвращения из Москвы. В апреле его вызывали на совещание в Кремль. В совещании принимал участие Сталин. После этого Григория как подменили.
- Что он рассказывал о совещании?
- Ничего, это секретные дела. Только сказал, что Сталин спросил его по-осетински, не забыл ли он родной язык.
- Сталин – по-осетински?
- Да. В Осетии считают, что Сталин осетин. Мать грузинка, а отец осетин. И очень этим гордятся.
- Почему гордятся?
- Ну как? В Англии же гордятся тем, что Черчилль англичанин? Любому народу лестно иметь своим соотечественником великого человека. Осетины не исключение.
- Григорий тоже считал Сталина великим человеком?
- Конечно. Специально мы об этом не говорили, но это подразумевалось само собой. В Советском Союзе все так считают.
- Что ещё Григорий рассказывал о совещании в Кремле?
- Больше ничего. Через несколько дней он немного выпил и его как прорвало. Рассказал, что ночью видел в Москве очередь у булочной. За хлебом. Человек в двести. И у мальчишки лет восьми на ладони была цифра химическим карандашом – 126. Это номер очереди. Он несколько раз повторил: «Сто двадцать шесть! Сто двадцать шесть! Ты поняла? У них дети ночами в очередях за хлебом стоят, а они хотят тратить десятки миллионов рублей золотом на оружие! Не навоевались, мало!»
- Кто они?
- Не знаю, он не сказал. Эти, в Кремле.
- Сталин?

- Наверное, без него ничего не делается.
- Спасибо, Аза, за чай. Извините, что отнял у вас столько времени. Что сказать Григорию?
- Скажите, что у нас всё хорошо. Белла, иди сюда. Познакомьтесь, Джордж, это наша дочь Белла. А это майор Джордж Хопкинс. Он скоро увидит папу. Что ему передать?
- Что мы по нему очень скучаем. Мама не плачет, а я часто плачу...

XXI

Слухи о том, что подполковника Токаева вызывали на совещание в Кремль, быстро распространились по Карлхорсту. Григорий чувствовал, что отношение к нему изменилось, стало более уважительным и вместе с тем как бы насторожённым. Генерал-лейтенант Куцевалов был очень недоволен тем, что его не включили в состав правительственной комиссии. Он считал, что это из-за Токаева, плохо отозвавшегося о нём на совещании с членами Политбюро. Главнoначальствующий СВАГ маршал Соколовский был раздражён другим. Получив постановление Совета Министров, подписанное Сталиным, он вызвал Токаева.

- Ты знаешь, что тебя назвали полковником?
  - Нет, я не видел постановления.
  - Назвали. И что мне прикажешь делать? Тебе только недавно дали подполковника. И сразу давать полковника? Я не против. Но назови какую-нибудь причину для присвоения тебе внеочередного звания. Чем ты так отличился?
  - Ничем, товарищ маршал. В постановлении это написали по ошибке.
  - Товарищ Сталин не ошибается!
  - Ошиблись в секретариате правительства, там ошибаются.
  - И что мне им написать?
  - Напишите, что подполковник Токаев от внеочередного звания отказался. Считает, что ещё не заслужил. А лучше ничего не пишете, вы не заметили ошибки.
- Маршал Соколовский долго хмурился и наконец кивнул:
- Так и сделаю. Свободен, Токаев. Иди служи.

Комиссия должна была представить отчёт правительству не позднее 1 августа 1947 года, но ещё месяца за два стало понятно, что отчёта не будет. А в том, что будет, не будет ответа на главный вопрос, поставленный правительством перед комиссией: возможна ли в принципе реализация проекта Зенгера.

И не потому, что комиссия не работала. Регулярно собиралась в одном из залов администрации СВАГ в Карлхорсте, две немки-стенографистки протоколировали выступления, потом их переводили на русский язык и перепечатывали. Один экземпляр передавали генерал-полковнику Серову, который был председателем комиссии, но на заседание пришёл всего раз. Ещё один посылали в Москву члену комиссии академику Келдышу, начальнику НИИ-1, головного научно-исследовательского института Министерства авиационной промышленности, занимавшегося ракетами. Никакого интереса к работе комиссии Келдыш не проявлял, его институт активно сотрудничал с Королёвым, руководившим центром в Капустинoм Яру, где изучали немецкие «Фау-2» и пытались создать свою ракету. Второй член комиссии, профессор Кошкин, специалист по рабочим процессам в воздушно-реактивных двигателях, в Карлхорсте иногда появлялся, но участия в обсуждениях не принимал, так как немецкого языка не знал.

В комиссии, которую собрал заместитель председателя подполковник Токаев, входили пятнадцать немецких инженеров, имевших отношение к программе Вернера фон Брауна. Наиболее подготовленным из них был профессор Ланге, человек болезненно самолюбивый, совершенно нетерпимый к чужому мнению. Но Ланге и другие немцы участвовали в программе фон Брауна лишь на вторых и третьих ролях и

квалифицированно оценить проект Зенгера не могли. Досье комиссии пухло от протоколов, а от ответа на главный вопрос комиссия была так же далека, как в первый день работы.

В середине июля Токаева вызвал к себе генерал-полковник Серов. На столе перед ним лежала толстая папка с протоколами комиссии, он перелистывал их с выражением пренебрежения на хмуром лице.

– Это они о чём, Токаев? – спросил он. – Ты понимаешь?
 – Понимаю, – ответил Григорий.
 – Так объясни мне.
 – Они рассказывают о ракетах. То, что знают.
 – А что они знают?
 – Кое-что знают. Но не очень много.
 – Нам через две недели сдавать правительству отчёт комиссии. Ты помнишь?
 – Помню.
 – И что в нём будет? Пустая болтовня? Это саботаж, Токаев! Ты кого в комиссию набрал?

– Кто были, тех и набрал. Да, не лучших. А где взять лучших? Одни с фон Брауном в Америке, другие у нас в Городомле.

– Ты не оправдывайся! На Лубянке будешь оправдываться! Что напишем в отчёте?
 – Правду. Что комиссия к определенным выводам не пришла, просим передвинуть представление отчёта.

– На сколько?
 – Ну, не знаю. Месяца на два.
 – А через два месяца что будет? То же самое? Не годится.
 – Тогда напишите, что комиссия выразила сомнение, что проект Зенгера может быть реализован. Протоколы дают для этого вывода все основания.
 – Ты забыл, что товарищ Сталин сказал? Проект Зенгера должен быть реализован. И он будет реализован. Я знаю, кто для этого нужен.

– Кто? – спросил Григорий.
 – Сам Зенгер!..

В этот вечер Григорий вернулся домой около девяти вечера. На повороте к своему коттеджу он отпустил машину, приказав водителю Норберту Винеру заехать за ним завтра к восьми утра. Было полнолуние, дома и деревья отбрасывали черные тени. Неожиданно от стены коттеджа отделилась тёмная фигура и шагнула ему навстречу. Григорий извлёк из кобуры табельный ТТ и передёрнул затвор. И тут же услышал:

– Григорий Александрович, не нужно оружия, я не причиню вам вреда.
 Незнакомец приблизился. Это был высокий худой человек лет шестидесяти в тёмном плаще и фетровой шляпе с обвисшими полями.

– Вы кто? – спросил Григорий.
 – Моя фамилия Бергер. Николай Васильевич Бергер. Моя семья из обрусевших немцев, мы жили в России ещё со времён Петра Первого.

– Откуда вы меня знаете?
 – Расскажу. Только давайте зайдём в дом. У меня есть предложение, которое может вас заинтересовать.

Григорий убрал пистолет и кивнул:
 – Заходите.

Аза, открывшая дверь, с удивлением посмотрела на неожиданного гостя.

– Это ко мне по делу, – объяснил Григорий.

В прихожей гость снял плащ и шляпу. У него были борода, длинные седые волосы и нездоровое бледное лицо, изрезанное глубокими морщинами. Григорий провёл его в комнату, служившую ему кабинетом.

– Слушаю.

– Когда-то я был профессором химии в Петербургском университете, – начал Бергер.
– В 1922 году меня посадили на философский пароход и вывезли из России. Вы знаете, что такое философский пароход?

– Слышал.

– Наш пароход назывался «Обербургомистр Хакен». Вместе со мной плыли философы Бердяев, Франк и ещё много других. Из Петербурга нас доставили в Штеттин. Оттуда мы переехали в Германию. Со мной были жена и сын четырёх лет. При оформлении документов мы назвались немцами. Это помогло нам устроиться в Берлине, но обернулось бедой. В 1939 году сына забрали в вермахт, через три года он погиб в России. Для жены это был страшный удар, она заболела и умерла. А я остался один. Устроился техником в исследовательский центр фирмы Сименс, проработал там всю войну. Когда наши подошли к Берлину, немцы стали уничтожать архивы центра. Я воспользовался суматохой и часть документов увёз за город. А теперь я скажу, что это за документы. Центр выполнял заказы по проекту Зенгера, разрабатывал топливо для его ракеты. Поэтому я пришёл к вам. Вы же занимаетесь проектом Зенгера?

– Откуда вы знаете?

– У меня много знакомых немцев. Один из них работает в вашей комиссии.

– Вы хотите отдать документы мне?

– Нет, Григорий Александрович, я хочу их вам продать. Для человека, который считает себя русским, это не очень патриотично. Но я уже старый, мне нужно на что-то жить. Так что не обессудьте.

– Сколько всего документов?

– Килограммов двадцать. Я выносил их из центра в четыре приёма. Если бы меня задержали, меня бы немедленно расстреляли.

– Сколько вы хотите за них?

– Двадцать тысяч марок.

– Двадцать тысяч? – переспросил Григорий. – Это большие деньги.

– Ценность этих документов намного больше. Можете поверить бывшему профессору химии.

– Я должен доложить своему руководству.

– Конечно, доложите, – согласился Бергер. – Если наша сделка не состоится, мне придётся продать документы американцам. Они заплатят. Но мне бы этого не хотелось.

– Приходите ко мне завтра в это же время, – решил Григорий. – Если меня ещё не будет, подождите, жена вас впустит.

Бергер надел плащ и шляпу, спустился с крыльца, прошёл по дорожке под яркой голубой луной и исчез в чёрной тени деревьев.

Утром Григорий доложил генерал-полковнику Серову о предложении профессора Бергера. Услышав сумму, Серов присвистнул.

– У него губа не дура!

– Можем мы столько заплатить?

– Было бы за что. Вот что, Токаев, поезжай с этим профессором к нему и сам посмотри на эти документы. Своими глазами. Реши, чего они стоят. Действуй.

Вечером Григорий застал Бергера в кухне своего дома. Он пил кофе и рассказывал Азе о Петербурге, каким его помнил. Здесь же крутилась Белла, с любопытством разглядывая необычного гостя.

– У вас чудесная дочка, – проговорил Бергер в кабинете. – И очаровательная жена. Она угостила меня настоящим кофе. Я уже забыл, как пахнет настоящий кофе. По карточкам нам дают по двадцать пять граммов натурального кофе в месяц. Но его не пьют, сразу несут на чёрный рынок и выменивают на еду. Ну что, Григорий, вы поговорили с начальством?

– Поговорил. Получил добро на сделку, но при условии, что документы чего-то стоят.

– Как вы это определите?

– Очень просто. Поеду с вами и посмотрю на них. При вас. Не возражаете?

– Осторожное у вас начальство.

– Да, – согласился Григорий. – Никому не хочется покупать kota в мешке.

– Договорились. Завтра утром я буду ждать вас у рейхстага. На вашей машине есть пропуск?

– Есть.

– Будьте в военной форме. А водителя отпустите, свидетель нам не нужен.

– К чему такие сложности? – не понял Григорий.

– Документы в американской зоне.

За время пребывания в Берлине Григорий много раз проезжал мимо рейхстага, но так и не привык спокойно смотреть на изуродованное бомбами и снарядами величественное здание. Бергер ждал его у колоннады главного входа, снизу доверху покрытой автографами советских солдат. Машина беспрепятственно пересекла американскую оккупационную зону, выехала за город и свернула к заброшенной ферме. От дома остались только одна стена и печная труба, а каменный сарай был совершенно цел. Бергер погремел замком и засовом, скрылся в сарае и минут через десять появился с двумя тяжелыми стопками бумаг, перевязанными шпагатом.

– Читайте.

Бегло просмотрев документы из первой стопки, Григорий понял, что двадцать тысяч марок – ничтожно малая цена за них. В документах было описание опытов, которые проводили немецкие химики, работавшие над созданием топлива для ракеты Зенгера. Всё было оформлено с немецкой тщательностью – и удачные опыты, и неудачные. Неудачные опыты анализировались, вносились коррективы в дальнейший ход исследований. Документы из второй стопки имели такую же ценность.

– Николай Васильевич, вы продешевили. Эти бумаги стоят больше двадцати тысяч марок.

– Сколько? – поинтересовался Бергер.

– Даже не знаю. Но много больше. Беру. Грузите все документы в машину, в Карлхорсте вы получите деньги.

– Не так, – возразил Бергер. – Я получу их здесь. Возвращайтесь в Карлхорст, возьмите деньги и завтра привезите их сюда. Я буду вас ждать, а переночую в сарае.

– Вы мне не доверяете?

– Не вам. Вашему начальству. Никто не знает, что ему придёт в голову. Я не могу рисковать.

С этими словами Бергер аккуратно перевязал стопки шпагатом и унёс в сарай.

– Ну что, посмотрел бумаги этого профессора? – спросил Серов, когда возбужденный Григорий ворвался в его кабинет. – Стоят они двадцать тысяч?

– Стоят много больше. Ценной информации в них в сто раз больше, чем во всех протоколах комиссии. Нашим химикам не придётся повторять ошибки, которые делали немцы.

– Значит, покупаем?

– Покупаем.

– Добро. Скажи в бухгалтерии, что я приказал выдать тебе двадцать тысяч под отчёт. И не забудь взять у Бергера расписку.

На другой день Григорий повторил вчерашний маршрут. Ещё издали он увидел высокую худую фигуру профессора возле каменного сарая. Бергер молча взял деньги, сунул их, не считая, в карман, потом вынес из сарая четыре стопки документов и погрузил

в багажник «Ганзы». Написал расписку и отдал Григорию. Но сам в машину не сел. Объяснил:

– Поезжайте один. Если американский патруль вас остановит и найдёт документы, вы отговоритесь. А если с вами буду я, меня примут за советского шпиона. Езжайте, Григорий, а я как-нибудь доберусь. Было приятно иметь с вами дело. Не прощаюсь надолго, мы ещё встретимся.

В кабинете Серова в Карлхорсте Григорий застал профессора Кошкина. Он сидел сбоку начальственного стола и хмуро листал протоколы заседаний правительственной комиссии.

– А вот и Токаев, – приветствовал генерал-полковник Григория. – Показывай, что купил. Ого, сколько макулатуры! Килограммов десять!

– Двадцать, – поправил Григорий.

Серов развязал шпагат на одной из пачек, перебрал несколько документов и обратился к Кошкину:

– Посмотрите, профессор, на эти бумаги. Для меня это китайская грамота. Стоят они двадцать тысяч марок?

– Это документация из научно-исследовательского центра Сименса, – пояснил Григорий. – Они разрабатывали топливо для Зенгера.

– Вообще-то я занимаюсь воздушно-реактивными двигателями и в топливе мало что понимаю, – проговорил Кошкин, но документы начал просматривать. И уже через десять минут воскликнул: – Не могу поверить! Сколько, вы сказали, стоят эти бумаги?

– Двадцать тысяч марок.

– Они стоят сто тысяч. Двести тысяч. Они бесценны. Это же инструкция по изготовлению ракетного топлива! Наши химики ошалеют, когда их увидят! Иван Александрович, вы сказали, что нам нечего предъявить правительству. Ошибаетесь. Эти документы – уже полдела! Немедленно отправьте их в Москву!

– Значит, не переплатили? – довольно заключил Серов. – Отдыхай, Токаев, ты хорошо поработал.

XXII

К первому августа никакого отчёта правительству комиссия под председательством генерал-полковника Серова не представила. Григорий Токаев не знал, чем Серов мотивировал невыполнение постановления Совета Министров. Судя по всему, он нашёл какие-то убедительные причины. Или же, что тоже нередко бывало, в Кремле не поставили постановление на контроль. Постановлений принималось много, все не проконтролируешь.

Документы Бергера были доставлены в Городомль Королёву. Специалисты из его НИИ, занимавшиеся ракетным топливом, дали им очень высокую оценку и выразили комиссии Серова благодарность за эффективную работу. Отсрочка была получена, но Григорий понимал, что чуть раньше или чуть позже в Москве вспомнят о постановлении Совмина и потребуют отчёта. Не мог не понимать этого и Серов, но решение, которое он принял, никаким логическим объяснениям не поддавалось.

Заседания комиссии проходили в здании администрации СВАГ в Карлхорсте по вторникам в два часа дня. Когда Григорий с двумя немками-стенографистками входил в зал, все немецкие специалисты уже сидели за столами и перечитывали свои записи, готовясь к выступлению. Но в один из вторников в начале августа никого в зале не оказалось. Это было странно, все немцы были очень дисциплинированными. Через четверть часа пришел дежурный офицер комендатуры и доложил, что подполковника Токаева вызывает на вахту немецкий профессор Ланге. На КПП вместе с Ланге собрались все пятнадцать членов комиссии.

– Герр оберст, нас не пропускают на заседание, – возмущенно обратился к Григорию Ланге. – В чём дело?

– У меня приказ немцев не пускать, – объяснил начальник караула.

– Чей приказ?

– Генерал-полковника Серова.

– Господа, это недоразумение, – обратился Григорий к немцам. – Подождите, сейчас я всё выясню.

– Товарищ генерал-полковник, мне сказали, что вы приказали не впускать в здание членов комиссии. Это так? – спросил Григорий.

– Ну да, – подтвердил Серов. – Мне надоела их пустая болтовня. Мы даём им усиленные пайки, а отдачи никакой нет.

– Значит ли это, что комиссия прекращает работу?

– Значит.

– Мне не кажется это решение правильным. Комиссия создана по постановлению правительства. В Москве вас спросят, почему вы её разогнали. Что вы скажете?

– Да то и скажу. Толку от неё никакого. Ты, Токаев, не сумел собрать в неё нужных нам специалистов.

– Я собрал лучших из тех, кто были. То, что они не могут предложить кардинальных решений, не их вина.

– Я про это и говорю. В комиссии не хватает самого Зенгера. Мы его получим, над этим работают. Мои люди установили его адрес, он живёт под Парижем.

– В таком случае лучше приостановить работу комиссии, а не разгонять её. Когда получим Зенгера, отчёт о работе комиссии будет выглядеть убедительней. Постановление правительства выполнено, комиссия завершила свою работу.

– Где ты, Токаев, научился этой бюрократической казуистике? – поинтересовался Серов.

– Жизнь научила, товарищ генерал-полковник.

– Ладно, убедил. Скажи немцам, чтобы не разъезжались. Когда придёт время, мы их соберём.

– Пайки сохраним? Тогда они точно не разбегутся.

– Это их больше всего волнует?

– Можно понять, жизнь у них очень нелегкая.

– Не нужно было с нами воевать, тогда бы и жили нормально. Чёрт с ними, сохраним.

– Господа, работа комиссии временно приостанавливается, – объявил Григорий немцам на КПП. – Вас известят, когда она возобновится. На это время ваше снабжение сохранится.

Через неделю, вернувшись вечером домой, Григорий с удивлением обнаружил на кухне Бергера. У него на коленях была небольшая чёрная папка.

– Николай Васильевич, что привело вас ко мне? – спросил он, проводив профессора в кабинет.

– Это единственное место в Берлине, где меня угощают настоящим кофе, – с усмешкой ответил Бергер. – Это я так шучу. Нет, Григорий Александрович, меня привело к вам более важное дело.

– Какое?

– Как мне стало известно, работа вашей комиссии по проекту Зенгера приостановлена.

– Вы очень хорошо информированы о наших делах, – заметил Григорий. – Откуда вы это знаете?

– Рассказал знакомый немец, член вашей комиссии. Чем это вызвано?

– Низкой квалификацией немецких специалистов, – неохотно объяснил Григорий. – Работа комиссии возобновится, когда найдут Зенгера. Его уже нашли, он где-то во Франции, под Парижем. Осталось его уговорить.

– Или выкрасть? – предположил Бергер.

– Или выкрасть, – хмуро согласился Григорий.

– Понятно. Я решил, что сейчас самое время продолжить наше сотрудничество.

– Я вас внимательно слушаю.

– В тот день, когда я передал вам документы, я остался на ферме и ещё раз осмотрел сарай, – продолжал Бергер. – У меня было такое чувство, что я нашёл не всё. Я оказался прав. После недолгих поисков нашлась ещё одна стопка документов.

– Снова двадцать килограммов?

– На этот раз меньше. Всего килограмма три. Чтобы нам снова туда не ехать, я захватил часть документации с собой. Посмотрите, вы сразу поймёте, чего она стоит.

Бергер извлёк из папки страниц десять и положил перед Григорием.

Это были такие же исследования по созданию ракетного топлива. Но если раньше в них описывался процесс, то в этих листках был результат. По заключению немецких учёных разработанное ими топливо обеспечивало тягу двигателей в 30 тонн. Это были ещё не 100 тонн, как по проекту Зенгера, но мощность неслыханная, о какой наши ракетчики могли только мечтать.

– Сколько? – спросил Григорий.

– Пятьдесят тысяч марок.

– Цены у вас очень быстро растут, вы не находите?

– Каждая вещь стоит столько, сколько можно за неё получить. Я не навязываюсь. На эти бумаги я легко найду покупателя.

– Где остальные документы?

– У меня дома. Я перевёз их в Берлин, хотя это было очень рискованно. Если бы меня задержал с ними американский патруль, у меня были бы серьёзные неприятности. Я понимаю, Григорий Александрович, вы должны доложить о моём предложении вашему руководству. Доложите. Если оно согласится, завтра в семь вечера я буду ждать вас на том же месте, возле рейхстага. Приезжайте один, с деньгами. Эти листки я вам оставляю. Покажите их своему начальнику. Это поможет ему принять решение. А теперь позвольте откланяться. Передайте вашей милой жене спасибо за кофе.

На следующее утро Григорий вошёл в кабинет Серова и положил на стол генерал-полковника десять страниц, которые оставил ему Бергер.

– Что это? – недовольно спросил Серов.

– Часть документов, которые нам предлагает купить профессор Бергер. Они из того же исследовательского центра фирмы Сименс, который разрабатывал ракетное топливо для Зенгера.

– Он что, еврей?

– Нет, немец.

– А делает всё по-еврейски. Сначала продал нам все документы, а теперь снова продаёт по частям. Сколько он хочет?

– Пятьдесят тысяч марок.

– Не слабо! Сколько их?

– Килограмма три.

– Значит, за двадцать килограммов он запросил двадцать тысяч, а за три пятьдесят? За кого он нас принимает?

– В тех двадцати килограммах было описание процесса, в этих трёх результат. Есть разница?

– Ох, Токаев, не нравится мне эта коммерция.

– Бергер не настаивает. Если не купим мы, он продаст документы американцам.

– Ну точно – еврей! Ладно, берём. Надеюсь, они того стоят.

Кассирша в бухгалтерии посмотрела на Григория с удивлением.

– Вы нас разорите, товарищ подполковник. Что вы покупаете?

– Ловленные мизера, – ответил он шуткой из довоенных студенческих времён.

Ровно в семь вечера Григорий остановил свою «Ганзу» возле рейхстага. Бергер его уже ждал. Он жил неподалёку в полуразрушенном доме. На уцелевшей стене сохранилась табличка с названием улицы и номером дома. В доме когда-то была недорогая гостиница, от неё остались длинные тёмные коридоры с номерами по сторонам. Электричества не было. Бергер впустил Григория в свой номер и зажёл керосиновую лампу, какие в России называют «летучая мышь». Потом извлёк из-под кровати стопку документов, аккуратно перевязанную шпагатом. Толстую пачку марок не стал пересчитывать, только взвесил её в руках. При неверном свете лампы написал расписку и передал Григорию.

– Всё в порядке, Григорий Александрович. Рад, что эти документы попали к нам, а не к американцам. Хотя и не уверен, что это к добру. Пойдёмте провожу вас, а то в этих потёмках вы шею сломаете.

Дома Григорий развязал шпагат и внимательно просмотрел документы. Их ценность была неоспорима, фантастический проект Зенгера становился реальностью. Пока ещё в очень небольшой части, но начало ему было уже положено. И он, подполковник Токаев, который меньше всего хотел принимать участие в подготовке новой войны, приложил в этому руку. Но он был советским офицером и сделал то, что был обязан сделать советский офицер: отвёз документы Бергера в Карлхорст и передал их с рук на руки генерал-полковнику Серову. А дома сказал жене:

– Если снова придёт Бергер, меня дома нет. И никогда не будет.

XXIII

Из протокола допроса подполковника Токаева майором Хопкинсом:

«– Вы сказали, Григорий, что к решению уйти на Запад вас подтолкнуло совещание в Кремле у Сталина. Я недавно разговаривал с вашей женой Азой. Она просила передать вам привет и сказать, что у них всё хорошо, дочь здорова и старательно учится. Уроки ей задаёт ваша жена. Аза подтвердила, что после возвращения из Москвы вас будто бы подменили. Вы уже рассказывали, что на совещании у Сталина речь шла о проекте Зенгера. Что произвело на вас такое сильное впечатление?»

– Я понял, что будет война. Ещё в 1945 году Василий Сталин говорил мне, что война начнётся через два-три года. Потому что отец стареет и хочет успеть завершить дело всей своей жизни – завоевать весь мир. Тогда я ему не поверил. О какой войне может идти речь, когда мы только что разгромили Гитлера, ещё не успели похоронить всех погибших и мало-мальски наладить жизнь? И с кем воевать – с Америкой, нашим союзником? На совещании в Кремле я понял, что Василий Сталин ничего не выдумал, он пересказал то, что слышал от отца. Я понял, что война – дело решенное, и вопрос только в том, какими средствами она будет вестись.

– Какими же средствами?

– Атомной бомбой. Берия сказал, что бомба у нас будет через два года. Сталин потребовал реализовать проект Зенгера, чтобы на его ракетоплане можно было доставить бомбу в Америку и бомбить Нью-Йорк.

– Как я понял, реализация проекта Зенгера связана с огромной массой теоретических и технических проблем. Экономика Советского Союза сильно подорвана войной. Вам не показалось, что в Кремле принимают желаемое за действительное?

– Нет. Вы даже не представляете, какая воля у Сталина. Для него нет ничего невозможного. Всё будет так, как он решил. Даже если для этого придётся уморить голодом половину страны. Он уже делал это не раз. Так он провёл коллективизацию. Так

же он провёл индустриализацию. Миллионы голодных заключённых строили заводы и электростанции. И построили. Когда у меня появится свободное время, я обязательно напишу книгу. Она будет называться «Сталин – это война».

– Вы намеренно саботировали решение Сталина, набрав в комиссию малоквалифицированных специалистов?

– Нет, я работал с теми, кто был. Тогда у меня и мысли не возникало, что я могу помешать Сталину выполнить то, что он решил.

– Вы сказали, что с тяжелым сердцем передали генерал-полковнику Серову документы, полученные от профессора Бергера. Почему?

– У меня было такое чувство, что я делаю что-то не то. Но я не мог поступить иначе. Я ещё был слишком советским человеком с глубоко укоренённым во мне понятием долга.

– Что поколебало в вас это понятие и заставило взбунтоваться? Было такое событие?

– Да, было. Это случилось в тот день, когда Серов вызвал меня и приказал вылететь в Париж, чтобы участвовать в захвате Зенгера...»

XXIV

За три недели до того поворотного для подполковника Токаева дня один немецкий учёный-ракетчик, работавший в Брауншвейгском экспериментальном научно-исследовательском центре, сообщил, что в развалинах центра, уничтоженного американскими бомбардировщиками, сохранилась большая часть архивов, которых немцы не успели уничтожить, он своими глазами видел документы и чертежи, размётанные взрывами по всей территории центра. Два офицера из группы Токаева в штатском выехали в Брауншвейг на разведку. Вернувшись, доложили, что сообщение немца подтверждается, разных бумаг на земле полно, а территория центра не охраняется. Брауншвейг находился в британской оккупационной зоне, центр на окраине города, патрули там не появляются.

Было принято решение вывезти архивы. Известный риск был, но рискнуть стоило. Выехали вечером на трёх машинах. Токаев на своей «Ганзе», капитан Квашнин на «виллисе», а десять оперативников СМЕРШа в крытом кузове грузовика. Все были в штатском, в потрепанной одежде, какую носило большинство немцев. К утру были в Брауншвейге и сразу приступили к разборке завалов. К людям, разбирающим развалины, в Германии давно привыкли, во всех городах этим занимались трудоспособные мужчины и женщины. Редкие британские патрули проезжали мимо, не обращая на работающих никакого внимания.

Часа через три стали попадаться первые разрозненные документы, их переносили в кузов грузовика, не разбирая. Потом разберут, для этого будет время. Работа продолжалась, документов попадалось всё больше. Но неожиданно развалины центра окружила военная полиция, под дулами автоматов всех положили на землю, а потом погрузили в автобус и под охраной привезли на военную базу. Начался допрос.

У всех участников экспедиции были документы советских военнослужащих. Токаева допрашивал английский капитан, довольно хорошо говоривший по-русски.

– Подполковник, вы и ваши люди незаконно проникли на территорию британской оккупационной зоны, – заявил он. – Это серьёзное нарушение соглашения о разделе Германии. Только не говорите, что вы заблудились. Можно по ошибке заехать на десять километров, но не на двести. Вы все в гражданской одежде. Это заставляет заподозрить вас в шпионаже. Ваше счастье, что вы без оружия. Что вы искали в развалинах центра?

– Вы видели, что мы нашли, – ответил Григорий. – Кое-какие документы. Вам они не нужны, а нам пригодятся.

– Мне нравится, что вы не увильваете от ответа. Что же мне с вами делать? Подождите, позвоню в штаб, получу инструкции.

Захватив документы Григория, капитан вышел, оставив задержанного под присмотром вооруженного солдата. Через полчаса вернулся.

– Вы свободны, подполковник. Приказано отпустить. Наше командование выразит советским оккупационным властям протест.

– А что с моими товарищами?

– С ними будем разбираться.

«Ганза» уже стояла на территории базы. Дежурный на КПП открыл перед ней шлагбаум. Григорий выехал на ведущий к Берлину автобан, радуясь тому, что он так легко отделался и не понимая, почему это произошло.

Капитана Квашнина и его оперативников освободили через три дня. Британское командование направило Главноначальствующему СВАГ маршалу Соколовскому официальный протест, на этом инцидент был исчерпан. Но не для подполковника Токаева.

Генерал-полковник Серов был от ярости вне себя.

– Какого хуя тебя туда понесло? – гремел он на Григория, стоявшего перед ним по стойке «смирно». – Ты что, не понимал, чем это может кончиться?

– Понимал, товарищ генерал-полковник. Но решил рискнуть. Документы Брауншвейгского центра могли представлять для нас очень большой интерес.

– А если бы вас перестреляли? Что бы я сказал маршалу Соколовскому?

– Не перестреляли же. Я специально приказал никому не брать оружия. Не повезло.

– У этого невезения может быть и другое название!

– Так точно. Я и сам об этом думал. Очень уж слаженно действовали англичане. Будто знали, кого они найдут в развалинах центра.

– Ты на что это намекаешь, Токаев? Что у нас в Каррхорсте предатель и он предупредил англичан о вашем появлении?

– Вы этого не допускаете?

– Не допускаю, у нас предателей нет! Ну что ты стоишь столбом? Вольно, садись. А я вот о чём думаю. Как-то очень быстро тебя отпустили. Остальных продержали три дня, а тебя сразу. Почему бы это, Токаев?

– Не могу знать.

– Та сказал, что капитан кому-то позвонил и тебя освободили. Кому он звонил? Какие инструкции получил?

– Не могу знать, – повторил Григорий.

– А не сказали ли ему, что ты свой и тебя нельзя задерживать?

– Что значит свой?

– То и значит. Нет ли тебя в их секретных списках?

– Товарищ генерал-полковник, если вы считаете меня английским шпионом, арестуйте меня.

– Если бы я считал тебя шпионом, пристрелил бы прямо здесь, в этом кабинете. Не дергайся, не считаю. Но согласишься, что для таких мыслей есть некоторые основания. Всех держат три дня, а его сразу отпускают. Почему? Поневоле задумаешься. Ладно, Токаев, забыли, иди работай. Но ещё один прокол, и отправлю тебя в Москву. Мне здесь разьебай не нужны. Свободен.

В тот же вечер Григорий сел за машинку и напечатал:

«Начальнику Отдела Военно-Воздушных Сил Военного Управления СВАГ генерал-майору авиации тов. Александрову.

Рапорт.

Прошу Вас возбудить ходатайство перед Управлением Кадров ВВС СССР о переводе меня на постоянную работу в Советский Союз. Свою просьбу мотивирую тем, что:

1. В Германии нахожусь уже два года и четыре месяца и, таким образом, долго оторван от регулярной научной работы и преподавательской деятельности;

2. За это время я в свободное от службы время работал над своей докторской диссертацией, и мне её необходимо довести до конца. Для этого я должен быть в СССР, поскольку здесь у меня нет возможности провести необходимые эксперименты;

3. Работа, которую я здесь выполняю, ни с какой стороны меня не удовлетворяет, на ней я дисквалифицируюсь. Эту работу сможет выполнять любой более-менее грамотный офицер. Следовательно, из-за моего ухода дело не пострадает. В то же время в Советском Союзе я буду использован в соответствии со своей специальностью и квалификацией и принесу стране больше пользы.

Я желаю в дальнейшем работать на прежнем месте, т.е. в Военно-воздушной академии им. Жуковского. Хотел бы убыть в СССР ещё в октябре с.г.

Старший офицер Отдела ВВС Военного Управления СВАГ инженер-подполковник Токаев Г.А.

10 октября 1947 года».

Генерал-майор Александров передал рапорт Серову. Тот разорвал его на части и бросил в корзину.

– Вот что, Токаев. Понимаю, что ты на меня обиделся. А зря. Всех подозревать – это моя обязанность. Ты по-глупому прокололся? Прокололся. Но я дам тебе возможность реабилитироваться. Собирайся, на днях летишь в Париж.

– Что мне там делать? – не понял Григорий.

– Работать. А что конкретно делать, тебе скажут.

– Но я не говорю по-французски.

– Те, кто тебя встретят, говорят. Хватит того, что ты говоришь по-немецки.

– И всё-таки, что я должен буду делать?

– Встретишься с Зенгером. И поговоришь с ним о ракетах. С тобой будут ещё три человека. Один водитель, двух других представишь учёными. Они будут молчать. А ты легко найдёшь с Зенгером общий язык.

– Уговорить его переехать в Москву? – предположил Григорий.

– Это был бы идеальный вариант.

– А если он не согласится?

– Дальше уже не твоя забота.

– Товарищ генерал-полковник, вы уже видели, какой из меня диверсант. Я не диверсант, я учёный. Пошлите в Париж кого-нибудь другого.

Серов нахмурился.

– Не понял. Ты что, отказываешься?

– Да, отказываюсь.

– Токаев, это не просьба, это приказ. Знаешь, что бывает за невыполнение приказа?

– Знаю. Вызывайте наряд, отправляйте меня на губу. Но этот приказ я не выполняю.

– Мне говорили, что вы, осетины, упрямый народ. Но я не думал, что такой упрямый.

Ты понимаешь, что это конец всей твоей карьеры?

– Понимаю.

– И всё-таки нет?

– Нет.

– Я тебе это припомню. Кру-гом! Убирайся из моего кабинета!

Григорий вышел. Он понимал, что для него наступают трудные времена. Но даже не подозревал, что они окажутся такими трудными.

XXV

Прошло несколько дней. О Париже Серов больше не заговаривал. Подполковника Токаева он перестал замечать. При встречах смотрел сквозь него своими холодными глазами, на приветствия демонстративно не отвечал. Григорий написал ещё один рапорт о переводе в Москву, принёс его генерал-майору Александрову.

- Что это, Токаев, тебя так тянет в Москву? – полюбопытствовал Александров.
- Устал, товарищ генерал-майор, – ответил Григорий.
- А ты не рано стал уставать? Сколько тебе?
- Уже тридцать восемь лет.
- Тогда да, не рано. Оставь рапорт, рассмотрим. А пока готовься к отъезду.

Сослуживцы словно почувствовали изменившееся отношения Серова к Токаеву. Он ощущал, как вокруг него растёт стена отчуждённости. Стала назойливее слежка за ним. Ему запретили пользоваться своей машиной, присылали служебную с водителем, Григорий отравлял её обратно. Он продолжал работать, но словно бы нехотя, через силу. Аза видела, что с мужем происходит что-то не то, но не спрашивала. А он ей ничего не говорил. Осетинские мужчины не нагружают женщин своими проблемами.

И вот настал памятный день 3 ноября 1947 года, переломивший жизнь Григория на две части. Он начался, как самый обычный день. Аза собирала дочь в школу, Белла училась в школе для детей русских офицеров в Карлхорсте. Григорий перед завтраком просматривал газеты. Вчерашние западногерманские газеты доставляли в Восточный Берлин утром следующего дня. Токаеву разрешили выписывать «Die Welt» и «Süddeutsche Zeitung». Их можно было читать на службе, но Григорий предпочитал это делать дома, когда никто не мешает и не отвлекают телефонные звонки.

Так и в это утро он начал с «Die Welt». Внимательно прочитал международный раздел, перешёл к хронике происшествий. В Западном Берлине обезврежена банда малолетних преступников, грабивших магазины. Полиция извлекла из Ванзее труп неизвестного, убитого выстрелом в голову, личность погибшего устанавливается. В округе Панков при разборке развалин обрушившаяся стена дома стала причиной гибели двух рабочих. В Париже предотвращена попытка похищения немецкого учёного.

Григорий впился глазами в заметку. В ней было:

«Наш корреспондент передаёт из Парижа. Вчера в пригороде Парижа была предотвращена попытка похищения немецкого учёного Ойгена Зенгера. Как сообщил на пресс-конференции представитель службы безопасности Франции La Direction Centrale des Renseignements généraux RG, в нападении на дом учёного принимали участие четверо вооружённых преступников. В перестрелке с охранниками один был убит, трое захвачены силами безопасности. Все четверо оказались агентами советской разведки, работавшими во Франции. Похищение учёного было успешно предотвращено, так как служба безопасности имела информацию о том, что готовится нападение, и усилила охрану своими сотрудниками».

Григорий отбросил газету. Счёт пошёл на минуты. Приказал Азе:

- Быстро собери вещи, лишнего не бери. И носи всё в машину.
- Что-то случилось? – испугалась она.
- Да.
- Что?
- Потом скажу. Мы уезжаем.
- Когда?
- Немедленно.
- Куда?
- Узнаешь...

XXVI

Берлин, 10 ноября 1947 года. СЕКРЕТНО.

Начальнику Политуправления СВАГ генерал-майору Андрееву.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

4 ноября с.г. во второй половине дня командованию Военного Управления стало известно об исчезновении вместе с семьей подполковника инженерных войск Токаева Григория Александровича, старшего офицера Управления.

Токаев Григорий Александрович, 1909 года рождения, осетин, член ВКП(б) с 1932 года, по специальности инженер-механик. Имеет ученое звание – кандидат технических наук, доцент. Военное звание – инженер-подполковник. Должность – старший офицер Управления.

В годы Отечественной войны работал в Военно-Воздушной Академии имени Жуковского. В РККА с 1932 года. В Советской Военной Администрации в Германии с июня 1945 года.

Женат. Жена Аза Заурбековна Токаева, в девичестве Баева, уроженка Владикавказа, по образованию инженер-химик, беспартийная. Дочь – Белла, 1938 года рождения.

Токаев долгое время использовался на специальной работе, связанной с поиском архивов и немецких ученых, сотрудников Вернера фон Брауна. Эта работа проходила без контроля со стороны руководства Военного Управления.

Токаев с подозрительной настойчивостью добивался отправки немецкого авиаконструктора Курта Танка в Москву. Когда его предложения не были приняты, Токаев был крайне обижен и боялся, что тем самым он сильно подорвал свой авторитет перед Маршалом Советского Союза тов. Соколовским и генерал-лейтенантом тов. Дратвиным. К этому времени Соколовский и Дратвин перестали вызывать к себе для доклада Токаева по вопросам, связанным с Танком. Это произошло потому, что Токаев в своих докладах тов. Соколовскому и тов. Дратвину и в письмах в Москву допускал нечестность, передегивание фактов, необъективность при освещении важных вопросов, в погоне за сенсацией давал неверные материалы и, будучи на совещании в Кремле, доложил членам правительства неточные и непроверенные данные о немецком авиаконструкторе Танке.

Работая в специальной правительственной комиссии, Токаев подписал ее акт, не заявив никаких возражений, но тут же написал письмо, которое передал в правительство через генерала Куцевалова. В письме он опорочил работу комиссии, возглавляемую генерал-полковником тов. Серовым. По окончании работы этой комиссии Токаев продолжал долгое время выдавать себя за её члена, не сдав своего мандата.

Нечистоплотность, нечестное отношение к работе, обман членов правительства при докладе о Танке, слишком большая самостоятельность при контактах с немецкими специалистами заставили командование СВАГ и Военного Управления отказаться от дальнейшего использования Токаева на этой работе. Во время службы в Управлении Токаев неоднократно выражал недовольство руководителями и тем, что он получает малый оклад.

Обстоятельства, при которых Токаев и его семья исчезли, следующие:

12 сентября 1947 года генерал-лейтенант Дратвин передал генералу Баринову указание Маршала Советского Союза тов. Соколовского об откомандировании Токаева для работы в СССР. Токаеву от кого-то стало известно об его откомандировании и он решил опередить события, написав рапорт о том, чтобы его откомандировали на Родину.

Начальник Штаба дал указание об оформлении документов на откомандирование.

16 октября 1947 года приказом по СВАГ Токаев был освобождён от занимаемой должности и откомандирован в распоряжение Отдела Кадров ВВС СССР. Но Отдел Кадров Штаба СВАГ только 21 октября спускает этот приказ в Управление. Этому же числа Токаев с приказом был ознакомлен. С 21 октября по день побега Токаев готовится к отъезду в СССР.

Последний раз Токаева видел полковник Белых утром 3 ноября. Сотрудник Министерства Авиапромышленности тов. Сорокин, проживающий по соседству с Токаевым, заметил, что домработница-немка выносит вещи из квартиры Токаева. Сорокин этим заинтересовался. Узнав, что Токаева нет, а его вещи расхищаются, Сорокин сообщил об этом в Военное Управление.

В разговоре с немкой установлено, что 3 ноября Токаев вместе с женой и дочерью на своей машине выехал в неизвестном направлении, сказав немке, что к вечеру он вернется. Шоферу-немцу Токаев приказал 4 ноября выехать на работу как обычно, с утра.

Токаев до последнего времени жил в доме в непосредственной близости с немецким населением. Квартира его свободно посещалась немцами. Дом, в котором жил Токаев, находится вне Карлсхорста.

Командованием Военного Управления Токаев характеризуется положительно. Но при оценке Токаева командование Военного Управления упустило следующие моменты:

Болтливость Токаева в отношении его работы в правительственной комиссии и желание после прекращения деятельности комиссии сохранить мандат члена этой комиссии.

Болтливость в отношении его доклада в правительстве.

Широкие и бесконтрольные связи Токаева с немецкими специалистами.

Не исключена вероятность, что эти связи были использованы английской разведкой для вербовки Токаева. Будучи весьма осведомлённым об изменениях в нашей авиации, зная секреты работы в СВАГ, особенно в части аэродромов и данных по 16-й Воздушной армии, работая в специальной государственной комиссии и участвуя в совещаниях в Кремле, Токаев мог представлять большой интерес для английской разведки.

Из рапорта оперативника СМЕРШ капитана Квашнина следует, что Токаев через певицу ресторана «Кайзерплац» Эльзу Рихтер познакомился с майором британских ВВС и неоднократно с ним встречался, не докладывая об этом контакте руководству. Возможно, этот неустановленный английский офицер и провёл вербовку Токаева.

Анализируя все обстоятельства, можно предположить:

а) Токаев совместно с семьёй изменил Родине и переехал в один из союзнических секторов Берлина, откуда он может быть переправлен в какое-либо иностранное государство.

б) Токаев и его семья стали жертвой несчастного случая.

Но с 3 ноября прошло уже много времени, а сигналов по линии СМЕРШ, военных комендатур и госпиталей не поступало.

Измена Родине могла быть предупреждена, если бы

Командование Военного Управления выполнило приказ генерал-лейтенанта Дратвина об откомандировании Токаева в СССР. Генералы Александров, Баринов и полковник Белых грубо нарушили приказ по СВАГ о порядке откомандирования личного состава в СССР. Откомандирование и контроль за отправкой Токаева в Москву они передоверили второстепенным лицам.

Изучение личного состава в Военном Управлении поставлено неудовлетворительно. Полковник Белых не сумел добиться такого положения, чтобы коммунисты, знающие о тех или иных настроениях личного состава, немедленно ему докладывали и соответствующим образом реагировали. Вопросы воспитания бдительности являются узким местом в постановке всей политико-воспитательной работы в Управлении.

Командованием Управления не выполнен приказ о переселении личного состава СВАГ с немецких квартир в Карлсхорст. Органы контрразведки СМЕРШ допустили беспечность и не смогли предотвратить измены со стороны Токаева.

По линии Штаба СВАГ будет издан приказ по этому происшествию с привлечением к ответственности виновников побега. По линии партийной прошу Вашего разрешения на привлечение к партийной ответственности генералов Баринова и Александрова, а также полковника Белых за то, что они грубейшим нарушением приказов о порядке откомандирования и отправки личного состава на Родину способствовали измене.

Приказ по СВАГ будет доведен на совещании до начальников управлений и отделов. С решением партийной комиссии предлагаю ознакомить всех начальников управлений, отделов – коммунистов и заместителей по политчасти и секретарей партбюро.

Начальник Политотдела Штаба СВАГ полковник Овчинников.

Дополнение. К моему донесению от 10 ноября имею добавить следующее:

С августа 1945 года по январь 1946 года. Токаев работал в Советской секции Союзного Секретариата, причем в сентябре 1945 года он был избран секретарем партбюро парторганизации Советской секции Союзного Секретариата. Со слов его сослуживцев, офицеров Кудрявцева, Лысенко и Никольченко к работе Токаев относился весьма поверхностно. В разговорах с товарищами под "строжайшим секретом" заявлял, что он занимается изучением того, как немцами было организовано строительство и усовершенствование авиамоторов реактивного типа. Настойчиво добивался командировки в английскую зону оккупации Германии, якобы для посещения разведанного им немецкого института по производству реактивных авиамоторов. Маршал тов. Соколовский в командировке ему отказал. Работая в Союзной Контрольной власти, Токаев несколько раз имел встречи с неизвестными немцами, об этих встречах он никому не докладывал. С товарищами не общителен. До приезда семьи имел широкие связи с женщинами, особенно с женщинами, работавшими в госпитале СВАГ.

Офицеры Столяров, Шептунов, Кокорев, Кудрявцев, Лысенко и Никольченко и, знавшие Токаева по работе в Советской секции Союзного Секретариата, в Военно-Воздушном отделе и в Военном Управлении, характеризуют его как карьериста и как человека, который на работу являлся когда хотел и с работы уходил, когда хотел и на сколько хотел.

Возвратившись из Москвы, куда он летал вместе с генералом Куцеваловым и генерал-полковником Серовым, Токаев часто говорил сослуживцам, что он включен в состав правительственной комиссии по отбору немецких специалистов и что якобы на него в этом вопросе возложена основная ответственность.

Некоторые дополнительные данные об обстоятельствах, при которых Токаев с семьей исчез:

2 ноября в гостях у Токаева был полковник Столяров. В беседе Токаев сказал, что его здесь не оценили, и стал жаловаться на то, что его ущемляют лимитной карточкой и не дают ордеров. В Москву он собирался выехать в ближайшие дни. Полковника Столярова удивило, что Токаев ещё не отправил вещи, не снялся с партучёта, не рассчитался с финчастью и не отметился в консульском бюро. Токаев ответил, что всё это он успеет сделать, в крайнем случае задержится на день-два.

На Силезском вокзале, на складе товарного двора, обнаружено 10 мест упакованной мебели, принадлежащие Токаеву и адресованные в Москву. Все эти 10 мест к отправке не были оформлены, так как Токаев не представил всех нужных для этого документов и поэтому вещи были приняты только на хранение. Токаев обещал прийти дня через два и оформить багаж, но больше на Силезском вокзале не появился.

Полковник Белых, который последним видел Токаева 3 ноября, обратил внимание, что он был в штатском костюме. Белых не придавал этому значения, так как знал, что в ходе выполнения служебных заданий Токаев часто тайно встречается с немецкими специалистами и переодевается в гражданскую одежду, чтобы не привлекать к себе внимания. Но то, что в день своего исчезновения Токаев был в штатском, наводит на размышления.

В последние дни Токаев усиленно распространял слухи о том, что он едет в Москву, и днём отъезда называл 3 ноября. Но если он действительно собирался в Москву, гораздо лучше было ехать в военной форме. Форма и офицерское звание облегчили бы ему передвижение по железной дороге и получение билетов в военных кассах. Тот факт, что он переоделся в штатское, говорит о том, что форма могла помешать его планам.

Немка-домработница Токаева Гертруда Герсдорф заявила, что Токаев, уезжая из дома, сказал ей, что к вечеру он вернётся. Но она уже утром 4 ноября стала уносить вещи из квартиры Токаева. Значит, она знала, что хозяин больше не вернется, иначе не стала бы расхищать имущество, принадлежащее советскому офицеру.

При поспешном отъезде в квартире Токаева остались радиоприёмник «Телефункен», охотничье ружье фирмы «Золинген» и большое количество продуктов. Если бы Токаев действительно собирался в Москву, то продукты взял бы с собой, так как они нужны в дороге и в первые дни в Москве. То, что продукты он не взял, означает, что он в них не нуждался и был уверен, что без продуктов его не оставят.

Всё это говорит о том, что мы имеем дело с предательством подполковника Токаева. Есть небольшая вероятность, что его и его семью обманым путём выманили в союзнический сектор Берлина и удерживают его там против его воли. Но этот вариант представляется очень маловероятным.

Начальник Политотдела Штаба СВАГ полковник Овчинников.

XXVII

– Мы подошли, Григорий, к самому главному поступку в вашей жизни. Я правильно понял, что его триггером стала заметка в газете «Die Welt» о неудачной попытке похищения во Франции немецкого учёного Ойгена Зенгера?

– Да, правильно.

– Почему эта заметка вас так взволновала?

– А вы не понимаете?

– У меня есть кое-какие догадки, но мне хочется услышать вашу версию.

– Меня арестовали бы в тот же день. Обвинили бы в том, что это я предупредил французов, что такая попытка будет предпринята. Генерал-полковник Серов знал, что я о ней знаю. После того как я отказался принимать участие в этой операции, он стал подозревать меня в предательстве. Он и раньше подозревал. Об этом он прямо сказал после того как англичане отпустили меня после задержания в Брауншвейге. Это произошло благодаря вашему вмешательству?

– Мы заботились о вашей безопасности.

– Это было большой ошибкой. Ничего бы не случилось, если бы я просидел в лагере три дня вместе с моими товарищами. А так Серов получил основания для подозрений. Провал операции под Парижем он сразу связал бы со мной. Остальное нетрудно предсказать: арест, допросы с применением спецсредств. Люди Серова умеют получать нужные им показания.

– Французов предупредили не вы?

– Как бы я это сделал?

– Через нашего офицера, с которым были на связи.

- Но тогда бы вы об этом знали.
- Кто же сообщил французской службе безопасности о том, что Зенгера собираются похитить?
- О том, что эта операция готовится, знал не только я. Очень может быть, что в ближайшее окружение Серова был внедрён крот. Он же предупредил британскую полицию в Брауншвейге о нашей экспедиции. Если это не так, то я знаю только одного человека, кто мог это сделать.
- Кто этот человек?
- Профессор Бергер. Он был подозрительно хорошо информирован обо всех наших делах. Я однажды сказал ему, что комиссия возобновит работу, когда наши получат Зенгера. Он сразу предположил, что его попытаются выкрасть. Признайтесь, Джордж, что он работал на вас.
- Нет, Григорий, это я могу сказать вам с полной определенностью. Профессор Бергер не работал на нас. Об этом человеке я впервые слышу от вас.
- Значит, он работал на американцев.
- Почему вы так уверенно говорите об этом?
- Потому что вскоре после нашей встречи Бергер из Берлина исчез.
- Как вы об этом узнали?
- От капитана Квашнина. Как-то он спросил меня, не знаю ли я, где живёт Бергер. Ему приказал его найти генерал-полковник Серов. Он заподозрил, что я не все деньги передал ему. Или часть их он вернул мне. Меня это оскорбило. Я помнил адрес профессора и продиктовал его Квашнину. Я не сомневался, что профессор порядочный человек и опровергнет эти предположения. Через несколько дней Квашнин сообщил, что Бергер исчез и никто не знает, где он. Тогда я и подумал, что профессор не так прост, как хочет казаться.
- Если вы правы, зачем американцам предупреждать французов о том, что готовится похищение Зенгера?
- Чтобы его не получили мы. Вряд ли американцам понравится, если Советский Союз создаст ракетоплан Зенгера, который может бомбить Нью-Йорк. Без Зенгера это очень проблематично. Я уверен, что и с Зенгером ничего не получилось бы. В Советском Союзе не тот уровень технологии, чтобы реализовать такой проект.
- Скажите, Григорий, как бы вы поступили, если бы не эта история с попыткой похищения Зенгера? Вернулись бы в Москву?
- Вы всё ещё подозреваете, что я агент советской разведки, которого внедрили в Великобританию?
- Такая у меня работа, Григорий.
- Да, вернулся бы в Москву. И мой контакт с вами остался бы в безвозвратном прошлом. Но я благодарен вашей службе за то, что вы так оперативно провели мою эвакуацию.
- Мы называем это инфильтрацией.
- Пусть так. Вы избавили меня и мою семью от очень серьёзных неприятностей. Получилось так, как получилось. Об этом можно сожалеть, но изменить нельзя. Прощение о политическом убежище я написал уже на аэродроме Темпельсдорфа, пока «Ланкастер» готовили к вылету...

XXVIII

Заявление.

Королевскому Правительству Великобритании.

1. В результате недавно завершённой второй мировой войны моя страна стала страной сирот, вдов, физических калек и обездоленных людей; обильно пролитая кровь и сверхчеловеческие лишения моего народа не привели к улучшению его правового, духовного и экономического положения. Страна нуждается в радикальной политической деконструкции и экономическом обновлении.

2. Между тем дело ведётся к новой, третьей мировой войне, застрельщиками которой выступают четырнадцать членов и кандидатов Политбюро; я знаю, что политика Политбюро, рассчитанная на разжигании третьей мировой войны, ничего общего не имеет с интересами и нуждами моего народа, равно как и народов всего мира, а потому отказываюсь быть инструментом и участником этой политики.

3. Внешнюю политику СССР я всегда считал и считаю империалистическо-экспансионистской, попирающей независимость других стран; она имела и имеет целью достижение мирового господства. Я не согласен ни с одним пунктом этой политики и отказываюсь быть инструментом и участником её проведения.

4. Я нахожусь в лагере резкой политической оппозиции к грубым приёмам советской дипломатии на международных собраниях; эти приёмы не только подрывают основы международного сотрудничества, но и создают плохую репутацию моему народу, который, однако, совершенно не повинен; двадцать пять «вето» ни в коем случае не являются выражением воли моего народа. Я отказываюсь быть в числе возмутителей спокойствия во всём мире.

5. Благодаря совершенно неправильной и негуманной (как по форме, так и по содержанию) внешней политики, проводимой Политбюро, моя страна и народ фактически изолированы от внешнего мира. Эту политику изоляции народа я считаю вредной и губительной и отказываюсь быть инструментом и участником её проведения.

6. На протяжении двух с половиной лет работы в Главном Штабе Советской военной администрации в Германии я пришёл к твёрдому и вполне обоснованному заключению, что оккупационная политика Политбюро в Германии, Австрии и Польше имеет совсем не те цели, которые провозглашаются официально, а цели, идущие далеко за пределы интересов мира и безопасности в Европе вообще и интересов немецкого народа в особенности. Предвидя опасные последствия этой политики, я отказываюсь быть инструментом и участником её проведения.

7. В области внутренней политики Политбюро наблюдаются тенденции к дальнейшей унификации всех сфер советской жизни по вульгарным схемам и представлениям абсолютизма «вождей»; произвол и разгул МВД и МГБ в сочетании с советской пропагандой делают жизнь не только неприятной, но и невыносимой; СССР продолжает оставаться страной подневольного труда, лишённой элементарной свободы; СССР продолжает оставаться страной «исправительно-трудовых лагерей» и каторг с тридцатью миллионами подневольников-рабов; СССР стал страной невиданной в истории эксплуатации человека государственной бюрократией. Я отказываюсь от участия в этой «политике» и перехожу в лагерь её решительных противников, поскольку в этом заинтересован мой народ.

8. Тридцать лет жизни в СССР и шестнадцать лет пребывания в рядах Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков дают мне обоснованную возможность заявить, что ВКП(б) является антинародной, а в некоторых вопросах противоестественной политической силой; само собой разумеется, что я порываю с этой антинародной политической силой, которая ни в коей мере не отражает интересов и чаяний моей страны.

9. Принимая во внимание, что в СССР политическая оппозиционность считается уголовным преступлением и карается высшей мерой социального наказания; что законы СССР запрещают иметь мнение, не совпадающее с мнением Политбюро; что малейшее несовпадение с мнением и политикой Политбюро считается «шпионажем в пользу империализма», – ходом событий и изложенной ситуацией я поставлен перед

необходимостью покинуть пределы своей страны; я вместе со своей семьёй покинул советскую сферу.

10. Я обращаюсь к Правительству Великобритании с настоящим заявлением и прошу его о предоставлении мне и моей семье убежища на правах политических беженцев. Единственной моей целью в дальнейшем будет работать в интересах моего народа и в интересах мира, спокойствия и благополучия народов всего мира.

Принимая во внимания тот факт, что при всех условиях я буду верен своему народу, а также то, что у меня нет никаких причин скрывать причины своего разрыва с советским режимом, я был бы очень признателен, если бы настоящее моё заявление было предано широкой огласке через прессу и радио.

С глубоким уважением

Г. О. Токаев (Гр. А. Токаев),

инженер-подполковник, кандидат технических наук,
доцент, инженер по самолетостроению, бывший
ответственный сотрудник Главного Штаба Советской
Военной Администрации в Германии.

XXIX

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

20 ноября 1947 года, Берлин.

Я, начальник райотдела оперсектора г.Берлина СВАГ подполковник Костиков А.Д., сего числа через переводчика того же райотдела старшину Воробьёва С.Н. допросил свидетеля Герсдорф Гертруду, 1897 года рождения, беспартийная, немка, германско-подданная.

Свидетель Герсдорф Гертруда об ответственности по ст.95 УК РСФСР за дачу ложных показаний или за отказ от дачи показаний предупреждена; переводчик старшина Воробьёв С.А. предупреждён по ст.95 УК РСФСР за дачу ложного перевода.

Вопрос: Будучи служанкой у Токаева Григория, в каких отношениях вы и члены вашей семьи находились с Токаевым? Какой распорядок вашей работы был у Токаева?

Ответ: Я, мой муж и сын, находились в очень хороших отношениях с Токаевым Григорием и его семьёй, женой и дочерью. Мы бывали в качестве гостей у Токаевых по праздникам. Работала я у них ежедневно с 9 часов утра до 2 часов дня, а иногда во время стирки белья задерживалась у Токаевых до вечера. Ежемесячно я получала за работу 100 марок и некоторое количество продуктов питания.

Вопрос: Когда семья Токаева прибыла из СССР в Берлин?

Ответ: Первый раз семья Токаева прибыла в Берлин 31 декабря 1945 года, прожили они в Берлине до середины февраля 1946 года, затем вернулись в СССР. Второй раз семья Токаева приехала в Берлин в конце мая 1946 года и больше в СССР не выезжала.

Вопрос: Как вёл себя Токаев в семье?

Ответ: По характеру Токаев Григорий был очень замкнутый, мало разговаривал даже со своей семьёй. Токаев дома очень много работал, писал какие-то статьи, сам печатал на машинке. Он очень любил свою дочь.

Вопрос: Известны ли вам знакомые Токаева? Кто к нему приезжал?

Ответ: Токаев дружил с какими-то двумя советскими офицерами, служившими с ним в одном учреждении. Фамилии их я не знаю. Они часто приходили к Токаеву на квартиру. Были случаи, когда Токаева посещали какие-то офицеры, приезжавшие из Москвы.

Вопрос: Известны ли вам связи Токаева среди местного населения Берлина и провинций Германии?

Ответ: Летом 1947 года квартиру Токаева два раз посетил неизвестный мне мужчина, примерно шестидесяти лет, он носил длинную бороду, волосы на голове у него были длинные, седые. С Токаевым он говорил по-русски. Я спросила у жены Токаева, кто этот мужчина. Она ответила, что это русский профессор, в Германию его выслали в 1922 году. Оба раза Токаев разговаривал с ним в своей комнате, каждая беседа продолжалась около часа. Потом жена Токаева сказала мне, что если ещё раз этот профессор придёт, то его не принимать, говорить ему, что Токаева нет дома. Но больше он не появлялся.

Вопрос: Среди тех, кто приходил к Токаеву, были американцы или англичане?

Ответ: Нет. Если он с ними встречался, это происходило не дома.

Вопрос: При обыске вашей квартиры 17 ноября у вас было обнаружено письмо, адресованное «Господину майору Георгу». Что это за письмо, кто такой майор Георг?

Ответ: Однажды в конце 1946 года жена Токаева попросила меня перевести письмо одной женщины. Письмо было на немецком языке. В этом письме немка по имени Эльза Рихтер писала Григорию Токаеву, что ей нужно с ним встретиться по очень важному делу, что её допрашивал советский офицер в чине капитана об англичанине, майоре ВВС, с которым она познакомилась Токаева. Жена Токаева предположила, что муж ей изменял и очень расстроилась. Письмо мужу она не передала. Через некоторое время я нашла в своём почтовом ящике еще одно письмо «господину майору Георгу», написанное тем же почерком. Не желая огорчать жену Григория, это письмо я ему не передала и ей ничего не сказала. До 17 ноября я письма не вскрывала. Его вскрыли советские офицеры, делавшие у меня обыск. Кто такая Эльза Рихтер, я не знаю, никогда с ней не встречалась.

Вопрос: Кто у Токаева работал водителем легковой машины?

Ответ: Сам Токаев хорошо водил машину и много раз выезжал без шофёра. У него было два водителя. Один, Вилли Брели, 45 лет, немец, проживает по адресу Берлин – Митте, Аккеринштрассе, 146. Водителем у Токаева он работал с июня 1946 года по июль 1947 года. В июле 1947 года Токаев рассчитал Вили Брели и нанял Норберта Биндера, 35 лет, проживающего в американском секторе в районе Нехеберг по Гогенштауренштрассе, 7. Этот шофёр работал у Токаева до 3 ноября 1947 года. Токаев иногда ездил на служебной машине. Водители там были разные, их фамилий я не знаю.

Вопрос: Когда вам стало известно, что Токаев с семьёй должен выехать в Советский Союз?

Ответ: Утром 21 октября. Когда я пришла на работу, жена Токаева сказала мне, что 28 октября они уедут. Она была в очень хорошем расположении духа. Она и раньше говорила мне, что хочет поскорее вернуться в Москву, где у них хорошая жилплощадь. Но до 29 октября никаких сборов не было. Утром 29 октября пришли два немца, рабочих с Силезского вокзала, и упаковали мебель Токаева.

Вопрос: кто после 21 октября посещал квартиру Токаева из немцев или советских граждан?

Ответ: Я не видела никого. 2 ноября я, мой муж и сын были на именинах жены Токаева. Ещё там был родственник Токаева, майор-танкист. Этот майор женат на сестре Токаева. Он прибыл из СССР в Германию в октябре 1947 года. Больше никого у Токаевых не было.

Вопрос: 3 ноября вы видели майора-танкиста в квартире Токаева?

Ответ: Нет, не видела. Возможно, он ушёл раньше. Примерно в половине девятого утра ко мне домой пришла дочь Токаева Белла и передала просьбу отца как можно быстрее прийти к ним. Когда я пришла, Григорий Токаев попросил меня приготовить завтрак, а потом помочь его жене собрать вещи. На меня произвела впечатление странная обстановка в доме. Жена Токаева очень волновалась, она была бледная и от волнения не могла ничего делать. Всё время курила сигареты, хотя раньше никогда не курила. Григорий Токаев был в гражданской одежде. Раньше он всегда ходил только в форме и гражданский костюм надевал изредка по воскресным дням.

Вопрос: Во сколько точно Токаевы уехали? Вы это помните?

Ответ: Часов в десять утра. Возможно, это было в начале одиннадцатого.

Вопрос: Что погрузил Токаев в автомашину? Кто сел вместе с ним?

Ответ: Токаев погрузил в машину четыре больших чемодана с одеждой и бельём, узел с обувью, завернутой в одеяло, узел с постельными принадлежностями, две пишущих машинки в футлярах, четыре кожаных портфеля, наполненные чем-то тяжелым. Поверх этих вещей были положены две шинели Токаева, два его гражданских пальто и две меховых шубы его жены. Сам Токаев сел за руль, жена села с ним рядом, а дочь на заднее сиденье. Жена Токаева сказала мне, что вечером они приедут за остальными вещами, но они не приехали, больше я их не видела.

Вопрос: Что осталось в их квартире?

Ответ: Много продуктов, ящик с посудой, радиоприёмник, охотничье ружьё и другие вещи. Токаев оставил свою военную форму, в которой он повседневно ходил. Я обратила внимание, что он был в разных туфлях. Такого с ним раньше никогда не было. Я очень удивилась, но промолчала.

Вопрос: Один из советских офицеров видел, как вы выносили из квартиры Токаева вещи. Значит, вы знали, что он не вернётся?

Ответ: Этого я не знала. А из дома Токаева взяла только часть продуктов, которыми Токаев платил мне за мою работу.

Вопрос: Как были одеты Токаев и его семья?

Ответ: Токаев был в чёрном костюме, в туфлях чёрного цвета. На нём было светло-коричневое пальто, шляпа коричневого цвета, коричневое кашне. Его жена была в темном синем пальто и такого же цвета шляпе.

Вопрос: Какие вещи раньше отправил Токаев и куда?

Ответ: 1 ноября на Силезский вокзал Токаев отправил громоздкие вещи, примерно десять мест. На упаковке я могла только понять надписи, что они отправляются в Москву. Токаев отправил один буфет, один мягкий диван, один письменный стол, один большой круглый стол, четыре полумягких стула, три мягких кресла, четыре круглых столика, туалет с зеркалом, два ночных столика, два или три ковра. Вещи на вокзал возили немцы, которых Токаев 29 октября нанимал для упаковки. Сам он тоже ездил с ними на Силезский вокзал.

Вопрос: Когда шофёр Биндер являлся к Токаеву на работу?

Ответ: Всегда точно к восьми часам утра.

Вопрос: Когда он явился к Токаеву 3 ноября?

Ответ: Около одиннадцати утра. Но Токаева уже не было.

Вопрос: Чем вы объясните, что Биндер в день отъезда Токаева опоздал на три часа?

Ответ: Он имел поручение от жены Токаева продать семь килограммов мяса на чёрном рынке. Вечером 2 ноября он позвонил и попросил передать Токаеву, что опоздает на работу, так как ему нужно успеть продать мясо. Биндер и раньше по поручению жены Токаева продавал продукты.

Вопрос: Надолго ли Токаев отлучался из дома в последние дни перед отъездом? Кому он звонил по телефону и кто звонил ему?

Ответ: Токаев выезжал ежедневно в девять часов утра, возвращался домой в два часа дня и после обеда уезжал снова. Куда он ездил, я не знаю. Я также не знаю, кому он звонил по телефону и кто ему звонил.

Вопрос: 2 или 3 ноября какие-нибудь автомашины подъезжали к дому Токаева?

Ответ: Никаких автомашин, кроме машины Токаева, я не видела.

Вопрос: Вам приходилось видеть машину Токаева после его отъезда?

Ответ: Нет, не приходилось. Мой сын Гельмут рассказал мне, что, возвращаясь с работы, в районе Карлхорста он видел машину Токаева, она шла в направлении от Лихтенберга. Это было 17 или 18 ноября.

Вопрос: Вы выполняли какие-либо поручения Токаева или его жены в последние дни перед их отъездом?

Ответ: Нет, не выполняла. Ни мне, ни моему мужу Рихарду, ни моему сыну Гельмуту Токаев и его жена никаких поручений не давали.

Протокол подписали Гертруда Герсдорф и подполковник Костиков.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

19 ноября 1947 года, Берлин.

Я, гвардии майор Советской Военной Администрации в Германии Железный, с помощью переводчика М.Бема допросил Вилли Брема, 1901 года рождения, водителя фирмы «Штальбау».

Вопрос: Чем вы занимались после капитуляции Германии?

Ответ: Как нацист, до июля 1946 года я работал на разборке разрушенных зданий в районе Митки. С 26 августа того же года был водителем машины советского офицера Григория Токаева. Когда он уволил меня, поступил на фирму «Штальбау», строим мосты.

Вопрос: Кто порекомендовал вас Токаеву?

Ответ: Порекомендовал меня Гельмут Герсдорф, сын Рихарда Герсдорфа, хозяина дома, в котором жил Токаев. С Гельмутом меня познакомила моя дочь Иоганна Брем, они любят друг друга.

Вопрос: По какой причине вас уводил Токаев?

Ответ: Ему казалось, что я плохо вожу машину и не умею её ремонтировать. Однажды он уехал в Москву, вернулся в очень плохом настроении, что-то ему не понравилось и он взял водителем слесаря ремонтных мастерских Норберта Биндера, куда мы часто заезжали по мелочам. С Биндером Токаев часто уединялся и они о чём-то долго беседовали.

Вопрос: По каким адресам вы возили Токаева?

Ответ: Несколько раз я отвозил его в Потсдам, в театры «Метрополь» и «Адмирал-пласт». По просьбе его жены мы выезжали в американский сектор Берлина. Помню, там ей очень понравилась чёрная широкополая шляпа. Возил его дочь в школу, потом из школы. Вот, пожалуй, и всё.

Вопрос: Какие иностранные граждане посещали Токаева?

Ответ: Этого я не знаю. Без меня он часто уезжал сам, он хорошо водил машину. Никогда не доверял мне машину в выходные дни. Куда и с кем он ездил, меня не интересовало. Если бы вы меня предупредили раньше, я бы за ним проследил.

С моих слов протокол записал правильно.

Вилли Брем.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

22 ноября 1947 года, Берлин.

Я, зам.начальника райотдела Оперсектора г. Берлина гвардии майор Железный через переводчика того же райотдела лейтенанта Поскакухина Н. П. допросил задержанного Гельмута Герсдорфа, 1922 года рождения, немец, холост, работает в качестве механика-монтёра на железной дороге на станции Шарлентинбург, проживает по адресу Берлин, Вармбаденштрассе, 25.

Переводчик лейтенант Поскакухин Н. П. об ответственности за неправильный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупреждён.

Вопрос: Расскажите о своей службе в немецкой армии.

Ответ: Я служил в учебной роте авиасвязи на аэродроме г.Ютербог в 70 километрах южнее Берлина и находился там два года. Не окончив эту школу, я досрочно получил

звание ефрейтора и в январе 1943 года был послан на Восточный фронт. Был воздушным радистом, воевал под Харьковом, Полтавой, Ригой. В 1945 году воевал против американских войск в районе Ваймара, где и попал в плен.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы были освобождены из плена?

Ответ: Оказавшись в плену, я на третий день в числе большой группы немецких солдат был допрошен сержантом американской армии. Допрос длился 10-15 минут в комнате, где ещё находился американский солдат с пишущей машинкой. Через две недели нас снова пригласили американские офицеры, заставили заполнить анкеты, выдали нам справки об освобождении и по 120 марок. Обещали отпустить, но через два дня наш лагерь Альтенбург был занят советскими войсками. Примерно через десять дней нас уже допрашивали русские офицеры, а затем мы были освобождены из плена. С тех пор я работаю на железной дороге.

Вопрос: Назовите своих знакомых из граждан других стран.

Ответ: Их было всего два человека. Одна, американка Райзек Эллионора, до капитуляции она проживала в нашем доме, работал в военном госпитале в качестве сестры-хозяйки. Летом 1946 года уехала в Америку в г.Нью-Йорк. Вторым был офицер Советской армии Токаев. Знаю его два года. 3 ноября он выехал из Берлина.

Вопрос: Что собой представляла американка Райзек Эллионора и в каких отношениях вы с ней находились?

Ответ: Эллионора Райзек, в возрасте 35 лет, уроженка Нью-Йорка, прибыла в Берлин в 1932 или в 1933 году вместе со своим мужем Вальтером. Вальтер поступил на службу в вермахт и сейчас, наверное, находится в английском плену. До войны они лет пять жили в нашем доме. За два дня до отъезда в Нью-Йорк Эллионора посетила мою семью, попрощалась и неожиданно попросила, чтобы её комнату сдали советскому офицеру Токаеву. Он жил в ней до февраля 1947 года, потом переехал в виллу по соседству с нами.

Вопрос: Кто посещал Токаева, когда он жил в вашем доме?

Ответ: До приезда жены и дочери в сентябре 1946 года он периодически привозил на своей машине немецких девушек, но их фамилий и адресов я не знаю. Также его посещали неизвестные мне русские офицеры и немецкие инженеры. Последние приходили только в тёмное время суток, их лиц я никогда не видел.

Вопрос: Вы с самого начала нам врётё. Но мы знаем о вас всё. Вы были связником между американкой, представляющей интересы английской стороны, и советским офицером Токаевым. Пока вы посидите у нас. Мы даём вам время подумать.

Допрос прекращён в 16 часов.

XXX

Газета «Süddeutsche Zeitung». 2 декабря 1948 года.

«Корреспондент Ассошиэйтед Пресс передаёт из Лондона:

Подполковник Токаев, эксперт советских военно-воздушных сил, заявил вчера на пресс-конференции, что советское Политбюро ведёт подготовку к третьей мировой войне. Так как такая политика противоречит интересам советского народа, то он, подполковник Токаев, категорически отказывается её поддерживать. Он совершенно сознательно перешёл в другой лагерь.

Подполковник Токаев отказался дать ответы на вопросы о советских исследованиях в области атомной энергии и о других военных проблемах, заявив, что он прибыл в Англию не затем, чтобы стать шпионом, а для того чтобы бороться за свободу. Советский офицер также оставил без ответа вопросы, касающиеся его бегства в Лондон.

Присутствовавшие на пресс-конференции советские журналисты и представители печатных органов коммунистов Англии обвинили его в предательстве и в продажности западным империалистам. Токаев отверг эти обвинения. Он сказал, что предать можно

только интересы своего народа, а он намерен бороться за изменения к лучшему положения советских людей. Подполковник Токаев добавил в конце пресс-конференции, что фашистскую Германию победило не советское руководство, а героический русский народ».

XXXI

Заместитель директора МИ-5 Энтони Браун вызвал майора Хопкинса в начале февраля 1949 года, когда деревья в парке Блейнхем Паласа прогибались от тяжести мокрого снега, а озера парили, отдавая накопленное за лето тепло. На столе перед Брауном лежала стопка листков, скелетных степлером.

– Входите, Джордж, располагайтесь, – доброжелательно предложил Браун. – Вы не устали от общения с нашим перебежчиком?

– Это моя работа, сэр.

– Любая работа иногда становится утомительной.

– Не устал, сэр. Подполковник Токаев интересный собеседник. Я стал лучше понимать Россию. Раньше я знал Россию Чехова и Достоевского. Теперь я вижу её по-другому. Очень интересная страна, для Запада она terra incognita.

– Чем же она интересна?

– Хотя бы тем, что в ней возможны такие люди, как наш подполковник. Разговаривая с ним, я иногда представляю себе травинку, проросшую сквозь толщу асфальта. Жизнь невозможно заглушить ничем.

– Занятное сравнение, – оценил Браун. – Травинка взломала асфальт?

– Нет, всего лишь пробилась. Но это уже немало. Особенно если учесть, что асфальт мощный, многослойный.

– Вы курите?

– Нет, сэр.

– А я с вашего позволения закурю.

Браун набил трубку «Кэпстеном», пыхнул ароматным дымом и продолжал:

– Как я уже говорил, я внимательно читаю протоколы допросов. У меня создалось впечатление, что Токаев откровенно отвечает на все ваши вопросы.

– Это так, сэр, – подтвердил Хопкинс. – Но это ещё ничего не доказывает.

– Почему?

– То, о чём он рассказывает, наши военные эксперты уже знают. Новое только несущественные детали. Хотел бы я понять почему. То ли у подполковника устаревшая информация, то ли ему разрешили говорить то, что он говорит.

– Вы по-прежнему не оставляете мысли, что он может быть агентом советской разведки?

– Я контрразведчик, сэр. Сомневаться во всём – это моя обязанность.

– Вы хороший контрразведчик, Джордж, я предрекаю вам большое будущее. Со временем вы займёте моё место. Или даже место сэра Перси Силлитоу.

– Спасибо, сэр. Но я не целю так высоко.

– Это не зависит от вашего желания или нежелания. У судьбы своя логика. Если вы не ошиблись в выборе профессии, дело само выведет вас куда надо. Значит, у вас ещё есть сомнения в том, кем на самом деле является подполковник Токаев?

– Есть, сэр.

– Тогда прочитайте этот документ. – Браун передвинул по столу несколько листков. Хопкинс отметил, что другие листки остались лежать перед ним. – Мы получили его в виде микрофильма. Это перевод с русского на английский. Читайте, не торопитесь.

Хопкинс прочитал:

«Совершенно секретно.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

г.Берлин, 26 января 1949 года.

Военный трибунал Советской Военной Администрации в Германии в составе председательствующего гвардии подполковника юстиции Орлова, членов: подполковника юстиции Артеменкова и майора юстиции Журавлёва, при секретаре гвардии капитане Прокосенко, без участия сторон обвинения и защиты, рассмотрел в закрытом заседании дело по обвинению:

инженер-подполковника Токаева Григория Александровича (он же Токаев Гогки Ахметович) в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-16 и 58-10 УК РСФСР,

Токаеву Азу Заурбековну в преступлении, предусмотренном ст.58-1а УК РСФСР.

В 12 час. 30 мин. председательствующий открыл судебное заседание и объявил, какое дело подлежит рассмотрению.

Секретарь доложил суду, что подсудимые Токаев и Токаева в судебное заседание не доставлены, так как они скрылись от следствия и суда и находятся вне пределов СССР.

Свидетели по настоящему делу не вызывались.

Председательствующий объявил состав суда.

Военный трибунал, посовещавшись на месте, определил:

Дело по обвинению Токаева и Токаевой рассматривать заочно на основании ст. 265 УК РСФСР, так как обвиняемые находятся в настоящее время вне пределов СССР.

Суд перешёл к исследованию дела. Председательствующий огласил обвинительное заключение и определение Военного трибунала, а затем приступил к оглашению материалов дела.

Председательствующий огласил показания свидетелей, данные на предварительном следствии (листы дела 75-77, 83-88, 89-92).

Председательствующий огласил материалы дела (л.д.93-95).

Председательствующий огласил рапорт Токаева о переводе его по службе в Советский Союз (л.д.117).

Председательствующий огласил приказ Главного начальствующего СВАГ №0789 от 16 октября 1947 года об освобождении Токаева от должности и откомандировании его в распоряжение Управления Кадров Военно-Воздушных Сил СССР (л.д.119).

Председательствующий огласил выписку из отчёта чрезвычайных происшествий по СВАГ за ноябрь 1947 года (л.д.121).

Председательствующий объявил судебное следствие законченным, после чего суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

В 13 час.50 мин. по возвращении из совещательной комнаты председательствующий огласил приговор».

– Что скажете, Джордж? – спросил Браун, когда Хопкинс вернул ему протокол.

– Этого следовало ожидать. Непонятно одно – почему они тянули так долго? Ждали, что он раскается и вернётся, как подполковник Тасоев? Или удастся его выкрасть или убить?

– Может быть, – согласился Браун, раскуривая погасшую трубку.

– Досадно, что нет приговора, – заметил Хопкинс. – Очень интересно, что решил трибунал.

– Почему же нет? Есть и приговор. Наш человек в Берлине очень хорошо поработал. Можете прочитать.

Браун передал Хопкинсу лежавшие перед ним листки. На верхнем стояло:

«Совершенно секретно.

ПРИГОВОР ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

г. Берлин, 26 января 1949 года».

Ниже теснился плотный машинописный текст:

«Токаева Григория Александровича (он же Токаев Гогки Ахметович) на основании ст. 58-16 УК РСФСР, в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни», подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на двадцать пять (25) лет, с поражением прав, предусмотренных пунктами «а», «б» и «в» ст. 31 УК РСФСР, сроком на пять лет и с конфискацией всего имущества.

Токаева Григория Александровича (он же Токаев Гогки Ахметович) лишить воинского звания «инженер-подполковник».

На основании ст. 31 УК РСФСР лишить Токаева Григория Александровича (он же Токаев Гогки Ахметович) медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 – 1945 гг.», медали «За боевые заслуги» и ордена "Красная Звезда".

Токаеву Азу Заурбековну на основании ст. 58-1а УК РСФСР, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни», подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на двадцать пять (25) лет, с поражением прав, предусмотренных пунктами «а», «б» и «в» ст. 31 УК РСФСР, сроком на пять лет и с конфискацией всего имущества.

Председательствующий по делу гвардии подполковник юстиции Орлов».

– Прочитали? – спросил Браун, нарушая тяжелое молчание.

– Да, сэр.

– Вы всё поняли?

– Да, сэр. Моя работа закончена?

– Закончена, Джордж. Он отработанный материал.

– Значит, Токаева отпускаем?

– Отпускаем, – подтвердил Браун. – Но присматривать будем. На чём чаще всего проваливаются самые опытные шпионы?

– На связниках.

– За этим и последим.

– Поставить его телефон на прослушку?

– Да.

– Наружное наблюдение?

– Да.

– А если с ним никто не выйдет на связь?

Браун усмехнулся.

– Шпион, с которым никто не выходит на связь, это, Джордж, не шпион, а самый обыкновенный гражданин.

– Вы разрешите показать эти бумаги Токаеву?

– Конечно, почему нет? Ему будет интересно. Но они на английском. Он поймёт?

– Я ему помогу.

– Договорились. Подготовьте новые документы Токаеву: паспорт, вид на жительство и всё остальное. Подумайте, где ему работать и жить.

Браун вложил протокол заседания Военного трибунала и приговор в картонную папку и передал Хопкинсу.

– Я могу быть свободен, сэр?

– Да, Джордж. Спасибо за работу.

Дома Джордж Хопкинс ещё раз внимательно прочитал материалы Военного трибунала. Судьба подполковника Токаева и его жены была решена всего за час двадцать минут. И это произвело на молодого майора британской контрразведки неожиданно сильное впечатление. Он знал, что в Советском Союзе не устраивают, как в Великобритании, многомесячных судебных процессов над теми, кого считают государственными преступниками. Особые совещания, называемые тройками, отправляли в лагеря и приговаривали к расстрелу сотни тысяч граждан, заподозренных к нелояльности к советской власти, а иногда просто по доносу соседей или сослуживцев. Но одно дело знать, а совсем другое видеть, как это происходит на твоих глазах. Со времён Чехова и Достоевского Россия изменилась неузнаваемо. И это всего за несколько десятилетий, в масштабах истории ничтожный срок. Впервые майор Хопкинс осознал, какой чудовищной твёрдости монолит противостоит западному миру с его демократическими ценностями, которые были для него чем-то таким же естественным, как воздух, которым человек дышит. И его служба в контрразведке, раньше воспринимая им просто работой, которая ему по душе, приобрела новое качество – ту одержимость, без которой в науке невозможно достигнуть значимых результатов, а на государственной службе сделать серьёзную карьеру.

Через две недели Хопкинс приехал в усадьбу и постучал в комнату Токаева.

– К вам можно, Григорий?

– Входите, Джордж. Почему вы стучите? – удивился Токаев. – Обычно на допросы меня вызывает охранник.

Он поднялся из-за письменного стола с англо-русскими словарями и освободил для гостя стул.

– Допросов больше не будет, – объяснил Хопкинс.

– Вот как? Почему?

– Всё, что вы могли, вы уже рассказали. Или всё, что хотели рассказать. Посмотрите эти документы. Они на английском языке. Перевести?

– Попробую разобраться.

Токаев вернулся за стол и углубился в чтение. Иногда раскрывал словарь и искал незнакомое слово. Хопкинс терпеливо ждал, внимательно глядя на Токаева. По мере чтения резкие черты его лица становились как будто каменными. Закончив с приговором, он вернулся к протоколу заседания.

– Быстро управились.

– Да, всего за час двадцать минут, – подтвердил Хопкинс. – Вас это удивило?

– Нет. В Советском Союзе на меня потратили бы минут десять. Приговорили бы к высшей мере социальной защиты. Так называется расстрел. Я не знал, что издан указ об отмене смертной казни.

– Вы считаете, что двадцать пять лет лагерей намного лучше? Сейчас вам тридцать девять лет. Вы освободились бы в шестьдесят четыре года.

– Я не освободился бы никогда, – резко ответил Токаев. – Нет смысла думать о том, что лучше. Вы сказали, Джордж, что допросы закончены. Как теперь вы распорядитесь моей жизнью?

– С этого дня вы сами будете распоряжаться своей жизнью. И только от вас зависит, какой она будет. Я говорил о вас с руководителями Кранфильдского колледжа авиации, они согласились принять вас на должность научного сотрудника. Они занимаются тем же, чем вы занимались в московской академии Жуковского.

– Чем?

– Аэродинамикой летательных аппаратов. В том числе и ракет. Это проблематика вам хорошо знакома, не так ли?

– Как они могут принять на работу человека, о котором ничего не знают?

– Кое-что знают. Не всё, но достаточно, чтобы оценить вашу квалификацию. Вы спросите, откуда? От меня. Я проинформировал их о том, что им следует знать.

– Спасибо, Джордж. Вы всегда так заботитесь о своих подопечных?

– Мы помогаем политическим беженцам адаптироваться в новых условиях. Теперь ещё одно, – продолжал Хопкинс. – Жить вы будете недалеко от колледжа, на улице Джони Страт Сити. Мы сняли для вас недорогую квартиру из четырёх комнат. Поживёте там, пока не купите свой дом. И последнее. Вы не можете жить в Лондоне под своей фамилией, мы не исключаем возможности, что советская разведка предпримет попытки вас ликвидировать. Вот ваш новый паспорт, вид на жительство и разрешение на работу. Британское гражданство вы получите позже, это потребует времени.

– Какую же фамилию вы для меня выбрали? – полюбопытствовал Григорий.

Хопкинс протянул ему паспорт.

– Смотрите.

В нём стояло: Grigory A. Tokaty.

– Значит, я теперь Токати?

– Да, Григорий. И это очень надолго. Может быть, навсегда.

Хопкинс встал и не без торжественности пожал Григорию руку.

– Мистер Токати, добро пожаловать в Великобританию!

XXXIII

В Кранфильдском колледже авиации, позже ставшем частью Лондонского университета, Григори Токати проработал всю жизнь, до последнего дня возглавлял Департамент авиации и космической технологии университета. Через три года он стал профессором и доктором математических наук. Ещё через несколько лет решением Нью-Йоркской академии наук по совокупности работ ему была присвоена степень доктора технических наук. В 1962 году после успешного полёта астронавта Скотта Карпендера на ракете-носителе «Атлас D» за большой вклад в программу «Меркурий» Токати стал действительным членом Нью-Йоркской академии наук и Американской академии космонавтики и астронавтики.

В 1959 году он издал книгу «Сталин – это война». В Великобритании книга стала бестселлером и вызвала резкое недовольство в леворадикальных кругах. Газета английских коммунистов «Daily Worker» опубликовала статью, в которой обвинила автора в продажности, в очернении Советского Союза в угоду интересам буржуазии, в самозванстве. По незначительности своего положения автор не мог присутствовать на совещаниях в Кремле, он никогда не встречался со Сталиным, вся его книга злостная клевета на Советский Союз и его миролюбивую политику. Статью перепечатали многие лондонские газеты, в их числе респектабельная «Таймс». Токати подал на «Daily Worker» в суд. Его адвокаты легко выиграли процесс. «Daily Worker», «Таймс» и все газеты, перепечатавшие статью, по решению суда опубликовали извинения, а газета английских коммунистов оплатила судебные издержки. Вторая книга Токати «Комрад X» о внутрипартийной борьбе в СССР, гораздо более уязвимая для критики, никакого отклика у «Daily Worker» не вызвала.

Все эти годы Токати постоянно жил в Лондоне, лишь в 60-е годы несколько лет провёл в США, принимая участие в подготовке пилотируемого полёта на Луну по программе «Аполлон». В память о его работе в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, был установлен его бронзовый бюст с надписью на постаменте G. A. Tokaty, а в декабре 1972 года американские астронавты Юджин Фернан и Харрисон Шмитт доставили на Луну выгравированные на металлических дисках портреты Вернера фон Брауна и Григори Токати. После возвращения из США Токати по предложению английской компании Rolls-Royce и французской SNECMA Токати принял участие в создании двигателя для

сверхзвукового пассажирского самолёта «Конкорд» и в 1969 году в составе группы авиаконструкторов совершил первый испытательный полёт на «Конкорде».

Из съёмной квартиры на Джонни Страт Сити семья Токати переехала в собственный дом в Уимблдоне, а через несколько лет купила другой дом неподалёку от Лондона в графстве Суррей. Все эти годы Аза Токати была рядом с мужем, ограждая его от журналистов и непрошенных посетителей.

Белла Токати окончила в Лондоне колледж и уехала продолжать образование в Париж. Там вышла замуж за известного балетмейстера, художественного руководителя и владельца музыкального театра на Больших бульварах, танцевала в его театре. Брак оказался неудачным, они развелись, Белла вернулась в Лондон. От этого брака остались две дочери, внучки Григория Токати, Наташа и Нона. Старшая, Наташа, уже замужем, у них свой ресторан в Уимблдоне.

Аза умерла осенью 2003 года в возрасте 92-х лет.

Вместо эпилога ТАЙНЫ ОСТАЮТСЯ ТАЙНАМИ

Узнав из вечерних газет о смерти Азы, Джордж Хопкинс поехал в графство Суррей выразить Григорию Токати соболезнование. Хопкинсу было уже 85 лет, болезни одолевали, но он старался держаться. Когда-то заместитель директора МИ-5 Энтони Браун казался ему респектабельным джентльменом на пенсии, а он себе мелким банковским клерком. Сейчас старым джентльменом он был сам.

Григорий не удивился его появлению, провёл гостя в кабинет на втором этаже и задержался у столика, уставленного разномастными бутылками.

– Что-нибудь выпьете? Есть шотландское виски и французский коньяк.

– Нет, спасибо, – отказался Хопкинс. – Свою норму виски я давно уже выпил. А вы ещё нет?

– Я тоже. Но немного позволяю себе. Когда не могу уснуть. Что привело вас ко мне?

– Я поздно узнал о постигшем вас горе и не смог приехать на похороны. Примите, Григорий, мои искренние соболезнования. Я всего один раз разговаривал с Азой, но хорошо её помню.

– Спасибо, майор.

– Полковник, – поправил Хопкинс. – Но я давно в отставке.

– С какой должности вы ушли в отставку?

– С должности заместителя МИ-5.

– Неплохая карьера, – оценил Токати.

– Когда-то и я так думал. Сейчас это не имеет никакого значения. А вы всё ещё работаете? – кивнул Хопкинс на заваленный бумагами письменный стол и включённый компьютер.

– Да, по инерции, – отозвался Токати. – Если работал всю жизнь, трудно остановиться. И я не представляю, что бы я делал, если бы не работа.

Хопкинс внимательно на него посмотрел. От того бравого подполковника Токаева, каким он его впервые увидел, мало что осталось. Густые чёрные волосы, когда-то подстриженные под полубокс, поредели и поседели, лицо избородили глубокие морщины, глаза выцвели, плечи поникли. Он бодрился, но чувствовалось, что смерть жены стала для него тяжелым ударом.

– А давайте, Григорий, выпьем, – неожиданно для себя предложил Хопкинс. – Что мы хороним себя раньше времени?

Токати налил в тяжелые хрустальные стаканы виски, в каждый на два пальца, поднял свой стакан.

– Помянем Азу. Не чокаемся, у русских это не принято.

Молча выпили. Ещё помолчали. Хопкинс почувствовал, как с непривычки виски ударило ему в голову, захотелось поговорить с этим замкнутым человеком попросту, как много пожившие люди говорят о прожитой жизни.

– Григорий, можно я задам вам нескромный вопрос? – спросил он. – Вероятно, мы видимся с вами последний раз, мне хотелось бы выяснить кое-что до конца

– Спрашивайте, мне давно уже нечего скрывать.

– После того, как допросы были прекращены, мы за вами следили, прослушивали телефоны, отслеживали все ваши контакты. Вы об этом догадывались?

– Я этого не исключал. Что вы хотели узнать?

– Не выйдет ли кто-нибудь с вами на связь. Из советского посольства или из советских агентов.

– Узнали?

– Нет. Никаких подозрительных контактов не было зафиксировано. Через два года мы прекратили наблюдение. Потом вы уехали в Соединенные Штаты, и мы уже не могли вас контролировать. Но некоторые сомнения не исчезли. Они не исчезли у меня даже сейчас. Признайтесь, Григорий, дело прошлое. Вы были посланы в Англию советской разведкой?

– Какого ответа вы от меня ждёте? Да или нет? Я отвечу вам по-другому. Вы помните, что я сказал вам на одном из первых допросов?

– Что? Напомните.

– Что я сделаю всё, что в моих силах, чтобы не было новой войны. Я это сделал, войны не было. Вы можете сказать, что моя роль была ничтожно мала. Да, это так. Но она была. Советский Союз не получил Курта Танка. Он не получил Ойгена Зенгера. Проект Зенгера обернулся не ракетопланами, сбрасывающими бомбы на Нью-Йорк, а ракетами, доставившими человека на Луну.

– Значит, это всё-таки вы предупредили французов, что Зенгера собираются выкрасть? И профессор Бергер, на которого вы перевели стрелки, ни при чём?

– Да, я. Только не спрашивайте, как мне это удалось. Главное – удалось. Вам это ни о чём не говорит?

– Я вам скажу, Григорий, что с самого начала вызывало наши подозрения. Очень уж легко вы ушли от СМЕРШа. Да не один, с семьёй. Хоть и в разных ботинках. Простым везением это не объяснишь. Я готов допустить, что вы согласились на заброску в Великобританию, а потом отказались сотрудничать с советской разведкой. Я могу поверить даже в то, что вы воспользовались этой возможностью оказаться на Западе. Но я никогда не поверю, что дело обошлось без советских спецслужб.

– Вас всё это ещё волнует, Джордж?

– Признаться, да.

– Вы знаете такое выражение: бытие не делится на сознание без остатка? Так вот этот ваш вопрос там, в остатке. В остатке он и останется.

Токати показал на небольшой сейф в углу кабинета.

– В этом сейфе мои мемуары. В них я описал всё без малейшей утайки. Они будут обнародованы через двадцать лет после моей смерти. Боюсь, Джордж, вы не сможете их прочитать, не доживёте. Так что смиритесь с тем, что не все загадки жизни вам удалось разгадать.

Токати встал.

– Спасибо, Джордж, что навестили меня. Да, больше мы не встретимся. Но я всегда буду вспоминать знакомство с вами. Вы были первым человеком, с которого для меня началась Великобритания.

Хопкинс ушёл. Через четыре месяца, ненадолго пережив жену, Григорий Токати умер, унеся с собой свою тайну.

БИБЛИОГРАФИЯ

- И. Петров, «Побег подполковника Токаева»
И. Петров, «Дело Тасоева»
Г. Токати, «Сталин – это война»
Г. Токати, «Комрад Х».
Б. Черток, «Ракеты и люди»
Д. Дауров, «Портрет осетина на Луне»